

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателям	2
-------------------------	---

ОДОЛЕВАЯ УКОРЕНЕННЫЙ ГРЕХ

О неудержимой тяге к новизне миллионов людей (редакционный комментарий)	4
---	---

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Е. С. Роговер. Роман А. Н. Толстого «Воскресение» как синтез творческих исканий писателя	6
А. Н. Миронов. Проблема романа «Воскресение» А. Н. Толстого (фрагмент из книги «Литературы лукавое лицо»)	20

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

Стихи Евгении Бильченко, Виктора Муравина, Ольги Павловой, Старикана Владислава, Наталии Ульяновой, Веры Грибниковой, Валерия Доманского	38
--	----

ПРОЗА XXI

Михаил Жаров. Зеркальная любовь (повесть)	62
---	----

СЛОВО ЧИТАТЕЛЮ ЖУРНАЛА

Надежда Костина. Когда молчать — себя совсем не уважать (ответ на статью Е. Морозова «Во имя истины», опубликованную в 6-м выпуске журнала)	108
---	-----

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

Политические репрессии как религиозный феномен (редакционный комментарий)	112
Вадим Петров. «А я скажу, что расстрелял вас...» Взгляд на репрессии 1930-х годов из XXI века	114

ПОРТРЕТЫ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ

Е. С. Роговер. Андрей Вознесенский. Памяти большого Поэта	124
---	-----

АРХИВЫ УЧАТ

Реставратор — Андрей Павлов-Арбенин. Г. Р. Державин. Христос (поэма, комментарий Мицкевича, приложение)	128
Они стихами не грешили, имея строго честь свою... (редакционное размышление)	142

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО БЫТИЯ РОССИИ

Е. Г. Кузнецов. И один в поле воин!.. Размышления о Сталине (философско-историческое эссе)	143
--	-----

О САМОМ ГЛАВНОМ

Владимир Хилько. В дебрях понимания, или Заблудившись в трех соснах. Часть 2-я (начало опубликовано в 6-м выпуске журнала)	158
--	-----

ДУХОВНЫЕ ГЛУБИНЫ

Владимир Василик. Старчество и современность	166
--	-----

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

*Здравствуйте,
дорогие читатели журнала «Писатель. XXI век»!*

Перед вами снова наше издание, и мы рады тому. Журнал, если он имеет перспективу, — будет развиваться. Но что есть развитие само по себе? Главный признак его в том, что оно непременно вызывает смену качества (усложнение системы внутренних связей) в чем-либо. То есть само развитие обязательно сопровождается подготовкой (формированием) и обнаружением новых и более ценных свойств развивающегося объекта. Что же может быть нового и более ценного, нежели было ранее в настоящем выпуске нашего журнала? Вероятно, этим может стать появление новых самобытных (оригинальных) публикаций. Кроме того, эти работы должны (просто обязаны) обнажить до сих пор скрытые важные общественные проблемы, дать представление о грядущих опасностях (предупредить о них всех вменяемых читателей), научить методам и приемам познания подлинных смыслов текущих событий.

Литературная часть выпуска также представлена произведениями, имеющими схожее с остальными материалами идейное наполнение, а значит, и звучание. Что конкретно следует упомянуть в связи с названным выше? Выпуск открывает редакционное исследование «О неудержимой тяге к новизне миллионов людей». Читатель сможет по достоинству оценить сформулированную критическую позицию и либо согласиться с нею, либо предложить свое видение обнаруженных противоречий и обоснование к нему. В постоянной рубрике, посвященной изучению русского классического литературного наследия, вновь представлена возможность заявленных литературоведческих позиций в отношении романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Далее в рубрике «Душа с душой говорит» опубликована большая подборка стихов семи серьезных поэтов. Редакция, в свою очередь, рассчитывает удовлетворить многих любителей и ценителей разноплановой и в целом пронзительной поэзии. Затем читатель сможет прочесть новую повесть «Зеркальная любовь» Михаила Жарова. В этой работе ее весьма талантливый автор вновь погружает всех нас в немыслимый мир фантазии и реальности, в котором его герои вершат невероятные, но крайне важные для человека поступки. Читатели смогут также познакомиться с откликом на опубликованную в 6-м выпуске журнала критическую статью Евгения Морозова «Во имя истины».

В уже ставшей привычной рубрике «История без политического грима» на суд выносится новая работа Вадима Петрова «А я скажу, что расстрелял вас», посвященная теме политических репрессий в СССР. В рубрике «Портреты наших современников» журнал предлагает своему читателю выразительный рассказ «Андрей Вознесенский. Памяти большого Поэта» Е. С. Роговера. В рубрике «Архивы учат» публикуется поэма «Христос» Г. Р. Державина в контексте старых и новых комментариев к ней. В новой рубрике «Проблемы исторического бытия России» вниманию аудитории журнала представлено неожиданное философско-историческое эссе «И один в поле воин!.. Размышления о Сталине» Е. Г. Кузнецова. Предпоследним материалом выпуска стала статья Владимира Хилько «В дебрях понимания, или Заблудившись в трех соснах. Часть 2-я». В ней автор продолжает свои размышления, начатые в публикации с аналогичным названием в 6-м выпуске нашего издания. В новой рубрике «Духовные глубины» читаем эссе Владимира Василика «Старчество и современность».

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век»

О НЕУДЕРЖИМОЙ ТЯГЕ К НОВИЗНЕ МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ

(редакционный комментарий)

Что вдруг за тема такая и зачем нам она? А тема эта самая что ни на есть интересная и даже еще и архиважная. Почему же? Да потому, что ею охвачена практически вся наша жизнь. Или погоня за новизной имеет место быть практически повсеместно и во всем. С одной стороны, ею буквально до дрожи озабочены все ученые мужи, с другой — всякий обыватель начинает очень много волноваться и печалиться вне получения буквально наркотического облегчения от очередной порции чего-нибудь нового. То есть вся наша жизнь фактически запрограммирована на непрерывную охоту за чем-то новым (новеньким). Помните лозунг «Процесс познания неостановим»? Иначе говоря, мы все больны острым дефицитом нового ощущения: это и знания, и новости, и переживания (впечатления) на их счет. Многие из нас попросту впадают в депрессию, если кончается приток этих самых новых впечатлений. Впрочем, здесь следует все же отделять уже привычные (известные) случаи впечатлений от проявлений подлинно новых событий, рождающихся из сгустков противоречий уже невыдуманной жизни. Другими словами, мы все тотально зависим от необходимости соприкосновения именно с новостью во всех ее видах и формах. Кто-то заметит: ну и что тут такого? ведь это же не грех? Кстати, уважаемый читатель, обрати свое внимание на слово *грех*. Именно оно всегда скрытно (намеренно замаскировано) присутствует в любой неудержимости. Почему же? Да потому, что альтернатива ей лишь *смирение*. Кстати, с сущностной точки зрения *грех* — это внешнее проявление *неодолимого внутреннего дискомфорта личности че-*

рез выход ее поведения за пределы одобряемого. И потом, давайте зададимся вопросом: а к чему нам всем новизна? И не ради ли нее Ева захотела испробовать известный запретный плод с запретного дерева в раю? Отвечая на последний вопрос, приходится признать, что да, все ровно так и произошло. Первые люди отведали запретного яблока и получили, как говорится, по полной программе искомую круговерт «сладкой» новизны собственного бытия. И при этом акт *грехопадения* состоялся как очевидно новый элемент человеческого бытия. Причем он состоялся ради него самого, а не ради чего-то большего или чего-то более важного. Вспоминая известное нам всем непрерывное реформирование всего и вся, невольно приходишь к мысли, что дурман новизны не является в нашу жизнь случайно, что его нам непрерывно и организованно навязывают, прививают, подсовывают, «подсаживая» всех нас на стойкую и острую потребность в нем. Особое место в погоне за новизной занимает *институт моды*. Он фактически и есть тот модератор всего процесса погони за новым впечатлением. Более того, его адепты напористо и неустанно втолковывают нам, что без непрерывной смены окружающих нас вещей исчезнет и само ощущение жизни, что *смена вещей и впечатлений от обладания ими и есть ее главное свойство*. И еще. Сторонники новизны также твердят нам настойчиво, что без новизны нет даже творчества, а значит, новизна абсолютно неизбежна в нашей жизни. Что ж, с последним трудно спорить.

В самой известной погоне за новизной усматриваются признаки, с одной стороны, непрерывного позна-

ния мира, с другой — получения дополнительных возможностей для помыкания этим миром на манер пушкинской старухи, вздумавшей стать полноправной хозяйкой известной «золотой рыбки» или распорядительницей буквально неограниченных природных сил. То есть в синдроме дефицита новизны налицо стремление к правде, к объективной реальности или к исчерпывающему познанию ее тайн. Но хорошо ли испытывать страсть к правде как таковой? С одной стороны, всякий скажет, что такая страсть поистине священна, тем более что даже не всякий человек будет в состоянии ее остро испытывать, с другой — жажда правды имеет, если хотите, черты одержимости (маниакальности). И еще. Разве правда сама по себе не спасает всякую человеческую душу? Вряд ли. В таком случае погоня за нею уже содержит в себе и печальные следствия. Какие же? Они в том, что ищущий правду подобен искателю того — не знамо чего. Иначе говоря, борец за правду борется за то, с чем сам, в конце концов, совладать-то и не сможет. Впрочем, есть подозрение, что правда ему попросту никогда и не откроется во всей своей полноте, так как для этого нужно хотеть все-таки чего-то иного и большего. Чего же именно? Видимо, человек должен желать самому себе главным образом научиться любить наш несчастливый, несовершенный мир, если говорить о его греховности, любить очевидную возможность его изменения (преображения) к лучшему (к праведному бытию). А когда человек сможет полюбить названный мир? Он полюбит его тогда, когда начнет в нем же самозабвенно творить добро, когда даже в отчаянных ситуациях будет придерживаться той мысли, что добро необоримо, что оно на длинной дистанции непременно побеждает. Но в добре как таковом также есть закавыка. Какая же? Она такая, что внутри добра опять же есть правда, но правда в виде собственной особой красоты. Ведь добро с сущностной точки зрения — это *творение красоты правды, разумной пользы и преображения человека*. Смысл означенного преобразования — в необратимом вос-

хождении человека к праведности, пускай лишь на йоту. Все иное называется иначе, например, взаимопомощь, взаимовыручка, бескорыстная услуга, подавание. Кстати, современное российское правительство славно как раз последним умением. Впрочем, оно сначала обирает много, а затем мало и шумно одаривает. С другой стороны, если вести честную политику, то тогда и не разбогатеешь сказочно. Вот и приходится выбирать: либо народное благополучие, либо собственное сладенькое изобилие. Да и когда в России правители отличались заботой о простом народе? Разве нам есть кого из них вспомнить? Другое дело, что некоторые все же пытались закладывать условия для подобия честной и даже праведной жизни: например, Сталин на голову превзошел всех последующих руководителей России вместе взятых. Чем же? А тем, что сумел ответственно знать вогнать в рамки ответственности, за что она и мстит ему яростно и поныне. В частности, она подло корит великого вождя за массовые репрессии. Кстати, она же также оголтело ненавидит еще Иоанна Грозного, называя его сумасшедшим на троне. То есть всякий российский правитель, который ущемлял совершенно безумные аппетиты российской «элиты», беспощадно объявлялся ею кровавым тираном. Касательно Грозного следует еще заметить, что только он имел признаки недюжинной веры в Бога, которая негаснущим маяком сохраняется в народной памяти. То есть легендарный русский царь в годы своего правления оставил-таки след (зарубку) о главных целях бытия государства Российского как страны в будущем подлинной (православной) христианской веры. А бесовское стремление к новизне нынешних правителей — это лишь суррогатная замена обретению названной выше веры. И отчаянное стремление к правде имеет тот же самый скорбный оттенок. Поэтому не будем впредь обольщаться и на счет новизны, и на счет страсти к правде. Другими словами, нет и не может быть в принципе праведного бытия вне неудержимого искания Бога. Точка.

Е. С. Роговер

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ» КАК СИНТЕЗ ТВОРЧЕСКИХ ИСКАНИЙ ПИСАТЕЛЯ

Над своим поздним романом Лев Толстой работал около десяти лет, с 1889 по 1899 год. Он был опубликован в журнале «Нива» с пятьюстами цензурными исправлениями. Этим великим творением завершался XIX век — век развития классической русской литературы и синтезировались философские, религиозные, этические и художественные искания писателя. Л. Толстой обобщил здесь все великие вопросы русской жизни дореволюционной эпохи и на многие из них дал свои мудрые ответы.

Роман «Воскресение» оказался тесно связанным с публицистикой Л. Толстого, где он остро критиковал государство как орган военного, судебного, экономического, полицейского насилия над людьми, развивал философское учение о ненасилии, решительно отвергал практику подавления личности, обличал «экономическое рабство» народа и частную собственность на землю. К числу особенно значимых работ Толстого его «проповеднического» периода относятся «Странный вопрос» (1891), «Письма о голоде» (1892), «Царство Божие внутри вас» (1893), «Голод или не голод?» (1898). Отзвуки этих работ мы находим в романе «Воскресение».

Фабула толстовского романа перекликается с одним из интересных произведений просветительской литературы XVIII века — пастихом (т. е. газетной «уткой») Б. Франклина «Речь Полли Бекер» (1747)¹. В этом произ-

ведении говорится о том, что публичная женщина будто бы выступила в Коннектикуте с защитительным монологом; в нем разоблачала судей, один из которых соблазнил ее и, обещав жениться на ней, бросил с пятью детьми. И теперь он в ряду других обвиняет ее в нарушении нравственности. История эта была сочинена американским просветителем, с произведениями которого Толстой мог быть знаком по рассказу у французских писателей Рейналя и Дидро. Русский художник слова «вернулся» к популярному у просветителей сюжету, хотя сделал в романе совершенно иные акценты.

Гораздо важнее отталкивание Толстого от реальных фактов российской действительности. В петербургском суде незадолго до начала работы писателя над романом слушалось дело проститутки Розалии Они, которая обвинялась в краже ста рублей у посетителя притона. Ее когда-то соблазнил и бросил, толкнув на путь проституции, богатый молодой чиновник, который теперь оказался одним из присяжных заседателей, принимающих участие в суде над нею. Узнав в подсудимой арестантке соблазненную и покинутую им девушку, молодой человек решил жениться на ней и, приступив к хлопотам, нанес визит к прокурору А. Ф. Кони. Последний рассказал в 1887 году об этой истории Л. Н. Толстому, добавив, что любовник, в конце концов, куда-то исчез, а Розалия умерла в тюрьме от сыпного

тифа. Писатель увидел в этом жизненном факте прекрасный сюжет и был благодарен А. Ф. Кони, который «подарил» его Толстому.

Для нас эта страница творческой истории романа интересна уже потому, что показывает, насколько важны были автору «Воскресения» реальные факты жизни, получившие затем художественное претворение и преображение в тексте произведения. Так, соблазнителем в романе стал не чиновник, а знатный аристократ, оказавшийся присяжным поверенным, а не судьей, как в истории Полли Бекер. Героиней стала не воспитанница петербургской дамы, а девушка из народа. Акцент сделан не на материнстве и верности натуре (как в речи героини из Коннектикута), а на судейском лицемерии, проституции и тюремном насилии над человеком. Судьба арестантки заканчивалась отнюдь не смертью, а духовным возрождением, так же как и история соблазнителя. Главное же в творческом переосмыслении книжного источника и жизненного факта состояло в том, что Толстой на первый план выдвинул беспощадное негативное изображение господствующих классов и страшные картины народной жизни.

Кристаллизация замысла писателя нашла отражение в его дневниковой записи от 30 апреля 1889 года: «Думал: вот 7 пунктов обвинительного акта против правительства. 1) Церковь, обман, суеверия, траты. 2) Войско, разврат, жестокость, траты. 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза. 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города. 5) Фабрики — убийство жизни. 6) Пьянство. 7) Проституция»². В этом изменении замысла — суть перехода от одной редакции романа к другой (всего их оказалось шесть). Толстой посещает тульскую тюрьму, беседует с прокурором Н. Давыдовым о характере судебных процессов; приходит к выводу, что преподавание религии в школе есть грубое и бессмысленное насилие; размышляет о значимости «нравственного учения»; думает

о жестоком обмане людей — «экономическом и политическом»; пишет об «одурении вином и табаком», об уродливых формах брака, об «ужасах самодержавия» и нелепостях «государственного устройства» и, конечно, о жизни крестьян. Так проблематика романа, где отразились все эти вопросы, решительно перерастает частную историю взаимоотношений героя и героини. Объем подготовительных материалов к книге составил 7 тысяч листов.

Опора на реальный жизненный материал в романе «Воскресение» (а это одно из его достоинств) сказывается и в том, что писатель, рисуя типы, неизменно отталкивается от прототипов. Так, Чарскую Толстой рисовал с Е. И. Шуваловой, а ее супруга — с П. А. Шувалова. Изображая ловкого Рагожанского, писатель имел в виду судейского чиновника А. М. Кузминского. В Колосове выведен Б. Н. Чичерин, а в образе флигель-адъютанта Богатырева угадывается граф Ольсфельд. Рассказывая о Топорове, Толстой целил в мракобеса К. Победоносцева. Даже звучание некоторых фамилий напоминает фамилии подлинных, нередко высокопоставленных лиц: товарищ прокурора Браве ассоциируется с Плеве; сенатор Бе — с сенатором Цеэ, Билянов — с Деляновым, Вольф — с Фуксом (обе последние фамилии — немецких корней)³.

Что же касается Нехлюдова и Катюши Масловой, то они не только в определенной мере повторяют главных персонажей истории, рассказанной юристом Кони, но и несут в себе черты героев далекой юности самого Толстого. В Нехлюдове заключены некоторые автобиографические начала. Это прежде всего присущие Толстому неприятие любой лжи и фальши, стремление к нравственному самоусовершенствованию, свойственное ему, постоянные духовные искания, переживаемое им чувство вины за прошлое. Кроме того, в беседе с П. И. Бирюковым Толстой сделал признание, касающееся сюжета романа «Воскресе-

ние»: «В молодости я вел очень дурную жизнь, и два события этой жизни особенно и до сих пор мучают меня. <...> Эти события были: связь с крестьянской женщиной из нашей деревни до моей женитьбы <...>. Второе — это преступление, которое я совершил с горничной Глашей, жившей в доме моей тетки. Она была невинна, я ее соблазнил, ее прогнали, и она погибла»⁴. Эта откровенная исповедь подчеркивает автобиографизм главного героя романа.

В центре толстовского повествования — образы Нехлюдова и Катюши Масловой. Характер первого из них дан в непрестанном развитии. Сын богатой помещицы (она подчеркнуто названа землевладелицей), князь Нехлюдов в юности учится в университете, увлечен идеями «Социальной статистики» Г. Спенсера, понимает несправедливость частного землевладения и решает «не пользоваться правом собственности на землю». Это решение он осмысляет в дипломном сочинении, работа над которым побуждает его приехать в подмосковное имение тетюшек Паново. Юноша отличается благородными чувствами, высоко ставит нравственные требования, во имя которых готов совершить решительный поступок (и он действительно передает крестьянам большой участок земли, доставшийся ему от отца). Он «познает всю красоту и важность жизни» и переживает при этом восторженное состояние. Именно в эту пору он впервые встречает Катюшу Маслову и испытывает к ней светлое чувство любви, отмеченное чистотой и поэтичностью, «...все для него как бы освещалось солнцем, все становилось интереснее, веселее» (32, 45).

Нехлюдов отражает сокровенные переживания, мысли и чувства самого писателя. Вот почему эту фамилию настойчиво сохраняют многие герои произведений Л. Толстого: в повестях «Отрочество» (1854), «Юность» (1857), «Утро помещика» (1856), в рассказе «Люцерн» (1857), в романе «Воскресение» (1889–1899), хотя при этом они

всякий раз не утрачивают индивидуального своеобразия.

Но этот герой не случайно является духовным наследником толстовских героев-искателей (князя Андрея Болконского, Пьера Безухова, Константина Левина). Он тоже должен пережить свои взлеты и падения, утраты и обретения. Второй приезд в деревню открывает читателю новый облик Нехлюдова: ведь он побывал в Петербурге, поступил в гвардейский полк, испытал уже тлетворное влияние «общественной морали», резко противопоставленной «морали естественной» (отголосок толстовского увлечения этикой Руссо). По словам автора, «теперь он был развращенный, утонченный эгоист, любящий только свое наслаждение» (32, 47). Эта перемена не могла не сказаться на его взаимоотношениях с Катюшей, которую он встречает вторично. Герой ощущает теперь в себе пробуждающееся животное начало, которое подавляет начало духовное, требовательно заявляет о себе и приводит к безнравственному поступку: Нехлюдов соблазняет Катюшу и оставляет ее, отделавшись жалкими ста рублями.

Однако Нехлюдов отнюдь не напоминает позорно бежавшего молодого искателя из истории, сообщенной А. Ф. Кони. Ему суждены муки совести, прозрение, «нравственное движение», возвращение к самому себе, а значит, разрыв со средой и душевное обновление. Решающее значение в этом «повороте» имеет сцена суда, с которой не случайно Толстой начинает свой роман. Представшая перед Нехлюдовым-заседателем история, случившаяся с Катюшей, открывает ему глаза на несправедливый и преступный мир во всей его наготе и на себя, как соучастника преступления. Теперь он оказывается способным увидеть фальшь суда, жестокость тюремщиков, трагедию крестьянской нищеты, ужасы государственного насилия над человеком. Он долго безуспешно хлопотет об облегчении участи Масловой и ее новых друзей, а затем от-

правляется в Сибирь, чтобы быть рядом с Катюшей и содействовать ее счастью.

Правда, как истинный художник, Толстой не выпрямляет путь своего героя и не затушевывает власти на него окружающей среды. Даже порвав со светским миром, Нехлюдов сохраняет ощущение связи со своей средой. И в молодости она не позволила ему изменить образ жизни и отказаться от прежних привычек. «Ведь уже пробовал совершенствоваться и быть лучше, и ничего не вышло, — говорил в душе его голос искуителя, — так что же попробовать еще раз? Не ты один, а все такие...» (32, 103).

И позже он жалеет дома, леса, конюшни, лошадей, когда решает передать землю крестьянам, и предательский голос нашептывает ему, что он не всю жизнь будет находиться в Сибири и что у него могут быть дети, что завести все это добро «очень трудно» (32, 202). И в зрелые годы среда диктует ему свои правила. Оказавшись в Сибири в гостях у начальника края, «Нехлюдов весь отдался удовольствию красивой обстановки, вкусной пищи и легкости и приятности отношений с благовоспитанными людьми своего привычного круга». Тем не менее с жизненным опытом, ростом социального сознания совесть Нехлюдова очищается неизменно.

Герой романа становится ярчайшим выражением русского искания добра и правды, напоминая прежде всего самого Льва Толстого, его муки совести и праведный гнев, сильные и слабые стороны его мировоззрения. Нехлюдов, как и его автор, зорко видит «острог, бритые головы, камеры, отвратительный запах, цепи и рядом с этим — безумную роскошь своей и всей городской, столичной, господствующей жизни» (32, 225). Как и Толстой, герой хорошо понимает, что мнимо «преступных» людей в стране «хватали, запирали или ссылали совсем не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззакония, а только потому, что они

мешали чиновникам и богатым владеть тем богатством, которое они собирали с народа» (32, 299–300). Но вместе с тем Нехлюдов, как и создавший этот образ автор, не увидели истинных и действенных средств преодоления зла. Они нашли его в странничестве и поисках «царства Божия», в дальнейшем самоусовершенствовании и опрощении, в пересмотре ряда евангельских истин и окончательном разрыве с лживой и праздной средой. Зоркому читателю становится ясным, что этих средств для искоренения зла явно недостаточно. Однако пережитое героем романа воскресение личности глубоко поучительно, равно как и философское учение ненасилия, обретенное Нехлюдовым.

Рядом с героем романа изображена героиня — Катюша Маслова. Дочь незамужней дворовой женщины, она провела свои первые шестнадцать лет в селе Паново, в доме тетюшек Нехлюдова, одна из которых помогла выходить и вырастить девочку. В барском доме, куда взяли Катюшу, ее обучили хорошим манерам и модному французскому языку, но заставляли выполнять всю тягостную домашнюю работу. Так Толстой показал пародийную нелепость «спасения» (девушка получила прозвание «Спасенная»), при котором психологию полубарышни-полукрестьянки сделали социально ущербной. В этом доме Катюше довелось увидеть Нехлюдова, полюбить его (страницы любви овеяны поэзией и нежной лирикой переживаний) и испытать позор насилия и незаконной беременности, а потом брошенности и изгнания.

Толстой прослеживает весь последующий трагический путь Масловой. Страшной вехой на этом пути стала та «темная, осенняя, ветреная ночь», когда она, тяжело ступая, пришла на станцию, увидела в освещенном окне вагона первого класса своего обольстителя и долго бежала по платформе, теряя из виду удалявшийся поезд. Заметим попутно, что писатель велико-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

лепно передает динамику и ритм движения состава, а одновременно дает описание последовательности вагонов — первого, второго, затем третьего класса. Здесь темп движения поезда передан очень точно. Этому и зрительно и фактически соответствует то, что вагон первого класса был «далеко впереди», «следом за ним уже быстрее бежали вагоны второго класса, а вагоны третьего класса бежали еще быстрее»⁵. Вспомним, что эта сцена романа оказала влияние на Александра Блока, автора стихотворения «На железной дороге», который заметил, как «Вагоны шли привычной линией, / Подрагивали и скрипели; / Молчали желтые и синие; / В зеленых плакали и пели». А провожает эти вагоны и у Толстого, и у Блока несчастная женщина, в сознании которой рушится мир. Рассказывая о Катюше, автор «Воскресения» замечает: «С этой страшной ночи она перестала верить в добро... Все жили только для себя, для своего удовольствия, и все слова о <...> добре были обманом» (32, 132). Эта сильнейшая в художественном отношении сцена, где героиня изображена в темноте, грязи, под дождем, а герой — в освещенном вагоне, в бархатном кресле сидящий и пьющий, раскрывает всю социальную пропасть, лежащую между Катюшей и Нехлюдовым.

А далее в жизни Катюши, как мы помним, следуют все новые и новые беды: смерть ее ребенка в воспитательном доме, опека городских «благотельей», пребывание в роли содержанки, полуголодное существование, проституция, дом терпимости Китаевой, арест, суд. Чем ниже опускается Катюша, тем выше поднимается непосредственный виновник ее судьбы, пока не является в суд в роли присяжного поверенного, где встречает Маслову-арестантку.

В романе Достоевского «Преступление и наказание» тоже нарисована падшая женщина. Но — в отличие от героини Толстого — она идеализирована и ей приданы функции спаси-

тельницы и наставницы. Автор «Воскресения» отказывается от такого подхода и связывает Катюшу с судьбой простого народа, олицетворением которого она является. Кроме того, с Масловой писатель не снимает частичную вину за греховную жизнь, которую она предпочла тяжелому городскому труду и к которой быстро привыкла, перестав видеть ее отвратительность. В своем реализме, как видим, Толстой и здесь идет до конца.

Целых семь лет находилась Маслова в домах терпимости, пока не оказалась обвиненной в отравлении купца Смелькова. Очередной парадокс состоит в том, что ее, невиновную в предъявленном преступлении, судят посетители дома Китаевой, виновные в ее трагической судьбе.

Обращает на себя внимание то, что Катюша не утрачивает совести, стыда и благородства, а также пронизательности и такта. Ее отказ стать женой раскаявшегося Нехлюдова продиктован и трезвой оценкой сделанного предложения как несерьезного и ненадежного, и ее заботой о самом Нехлюдове («И вам жить надо», — замечает она), которого этот брак может сделать несчастным. Героиня Толстого тоже переживает обновление, соприкоснувшись и с арестантами из крестьян, и с новыми людьми из интеллигенции. Она поднимается до осознания важной и значительной истины: «Я думаю, обижен простой народ, — сказала она, вся вспыхнув, — очень уж обижен простой народ» (32, 399), и эту ее реплику решительно поддерживает один из «политических» — Набатов.

Еще одной важной вехой на дороге жизни Катюши Масловой становится сближение ее с политическими заключенными. Она «очень легко и без усилия поняла мотивы, руководившие этими людьми, и, как человек из народа, вполне сочувствовала им. Она поняла, что люди эти шли за народ против господ» (32, 367). Знакомство героини с народолюбцами произошло во время следования по этапу в Сибирь, оно приобщает ее к новой прав-

де и особой душевной красоте некоторых из ее новых товарищей. Поэтому Симонсон, полюбивший ее, оказывается для нее более предпочтительным, чем богатый барин Нехлюдов. Сделав многострадальную женщину из народа героиней своего романа, Толстой проявил подлинный демократизм ему присущего мировоззрения.

Таким образом, и Нехлюдов, и Катюша Маслова переживают нравственное и социальное возрождение, пройдя сложный путь от падения к духовному воскресению. В этом смысл названия романа.

Одним из очевидных достоинств романа является пристальное внимание автора к народу и многостороннее изображение его. Кто только не представляет здесь народный мир! Строители, мастеровые, кустики, рабочие на торфяных разработках, плотники, каменщики; люди, прислуживающие в барских домах, прачки, посудомойки, крестьяне в деревнях и ищущие места в городе. Они являются носителями высоких нравственных начал. Как правило, это люди трезвого ума. Поэтому об этих людях труда автор романа пишет с неизменной симпатией и большой душевной теплотой. Но, может быть, основным ракурсом в изображении народа является воспроизведение его нищеты. Нехлюдов, как некогда сам Толстой, приезжает в деревню, ходит по избам крестьян и сталкивается в них с убожеством, бедностью и голодом. Старик-крестьянин из села Паново, отвечая на вопрос барина, говорит: «Какая наша жизнь! Самая плохая наша жизнь». — «У меня вот они двенадцать душ... что ни месяц, купи шесть пудов, а где их взять?» — рассказывает крестьянин. «Изба завалиться хочет, того гляди — убьет кого», — ропщет старуха (32, 211). Всем не хватает пищи, многих подтачивает неимоверно тяжелая работа. Отсюда понятно, почему такая смертность среди крестьянского населения.

Хатка старухи Матрены была шести аршин. Нехлюдов увидел за ребятами худую женщину с «исчавнувшим», но

все улыбающимся бледным ребенком в скуфеечке из локутов. Этот образ мальчика в скуфеечке с искривленными от болезни, как червячки, пальчиками вырастает в яркий символ голодающего, болеющего и умирающего народа. Толстой показывает и темноту, невежественность крестьян, живущих в условиях «власти тьмы». Такова, например, старуха, рассказывающая о голодной смерти ребенка Катюши. Многочисленные сцены романа показывают, как крестьян преследуют власть и царский суд.

Как видим, Толстой в «Воскресении» решительно отказывается от поэтизации крестьянской жизни, которая встречалась в «Анне Карениной». Писатель показывает, как у мужиков неизбежно растет ненависть к своим угнетателям и крестьяне освобождаются от смирения и покорности. В этом отношении значителен образ старика-сектанта, которого Нехлюдов повстречал на пароме в Сибири. Его не случайно преследуют власти: ни государства, ни церкви он не признает, подчиняться царящим порядкам он не собирается. Решительно не принимают арестанты, сидящие в камере, проповедь англичанина о непротивлении и всепрощении. «Общий неудержимый хохот охватил всю камеру; даже избитый захохотал “сквозь свою кровь и сопли”. Смеялись и больные» (32, 435–436). Этот смех — грозное предзнаменование, как его воспринимает проповедник.

Изображая товарок Масловой по камере (голубоглазую крестьянку Федосью, старуху Кораблеву, изуродованную дикой жизнью Хорошавку), Толстой показывает, что они так или иначе пренебрегли законами человеческой нравственности, но сделали это потому, что сами стали жертвами царящего кругом насилия, отчего и утратили веру в добро. Точно так же, попав под власть притеснителей, обыкновенные, часто добрые люди сами становятся мучителями других. По долгу дьявольской, противозаконной службы все эти надзиратели, городовые,

смотрители, конвойные начинают жестоко обращаться с людьми, попавшими под их власть. Ведь «только позволь обращаться с людьми без любви <...>, и нет пределов жестокости и зверства по отношению других людей <...> и нет пределов страдания для себя» (32, 352).

Размышляя о «преступном» мире, Толстой утверждает, что большой процент среди нарушителей спокойствия составляют те, кто зачислен в «преступники» только потому, что «стояли нравственно выше среднего уровня общества». Нередко же это лучшие люди, наделенные чистотой души и богатством натуры. Особо выделяет писатель революционеров-народников, к которым проявляет не только внимание, но и нередко — симпатию. Подобную переоценку переживает и центральный герой романа. «Узнав ближе политических, Нехлюдов не только освободился от того чувства недоброжелательства, осуждения и презрения даже, которые он имел к ним с 1 марта, но увидел, что большинство из них были несомненно лучшие люди своего круга» (33, 276).

Но Толстой и его герой неоднозначно подходят к характеристике «политических» и дифференцируют их, выделяя среди них две группы: тех, кто был «выше среднего уровня», и тех, кто принадлежал к людям «ниже среднего уровня». Речь идет о нравственных свойствах этих персонажей. Если первые из них «были особенно трогательны теми лишениями и страданиями, которые они несли» и «хотели жить не для себя, а для других» (33, 277), то вторые «были особенно неприятны своей гордостью и презрением ко всему миру людей, не разделяющих их убеждений» (33, 277). Революционных убеждений писатель не разделяет, отвергая насилие в любых его формах. Но ему были близки идеи переустройства жизни на новых основаниях.

К первой из названных групп, безусловно, относится Марья Павловна Щетинина, генеральская дочка, гово-

рившая на трех языках, ушедшая из родительского дома сначала в работницы фабрики, а затем в революционную деятельность. Эта женщина вызывает восхищение Катюши и поражает Нехлюдова своей моральной силой и привычкой служить другим. К этой же группе можно отнести Эмилию Ранцеву, студентку медицинских курсов, Любочку Грабец, молоденькую курсистку, Анатолия Крыльцова, сына богатого помещика, математика, мужественно пережившего ужасы тюремного заключения (но его практику революционного террора писатель не одобряет), Владимира Симонсона, сына интендантского чиновника. Толстой показывает в лице Симонсона личность благородную и смелую, носителя идей, близких его учению. Именно этот человек, полюбив Катюшу, поддерживает ее и решает жениться на ней.

В определенной мере к этой категории политических можно отнести и Набатова, революционера из крестьян, уже в восемнадцать лет включившегося в народническое движение. По его разумению, это движение не должно было изменить основные начала жизни народа. Он — пропагандист патриархальной этики, общинной жизни, устоявшихся форм крестьянского уклада. Толстому импонируют суровость жизни этих людей, бескорыстие, воздержание, правдивость, готовность жертвовать всем, даже жизнью, для общего дела.

Ко второй группе принадлежат Вера Богодуховская, дочка дьяка и деревенская учительница (для нее характерна незрелость убеждений, очевидная путаница понятий в голове, позерство, внутренняя растерянность); Новодворов, честолюбивый и тщеславный человек, желающий первенствовать, экстремист, который «никого не любил и ко всем выдающимся людям относился как к соперникам» (32, 401). Сюда же следует отнести и Маркела Кондратьева, революционера из рабочей среды, человека пытливого, со страстью приобретающего разнообраз-

ные знания, но «аскета по привычкам», несамостоятельно мыслящего человека, решительного «противника религии» (32, 395).

Безусловной заслугой автора «Воскресения» является попытка понять своеобразие этих людей, причастных к общественному движению, и впервые в своем творчестве нарисовать их, наделив различными красками из своей богатой реалистической палитры.

Однако основное внимание Толстого обращено на другой полюс социальной жизни своего времени. Писатель блистательно изображает сановную, преимущественно столичную аристократию, ее «высший свет». Показывая царских сановников и чиновников государственного аппарата, Толстой рисует их как грабителей, убийц и развратников, претендующих на роль поборников общественной нравственности. Со всеми ими сталкивается Нехлюдов, когда он долго и безуспешно хлопочет по делу Катюши. Выясняется, что всем, «начиная от пристава до министра, не было никакого дела до справедливости или блага народного» (32, 414). Люди из господствующих классов, оказывается, намного преступнее и виновнее тех, кого они преследуют, обвиняют, судят и называют преступниками. Правительство со всеми своими чиновниками неизменно обкрадывает народ, не переставая это делать ежечасно. Поэтому ворами являются именно эти сановники, члены правительства и царские чиновники, а отнюдь не какой-нибудь мальчик, воспользовавшийся грубыми половиками, или Катюша, ложно обвиненная в похищении ста рублей богатого купца. А чтобы подлинные грабители не чувствовали себя преступниками, представители власти под видом «закона» и «права» выдают им «охранную грамоту», и вот уже совесть их спокойна, а тела погружены в бытовой комфорт. Писатель говорит о «безумии» и «ошалелости», лицемерии и предельной развращенности людей, которые правят в самодержавной стране. Он пишет о сановниках, которые наряжаются в

костюмы, делающие их похожими на пестрых птиц, о чиновниках, мертвенность и непроницаемость которых уподобляет деревянным манекенам.

Но Толстой не довольствуется суммарной характеристикой сановников и представителей власти. Он развертывает великолепные персональные характеристики. Вот вице-губернатор Масленников. Это по его распоряжению «секли людей» (32, 191). Вот начальник Сибирского края, уличенный в противоестественном разврате. Сенатор Вольф получает баснословные доходы от казны, но считает себя «человеком рыцарской честности». Он кичится своей светскостью и благородством, но «погубить <...> разорить, быть причиной ссылки и заточения сотен невинных людей <...> он не только не считал бесчестным, но считал подвигом благородства, мужества, патриотизма» (32, 257). Недалеко ушли от него сенаторы Никитин, Сковородников, Иван Бе, генерал Червянский, ведающий делами политзаключенных.

Подробно и детализированно изображает Толстой семейство Корчагиных. Глава семьи — крупный государственный сановник, наживший огромное состояние на взятках. Пребывая на высокой должности начальника края, он сек и вешал невинных людей, причем даже тогда, когда выслуживаться не было необходимости. Это делалось «по призванию». Его супруга уже восьмой год демонстративно лежала при гостях в кружевах и лентах, среди бархата, позолоты, слоновой кости, бронзы, лака и цветов. В этой семье царят лицемерие и фальшь, распространяемые и на Мисси Корчагину, которую все прочили в невесты Нехлюдову. Вот как реагирует герой романа на посещения этого дома: «Стыдно и гадко, гадко и стыдно, — повторял он себе не об одних отношениях к Мисси, но обо всем. — Все гадко и стыдно» (32, 99).

Резко сатирически показано Толстым и семейство Чарских. Граф предстает необразованным и тупым санов-

ником. Этот бывший министр гордится своими «твердыми убеждениями», которые состояли в том, чтобы никогда их вообще не иметь — ни в личной, ни в государственных сферах. Впрочем, он рассуждал и так: «Как птице свойственно питаться червяками, быть одетой перьями и пухом и летать по воздуху, так и ему свойственно питаться дорогими кушаньями, приготовленными дорогими поварами, быть одетым в самую покойную и дорогую одежду, ездить на самых покойных и быстрых лошадях, и что поэтому это все должно быть для него готово» (32, 251). Хотя Иван Михайлович вышел в отставку, но общество продолжало награждать его денежными премиями, почетными должностями и орденами, так как дети награждают любимую куклу во имя своей забавы.

Его супруга — Екатерина Ивановна Чарская — болтливая особа, обладавшая редкостным «свободолегкомыслием». Она набожна и нетерпима к «стриженным», как она зло называет женщин-политзаключенных. Ее отличает ханжество и неразборчивость в привязанностях. Но реалист Толстой, добиваясь многогранности изображаемого характера, наделяет Чарскую остроумием. Любопытна ее реплика о тогдашних сенаторах: «Все это Бог знает кто — или немцы: Ге, Фе, Де — tout l'alphabet, или разные Ивановы, Семеновы, Никитины или Иваненко, Симоненко, Никитенко, roug varier». Эта реплика, как показал М. Альтман, соотносится с описанием сената в XX и XXI главах второй части «Воскресения», где сенатор Вольф и Бе соответствуют «немцам» Фуксу и Цеэ, а Никитин — «Никитиным» и «Никитенко» в реплике Чарской⁶.

Писатель изображает и представителей купеческой среды, противопоставляя их труженикам города и деревни. Нехлюдов, проходя мимо мясных и рыбных лавок, был поражен «сытостью того огромного количества таких чистых и жирных лавочников, каких нет ни одного человека в дерев-

не». И тут же он увидел жалких сапожников в подвале и худых, бледных, растрепанных прачек, которые «худыми оголенными руками» гладили «перед открытыми окнами, из которых валил мыльный пар» (32, 233–234).

Достается в романе и тем, кто проводит богослужение в тюремной церкви, хотя Христос запретил «держат людей в заключении, мучить, казнить, как это делалось здесь» (32, 137). Писатель обращает внимание на ханжество и цинизм, особо отмечает, что Катюша Маслова становится жертвой соблазна и насилия в пасхальную ночь. Лицемерно и ханжески звучат и слова об «интересах народа» в устах Топорова, возглавляющего церковь в Синоде, хотя известна жестокость, с какою Топоров (имеется в виду всесильный Победоносцев) обращался с верующими. По словам автора, сам Топоров (семантика его фамилии намекает на насилие) «в глубине души ни во что не верил и находил такое состояние очень удобным и приятным» (32, 297).

Сатирически остро изображен в романе суд как орудие насилия и государственного обмана. Примечательно, что Толстой в дневнике от 18 июня 1890 года задумал начать роман именно с судебной сессии, чтобы тут же раскрыть «всю бессмыслицу суда». Добавим от себя: и его комедию. В самом деле, в сцене судопроизводства писатель зарисовывает председателя суда, который «вел очень распушенную жизнь» и хотел успеть посетить рыженькую Клару Васильевну, с которой у него завязался роман. Второй член суда переживал, что из-за ссоры с женой обеда дома не будет. Третий член суда страдал катаром желудка и был сосредоточен на подсчете числа шагов от двери кабинета до кресла. Он вылезет, если число этих шагов будет делиться на три без остатка. «Шагов было двадцать шесть, но он сделал маленький шажок и ровно на двадцать седьмом подошел к креслу» (32, 26). Товарищ прокурора накануне много пил и ездил в тот самый дом Китаевой, где ранее была Маслова, так что ее

дела он вообще не успел прочесть. Но этот глупый обвинитель выступает и упивается своим красноречием и щегольской цветастостью речи. Вот эти лживость, бездушие, развращенность и бесчеловечная жестокость происходящего судилища дают основание автору и Нехлюдову сформулировать вывод: «Суд есть только административное орудие для поддержания существующего порядка вещей, выгодного нашему сословию» (32, 323). Адвокат Фонарин, нарисованный в другой сцене, примечательный своим крючкотворством, жадностью и беспринципным делячеством, дополняет изображение суда, и образ его подтверждает вышеприведенное заключение.

Другим орудием насилия, изображенным Толстым, является тюрьма. Биограф писателя П. Сергиенко свидетельствует, что, решив вновь взяться за «Воскресение» после перерыва в работе, Лев Николаевич стал «усиленно заниматься тюремным и другими вопросами, входящими в “Воскресение”». Он обращался повсюду за сведениями и справками, выписывал книги и расспрашивал каждого, имеющего какое-нибудь отношение к тюрьме <...>. И специально ради этого он ездил в Орел, жил там и знакомился с тюремной обстановкой»⁷.

Нехлюдову, посещающему тюрьмы, они кажутся не только «выдуманными учреждениями» для производства разврата и порока, но и средством истязания женщин, стариков, детей, при котором применяется битье, сечение розгами, плетью, мучение цепями. Писатель показывает тюремщиков, непроницаемых для человеколюбия. «Люди эти страшны, — думает о них Нехлюдов, — страшнее разбойников» (32, 351–352). Страшной выглядит сцена тюремного свидания, оглушившая героя своим шумом сотни голосов. Одной из этих невыносимых тюрем предстает рavelин Петропавловской крепости, в которой Нехлюдов посещает ее коменданта, желая облегчить участь арестантов. Герой слушает хриплый старческий голос генерала, смо-

тит на его окостеневшие члены и понимает, что от этой заржавевшей машины помощи ждать нельзя, тем более что этот немецкий барон выжил уже из ума. Как показал В. А. Мануйлов, Толстой в 19-й главе второй части романа имел в виду совершенно определенного военного деятеля времен Николая I и Александра II — коменданта Егора Майделя, усердного и тупого исполнителя высочайшей воли, одного из оплота военно-бюрократической системы⁸.

И еще ряд форм насилия над народом переданы писателем в романе: этапы, ссылка, каторга. Эти формы — естественное продолжение суда и пребывания в тюрьмах. Сцены издевательств и экзекуций на этапах, изображенные в третьей части романа, потрясают читателя своей выразительностью. Особенно впечатляет эпизод, когда офицер избивает до крови арестанта с его «пронзительно визжавшей девчонкой» и требует, чтобы на несчастного надели наручники. И он же грозит возмущенных каторжан перестрелять, «как собак...» (32, 364–366).

В финале романа Нехлюдов, переживший ужасы этого этапа и изуверство конвойных, приходит к выводу: «Все то страшное зло, которое он видел и узнал за это время <...> все это зло... торжествовало, царствовало, и не виделось никакой возможности не только победить его, но даже понять, как победить его». Но у автора есть спасительный рецепт, найденный им в Евангелии и в идее непротивления. «...Единственное и несомненное средство спасения от того ужасного зла, от которого страдают люди, — считает Толстой, — признавать себя всегда виноватыми перед Богом и потому неспособными ни наказывать, ни исправлять других людей». Не участвуя в правительственном насилии, люди могут создать «совершенно новое устройство человеческого общества» (32, 443). Разумеется, этот выход не предполагает революционной борьбы со злом, не зовет к насилию, но он тем не ме-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

нее вовсе не призывает и к какому бы то ни было примирению с этим злом, и этот вывод чрезвычайно важно понять и поставить его в заслугу великому писателю.

Роман Льва Николаевича Толстого отличается ярко выраженными художественными достоинствами. Жанр этого произведения следует определить как социально-психологический роман. Но если в предыдущих произведениях Толстого наблюдалось движение от психологического анализа к социальному, то в «Воскресении» социальное начало преобладает над психологическим. С другой стороны, поздний роман заключает в себе признаки панорамного обозрения и прямой проповеди добра, звучащей наряду с открытым обличением зла. В силу этого для «Воскресения» характерна публицистическая тенденция. Автор, считая себя защитником многомиллионного народа России, видит свой долг во вмешательстве в изображаемые события. Публицистика романа существенно расширяет панораму запечатлеваемой жизни и обостряет социальное зрение в нем. Поэтому в «Воскресении» не случайны публицистические отступления проповеднического, моралистического характера и отступления, где даются авторские оценки социальных явлений.

Отметим также, что в этом своем позднем произведении писатель широко пользуется средствами сатиры, направленной на негативные факты действительности. Сатира Толстого в «Воскресении» не использует гротеск или фантастические преувеличения и ограничивается трезвым реализмом и приемом «срывания масок». Так, показывая неумеренное стремление Софьи Корчагиной казаться благородной, умной и изящной, Толстой обнаруживает в этих усилиях фальшь и маскировку и тут же дает им надлежащую оценку. « — Ну, здравствуйте, мой друг, садитесь и рассказывайте, — сказала княгиня Софья Васильевна с своей *искусной, притворной*, совершенно *похожей на натуральную*, улыбкой, от-

крывавшей *прекрасные длинные* зубы, чрезвычайно *искусно сделанные*, совершенно такие же, какими были настоящие» (32, 94) (курсив наш. — Е. Р.). Или другой пример обнаружения подлинной сущности высказывания того, что стоит за ним:

« — Какое дело первое?

— Отравление.

— И прекрасно, — сказал товарищ прокурора, но он вовсе не находил этого прекрасным» (32, 26).

С названной особенностью романа связана другая: возрастание роли авторского комментария к событиям и эпизодам, переданным в произведении, к поступкам и переживаниям персонажей. Часто такой комментарий доверяется Нехлюдову. Вспомним, как он говорит о причинах вымирания крестьян, лишенных земли и иных средств существования. Но поскольку герой романа не воспроизводит всего того, что хочет выразить Толстой, в повествование вмешивается комментарий, даваемый от лица самого автора. Он не похож на развернутые философские и исторические отступления в «Войне и мире», которые как бы прилагаются к основному тексту. Ныне он органически вплетается в ткань повествования. При этом, будучи соотносим с поступками и высказываниями персонажей, этот комментарий не довольствуется частной ситуацией и нередко поднимается до широкого обобщения, говоря о людях и явлениях, характерных для всей эпохи. Автор судит уже не конкретного чиновника, а чиновничество, не отдельного жандарма, а жандармерию, не одного офицера, а офицерство, не светскую даму, а весь высший свет.

Благодаря такому подходу повествование в романе «Воскресение» «сливает» объективно происходящее и его субъективную оценку, существующее и «должное», частное соображение и народное миропонимание. В этом повествовании «система оценок не выводится Толстым из общего содержания <...> а вводится им как извечно данная и навсегда неизменная», под-

нятая на ступень объективного отражения «законов должного и законов сущего»⁹.

Для композиции романа, состоящего из трех частей и 120 глав, характерна панорамность, давшая возможность показать самые различные сферы государства конца XIX столетия. Здесь отсутствуют переплетающиеся сюжетные линии, как в романе «Анна Каренина». Зато два центральных героя постоянно сталкиваются с действительностью, присущей всей России. Это позволило использовать композиционный прием обозрения городской и сельской жизни, насытить роман большим количеством массовых сцен, чрезвычайно живых и объемных. Рассказ о личных судьбах Нехлюдова и Масловой неизменно расширяется, охватывая разнообразные стороны действительности. В архитектонике произведения заметны два плана: первый включает сцены из жизни правящих классов и характеристику государственных институтов, обслуживающих их существование (Сенат, Синод, суд, церковь, тюрьмы); второй — жизнь обездоленного народа. Условно можно выделить и две неравные сюжетные фазы, где в меньшей переданы падение и греховность жизни обоих центральных героев, а в большей — неуклонное их «воскресение».

Для композиции романа и для его поэтики характерен принцип контраста. Резко противопоставлены те два плана и те две фазы, о которых сказано выше. Контраст пронизывает также все главы и клеточки художественного организма.

Уже в зачине произведения ощущается противопоставление весеннего пробуждения природы и сонного равнодушия людей. Контрастны облик и переживания подсудимой Масловой — и портреты и внутренние побуждения судей. Противоположны поэтические отношения Нехлюдова и Катюши во время первой встречи и грубый соблазн во время встречи второй. Резкая антиномия явлена во время встречи на платформе ночью. Контрастна из-

мученность Масловой, подходящей к зданию суда, и изнеженное пребывание в постели Нехлюдова. Разными красками изображены оборванные и голодные крестьяне деревни и сытый, прекрасно одетый барин, разгуливавший по деревне, а также «перекормленный» управляющий. Резко противопоставлены арестанты, усталодвигающиеся по дороге, и люди, сидящие в богатой барской коляске. Такая же художественная оппозиция заметна в изображении погибающего от истощения мальчика и роскошь обеда в доме Корчагиных. Благодаря этому приему контрастных сопоставлений вскрываются царящие в обществе социальные контрасты и резко противоположные моральные принципы жизни. Обнажается и полярность между видимым и сущим. Достаточно вспомнить педалирование Толстым признаков в следующем описании: «Прекрасный, чистый, учтивый извозчик повез его мимо прекрасных, чистых домов к тому дому на канаве, в котором жила Mariette...» (32, 254). Так внешняя чистота подчеркнута противопоставлена моральной нечистоте; видимая учтивость — подлинной грубости, прекрасная оболочка — безобразному содержанию.

В романе «Воскресение» по-прежнему глубок психологический анализ, хотя он не является доминирующим. Писатель исследует «душевную жизнь, выражающуюся в сценах»¹⁰, щедро передает внутреннюю речь персонажей, внутренние монологи героев; мысли, подспудно живущие в сознании людей, чувства, возникающие в глубине души. Переживания Масловой обычно воспроизводятся в чутком и тонком пересказе автора, который использует для этого глагольные формы (вздрагивала, краснела, тяжело вздыхала, оглядывалась). Внутренние потрясения, резкие перемены настроения писатель передает с помощью слова «вдруг» и выразительных штрихов.

Замечательны портретные характеристики, встречающиеся в романе. Люди света наделены довольно часто

отталкивающей внешностью: «неподвижная маска бледного лица», «узкий плешивый череп», «жесткие морщинистые и окостеневшие в сочленениях» пальцы, «бычья шея». Сильный акцент в портретах сделан на вещах, надетых на героя или окружающих его. Так, при обрисовке еще не раскаявшегося Нехлюдова выделены плотские черты, белье, одежда, обувь, галстуки, запонки, булавка, полотенце («душистое полоскание», «голландские рубашки», «обложившееся жиром белое тело»). Рисуя ложу, где сидит Mariette, Толстой отмечает «непроницаемое горбоносое лицо» ее мужа, набитую ватой «подделанную высокоую грудь» военного, «мускулистые плечи» самой Mariette. Писатель выделяет характерные черты внешности персонажей, акцентирует красноречивые детали, индивидуальные жесты, нередко связывает портрет с интерьером.

Толстой часто обыгрывает одну внешнюю деталь облика или обстановки, многократно повторяя ее. Так, он неоднократно упоминает улыбку ребенка в скуфеечке, подчеркивая, что это была улыбка страдания; передает «черные, как мокрая смородина, глаза» Катюши, повторяя, что они слегка косили. И читатель быстро запоминает такую красноречивую деталь.

Пейзажные описания в «Воскресении» занимают небольшое место, но они всегда связаны или с раскрытием душевной жизни героев или выражают этико-философскую мысль автора. Таковы описания страшной ночи в истории Катюши, городской жизни или пейзаж в начале романа, связанный с мироощущением людей и царящими законами общества.

Для языка романа характерна отчетливая индивидуализация речи персонажей («кудрявость» и вычурность выступления помощника прокурора, лаконизм народной речи, фальшивость и казенность языка чиновников, экзальтированный монолог Кизеветера). Писатель склонен повторять

эпитеты, использовать сравнения, помогающие ему срывать покровы, наложенные на внешность и поступки людей, или уточнять характеристику отдельных персонажей. Так, Масленников при упоминании царских особ приходил в восторг, «в который приходит ласковая собачка после того, как хозяин погладит, потреплет, почешет ее за ушами» (32, 189). А Катюша Маслова на суде «оглянулась на всех, как затравленный зверь» (32, 189). В речи персонажей из народа встречаем множество пословиц, поговорок, фразеологизмов; в языке чиновников и судей — жаргонные и канцелярские речения, напыщенные, велеречивые выражения, обставленные вставными конструкциями. Для авторской же речи специфична синтаксическая усложненность, обилие и нагнетение однородных членов и придаточных предложений, длинных периодов и повторяющихся глаголов. Такой усложненный синтаксис отражает ищущую мысль автора, его страстное негодование против зла, его мудрость и «ухватистость» его пера (определение А. П. Чехова).

Величие книги, созданной в 1899 году Толстым, подтвердили самые проницательные ее читатели. Чехов назвал роман «Воскресение» «замечательным художественным произведением». По словам критика В. Стасова, это творение — «такая штука, которой не было подобной во весь наш XIX век». В ней нет ничего «выдуманного и литературного, а все только само мясо и плоть жизни». «Воскресение» — это какая-то громада, водопад Иматра, несущийся с невообразимой высоты между каменных, холодных, непреклонных стен и наполняющий всё пространство внизу и вокруг — греющим и клокоющим звуком...» «Ах, какое изумительное чудо это ваше “Воскресение”! <...> им только теперь и живет и питается вся Россия»¹¹.

Чуткий Вл. И. Немирович-Данченко заметил: «...я не припомню, когда я читал что-нибудь так, как будто я

не читаю, а сам хожу и вижу этих людей, камеры, комнаты, фортепиано, ковры, мостовую и т. д.»¹². Наконец, А. Блок увидел в романе «Воскресе-

ние» «завещание уходящего столетия новому»¹³. Это завещание достойно принимаем и мы, люди XXI века.

Примечания

1. См.: Фридлендер Г. М. «Воскресение» Льва Толстого и «Речи Полли Бекер» Б. Франклина // Сравнительное изучение литератур: Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л.: Наука, 1976. С. 304–308.
2. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 50. С. 76–77. В дальнейшем ссылки на это издание даем в тексте: первая цифра указывает номер тома, вторая — номер страницы.
3. См.: Арденс А. Н. (Апостолов Н.). Творческий путь Л. Н. Толстого. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 487.
4. Громова-Опульская Л. Д. Нехлюдов // энциклопедия литературных героев. М.: Аграф, 1997. С. 284.
5. Альтман М. Читая Толстого. Тула: Приокское кн. изд-во, 1966. С. 62–64.
6. Там же. С. 24.
7. Сергиенко П. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. Изд. 2-е. М., 1903. С. 72–73.
8. См.: Мануйлов В. А. Комендант Петропавловской крепости в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. ст. к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л.: Наука, 1969. С. 417–420.
9. Билинкис Я. Повествование в «Воскресении» // Билинкис Я. О творчестве Л. Н. Толстого. Очерки. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 399, 402.
10. См.: Опульская Л. Д. Психологический анализ в романе «Воскресение» // Толстой-художник. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 63.
11. См.: Л. Толстой и В. Стасов. Переписка. Л., 1929. С. 236.
12. Гусев Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1891–1910. М., 1960. С. 326.
13. Блок А. А. Записные книжки. М., 1963. С. 114.

А. Н. Миронов

ПРОБЛЕМА РОМАНА «ВОСКРЕСЕНИЕ» Л. Н. ТОЛСТОГО

(фрагмент из книги «Литературы лукавое лицо», СПб.: Геликон Плюс, 2007)

Что же побудило автора настоящего очерка к постановке посредством заголовка идеи принципиальной неправоты русского гения? Подобному послужило прочтение им, как говорится, с карандашом в руках известного опять же по заголовку очерка романа писателя. С другой стороны, мысль Л. Н. Толстого: «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою» автору очерка показала не совсем справедливой. Да, трудно спорить, что у человека бывает разное самочувствие (настроение), но отрицать его вполне устойчивые во времени реакции на фундаментальные смыслы жизни совсем не приходится. Поэтому идею автора романа, что в главном герое (Нехлюдове) известного повествования «как и во всех людях, было два человека» все-таки признать верной никак не следует. А то, что со стороны внешнего наблюдателя порой кажется, что кто-то стал в конкретных обстоятельствах совсем уж иным, то, как говорится, креститься надо. Иначе говоря, не может человек менять свое нутро, ну не дано ему это, ведь

он не «социальный пластилин» будет. Далее, Толстой утверждал, что нет ни святых, безгрешных людей, ни закоренелых злодеев, а есть «просто люди», способные на хорошее и на дурное. Но разве сама жизнь не опровергает теорию «просто людей»? Другими словами, факты самой жизни сообщают и о святых, и о закоренелых злодеях. Теперь, русский писатель со страниц своего романа объективно выступил открытым сторонником «праведного» насилия. «Если они (революционеры. — *Авт.*) убивали, — пишет Толстой, — то они делали необходимое дело», как солдаты на войне, однако у них «мотивы были выше — благо народа». В результате всякие надежды автора романа на преобразование его главных героев выглядят явно надуманно, ведь даже преобразование главных героев романа в революционеров, как мы из истории достоверно знаем сегодня, никак не способствует становлению в них искомой праведности. Впрочем, попробуем это увидеть, как водится, своими глазами при чтении романа.

В начале романа «Воскресение» его автор сообщает свое отношение к власти в России: «священно и важно то, что они (власти. — *Авт.*) сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом». В данном случае Лев Николаевич, как говорится, объективно сообщает своему читателю фактически

собственное непонимание природы власти, которая всегда и везде соответствует совокупному народному нраву. Иначе говоря, необходимо признать, что «каждый народ достоин своего правительства». Но перейдем, собственно говоря, к героям романа. Катя Маслова изначально характеризуется так: «Она ни за кого не хотела идти, чувствуя, что жизнь ее с теми трудовыми людьми, которые сватались за нее, будет трудна ей, избалованной сладостью господской жизни». После любовной истории с главным героем романа — Нехлюдовым, в которой Катя оказалась в положении брошенной возлюбленной, «она стала не только неохотно и дурно служить барышням, но, сама не зная, как это случилось, — вдруг ее прорвало...» С другой стороны, она же характеризуется автором романа еще так: «Она не умела беречь деньги и на себя тратила и давала всем, кто просил». Далее, попав на службу в чужой дом, героиня выказала себя следующим образом: «Катюша не далась, и произошла драка, вследствие которой ее выгнали из дома, не заплатив зажитое». В последнем случае мы видим, что героиня вовсе не робкого десятка и вполне может постоять за себя, за свою женскую честь. Тут же вновь читаем не лестное: «глядя на эту тяжелую жизнь, которую вели женщины-прачки, жившие у тетки, Маслова медлила и отыскивала в конторах место прислуги», «Маслова курила уже давно... Без вина ей всегда было уныло и стыдно», «она избрала последнее («допущенное законом и хорошо оплачиваемое постоянное прелюбодеяние». — *Авт.*). Кроме того, она этим думала отплатить и своему соблазнителю, и приказчику, и всем людям, которые ей сделали зло», «И когда Маслова представила себе себя в ярко-желтом шелковом платье с черной бархатной отделкой — декольте, она не могла устоять и отдала паспорт». Как мы видим, героиня романа изначально далеко не ангел, а значит, говорить о ее *страшном* моральном падении можно лишь с известной натяжкой. Теперь

обратим свой взор на героя романа — Дмитрия Нехлюдова. Толстой указывает: «Нехлюдов был очень робок с женщинами, но именно эта-то его робость и вызвала в этой замужней женщине (речь о жене предводителя того уезда, на выборы которого ездил как-то герой романа. — *Авт.*) желание покорить его». Любопытно, так кто же кого, спрашивается, соблазнил на самом деле в случае интимных отношений героя с Катериной Масловой? В частности, Толстой по названному вопросу говорит такое: «ему (Нехлюдову. — *Авт.*) и в голову не приходило, что между ним и ею (Катюшей. — *Авт.*) могут быть какие-нибудь особенные отношения», «Катюша, оглянувшись на Нехлюдова, подавала ему знак головой, чтобы соединиться за клумбой (речь идет об игре. — *Авт.*)», «Она придвинулась к нему, и он, сам не зная, как это случилось, потянулся к ней лицом; она не отстранилась, он сжал крепче ее руку и поцеловал ее в губы», «У него не было не только желания физического обладания ею, но был ужас при мысли о возможности такого отношения к ней», «Он так и уехал, не осознав своей любви к этой девушке». Таким образом, изначально любовную историю *начинает* все-таки Катя. Впрочем, кто-то возразит, что уже во второй свой приезд в деревню герой начинает активное наступление и соблазняет героиню. Внешне все выглядит именно так, а по сути? Героиня в ответ на ночные призывы героя впускает его к себе в комнату и разрешает ему отнести себя уже *именно* в его комнату: «Не надо, — говорила она только устами, но все взволнованное, смущенное существо ее говорило другое», «Ах, не надо, пустите, — говорила она, а сама прижималась к нему». При этом не может спасти героиню даже активная ее защита от домогательств Нехлюдова со стороны одной из взрослых женщин, бывших в то время в доме. Иначе говоря, говорить о невинности поведения героини никак не приходится, а значит, и ответственность за после-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

дующее соблазнение также ложится и на ее плечи. Возвращаясь к герою романа, читаем такое: «Служить он (Нехлюдов. — *Авт.*) не хотел, а между тем уже были усвоены роскошные привычки жизни, от которых он считал, что не может отстать», «отречься от тех ясных и неопровержимых доводов о незаконности владения землею... он никак не мог». Вместе с тем «он стал настоящим мужчиной и отбил какую-то французскую даму у своего товарища», «Он объяснял это чувство (своего бессилия в живописи. — *Авт.*) слишком тонко развитым эстетическим чувством, но все-таки сознание это было очень неприятно». Продолжая характеристику героя, Л. Н. Толстой пишет: «А между тем он несомненно признавал это (выговор по-иностранным, дорогая одежда. — *Авт.*) свое превосходство и принимал знаки уважения как должное и оскорблялся, когда этого не было», «женитьба, кроме приятностей домашнего очага, устраняя неправильность половой жизни, давала возможность нравственной жизни... семья, дети дадут смысл его теперь бессодержательной жизни». Автор романа ведет речь лишь о совершенствовании, но не о развитии человека; иначе говоря, он лишь желает иметь максимальную степень в пределах уже наличного (существующего) качества, но не ставит цель обретения иного, еще неизвестного — нового качества; разговор о жертве во имя нравственных требований выглядит неразумно, в нем автор выдает свое непонимание того основания, что мораль есть продукт разумной веры, но не жертвы в пределах все еще *суеверного* воззрения. Далее, странный переход от веры себе к вере другим Нехлюдова, или переход от одухотворенного мировосприятия к плотскому или чувственному, выглядит совсем уж малоубедительно. Почему? Видимо потому, что автор романа изначально скрыл свойства названной им ранее одухотворенной веры себе, а точнее, тем авторам (Достоевскому, Тургеневу, Спенсеру — «Социальной статике»,

Генри Джорджу), которые успешно и сформировали ее. Сама же помянутая до того вера, видимо, была глубоко ущербна и лишь внешне выглядела благородно... Теперь еще такое важное замечание о Нехлюдове после его соблазнения Кати Масловой: «Им сделано что-то очень дурное (его бы считали нечестным человеком, если бы он, воспользовавшись ею, не заплатил бы за это) и что это дурное нужно поправить, и поправить не для нее, а для себя (а ему нужно было считать себя таким — прекрасным, благородным, великодушным для того, чтобы продолжать бодро и весело жить)». Как мы видим, даже в состоянии нравственного кризиса герой Толстого думает, прежде всего, о самом себе, полагая сие поведение честным. Другими словами, Нехлюдов даже не догадывается о том, что его новые мысли о содеянном им же никак не выходят своим качеством за рамки его же предшествующего эгоистического поведения. Возвращаясь к героине, читаем еще такое: «Тетушки говорили, что она испортилась и была развращенная натура, такая же, как и мать». Но тогда ее же последующее «падение в грех» не есть ли естественное или природное проявление уже наличной натуры? Иначе говоря, без нужды Катя могла бы не впасть в «разрешенное властями прелюбодеяние», но сие в свою очередь никак не означало бы того факта, что она не была бы готова к тому в любой момент. Таким образом, получается, что главные героини романа Л. Н. Толстого изначально вовсе «не белые и пушистые», а значит, их последующее *моральное падение* таковым можно считать лишь по недоразумению. Но тогда и последующее их же *нравственное воскресение* становится и вовсе надуманным. Или говорить о последнем без события явного *морального умирания* очевидно неуместно. Впрочем, пока примем названное допущение как гипотезу и попробуем ее проверить по ходу дальнейшего прочтения всего романа.

Переходя к сцене суда над Катюшей в связи с нечаянным отравлением ею

своего клиента — купца, находим уже такое: «Теперь (Нехлюдов. — *Авт.*) думал только о том, как бы сейчас не узналось все и она или ее защитник не рассказали всего и не осрамили бы его перед всеми», «В глубине души он чувствовал уже, что он негодяй, которому должно быть совестно смотреть в глаза людям...», «Он испытывал теперь чувство, подобное тому, которое испытывал на охоте, когда приходилось добывать раненую птицу: и гадко, и жалко, и досадно». Как мы видим, герой, оказавшись в составе суда присяжных, стал вдруг испытывать угрызения совести вперемешку с большим страхом разоблачения себя публично. Однако не выглядит ли сия реакция Нехлюдова на внезапную встречу с Масловой в суде преувеличенной, ведь его любовная связь с нею никак не была обусловлена, скажем, его обещанием жениться на ней. Другое дело, что она вполне могла пытаться рассчитывать на это, но сама подобная затея была, очевидно, затрудненной по причине разного социального положения героев романа. Поэтому в контексте всего произошедшего между ними он явно брал на себя более вины, чем следовало бы. Вместе с тем герой вновь поступает в отношении героини, мягко говоря, не совсем корректно, в частности, он не голосует за разумную формулировку «Но без намерения причинить смерть (речь о вердикте суда присяжных. — *Авт.*)». Нехлюдов лишь недоумевает в связи с совершенной им оплошностью, полагая, что поддержанная им ранее оговорка: «Без умысла ограбления» вполне уничтожает выдвинутое против героини обвинение целиком. Почему так произошло? Видимо, автору романа понадобился сей казус для устраивания задуманной им до того сюжетной канвы или для введения Масловой в состояние «без вины виноватости», и вновь по воле Нехлюдова. Но как быть все-таки с фактом непреднамеренного убийства в контексте замысла *обманного усыпления*? Неужели в нем нет вины героини, которая,

уклоняясь от несения взятых на себя по публичному дому обязательств, скрытно от клиента прибегла к употреблению против него якобы сонного порошка? Конечно же, вина есть, и ее даже особо доказывать не надо. Но почему герой думал лишь о воровстве денег? Случайно ли? Вряд ли. Ведь в противном случае он бы непременно задумался о допущенном героиней обмане ею убитого, а это бы очевидно помогло ему увидеть ее образ более ясно и полно. В результате, находясь в состоянии *одностороннего* восприятия лица героини, герой и впал в соблазн признать ее без вины пострадавшей. Последнее же *превратное* понимание ситуации с героиней и побудило его к ее последующей *страстной* защите. С другой стороны, Л. Н. Толстой, таким образом, скрыл очевидную вину героини и от своего читателя, сфокусировав все читательское внимание на не участии героини в воровстве денег, а на ее *полном бескорыстии*. В то время как она в эпизоде с купцом проявила вполне *неправомерное своеволие*, так как сначала возжелала уклониться от несения взятых до того обязательств, а затем обманно (всыпав в вино купца порошок) добилась намеченного ею, правда, добилась невольного большего — смерти клиента. Тогда как автор романа как будто бы этого *неблаговидного* поступка героини не замечает и не осознает его. Но каков в это время Нехлюдов? «Ему стало совестно и больно, что он огорчил ее (Мисси, свою возможную невесту. — *Авт.*), но он знал, что малейшая слабость погубит его, то есть свяжет». В последнем слове сосредоточена вся суть героя романа, который избегает какой-либо извне вызванной ответственности. Другими словами, он желает для себя более всего состояния необремененности (освобождения) от всего ему лично неприятного. Кроме того, принцип «надо всегда говорить правду» красноречиво свидетельствует о том, что правда для него самого есть лишь средство достижения *личного благообразия*, а значит, она для него самого

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

есть проблема. Теперь воспоминание «На него пахнуло этой свежестью, молодостью, полнотой жизни, и ему стало мучительно грустно», связанное с первым пребыванием героя у тетюшек как воспоминание о его якобы подлинной жизни, на самом деле есть, объективно говоря, воспоминание превратное. Почему? Потому, что воспоминание о подлинно высоком не приводит в унылое состояние. Впрочем, кто-то заметит, что «Тогда он был бодрый, свободный человек, перед которым раскрывались бесконечные возможности, — теперь он чувствовал себя со всех сторон пойманным в тенетах глупой, пустой, бесцельной, ничтожной жизни, из которых он не видел никакого выхода, да даже большей частью и не хотел выходить». Но что мы в последнем наблюдении имеем? С одной стороны, как бы не замаранный облик юности, с другой — испачкавшееся морально, но комфортно устроившееся человеческое существо. О чем оно сожалеет? Лишь о том, что замаралось нравственно, что его облик стал низменным. Вместе с тем оно же привыкло по большей части к уже сложившейся жизни и мало понимает, что последняя есть продукт сделанного им когда-то в юности *целевого предпочтения*. Другими словами, герою вовсе невдомек, что он как был в юности потенциально порочным, так таким пребывает и поныне. Или ему совсем неизвестно, что его юношеские устремления уже содержали в себе скрытно порочные черты, а значит, не могли не привести его ровно туда, куда он впоследствии и пришел. В частности, «Он вспомнил, как он когда-то гордился своей прямоотой, как ставил себе когда-то правилом всегда говорить правду...» При этом Нехлюдова никак не смущает странное сочетание смыслов: «гордился своей прямоотой». Ведь сама по себе помянутая гордость в связи с собственной прямоотой есть очевидный грех и предпосылка для будущей сознательной лжи. Почему? Да потому, что прямоота или искренность человеческая

есть продукт его самочувствия (настроения), которое, в свою очередь, возникает в человеке либо вольно (сознательно им формируется), либо невольно (под воздействием всего привходящего с поправкой на прирожденную особенность личности человека). Иначе говоря, гордиться собственной искренностью может лишь невежа либо глупец. И первый и второй в свою очередь вполне будут открыты для порока. Кстати, прочтем еще такое: «И не было из этой лжи, по крайней мере он не видел из этой лжи, никакого выхода. И он загряз в ней, привык к ней, нежился в ней». В чем Нехлюдов и был вполне искренен. Поэтому-то искренность сама по себе человека никак не красит, так как она к природе греха человеческого совсем *нейтральна*, а значит, вполне его допускает. И как бы подслушав предшествовавшее суждение автора очерка, Л. Н. Толстой пишет: «И удивительное дело: в этом чувстве признания своей подлости было что-то болезненное и вместе радостное и успокоительное». Вот оно, уродливое проявление самолюбования героя, выход из него также есть своего рода поступь эгоизма. А что, даже порок мой, а главное, борьба с ним — мне вполне мила! Далее читаем уже такое: «С Нехлюдовым не раз уже случилось в жизни то, что он называл “чистой души”... Всегда после таких пробуждений Нехлюдов составлял себе правила, которым собирался следовать уже навсегда...» Вот светский аналог церковного покаяния и своего рода аналог церковного же причастия — причастия к «чистой жизни». «Но всякий раз соблазны мира улавливали его, и он, сам того не замечая, опять падал, и часто ниже того, каким он был прежде». Ложь автора романа в том, что он вместо слова «полнее» употребляет слово «ниже», тем самым скрывая саму суть наличной проблемы. Последняя же в том, что герой лишь раскрывает все полнее собственную исходную наклонность к греху и ничего более. Но вдруг теперь такое: «Он почувствовал себя им (Богом. — *Авт.*) и потому по-

чувствовал не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовал все могущество добра». В данном случае ложь писателя в том, что он благодать Божью, благодатное состояние души человеческой заменяет понятием Богочеловека. Иначе говоря, чувствование человеком свободы, бодрости и радости жизни не означает, что Бог «проснулся в его сознании». Или Божьи дары от самого Бога все же отличаются, и путать первые со вторым никак не стоит. Почему? Да потому, что тогда придется признать и возможность «засыпания» Бога в сознании человека, что, конечно, скажется, в конце концов, в поведении человека его же ответным отпадением от Бога. По-иному, человек невольно начнет так или иначе обижаться на Бога, что тот вдруг «заснул» в нем, и даже пытаться мстить ему за свое сиротство. Теперь о помянутом «могуществе добра». Оно не есть своего рода «палочка-выручалочка», оно не борется на самом деле со злом, оно лишь покрывает его собой. Иначе говоря, спасая душу человеческую, оно освобождает ее от служения греху. Последний под прямым воздействием добра попросту перестает быть, как темнота под действием света. Видимо, поэтому-то или по причине непонимания сути добра автору романа как очевидно даровитому писателю легко даются описания лишь дворянских обычаев и нравов как в целом все-таки порочных. Другими словами, лишь известная выразительность греха Л. Н. Толстому вполне доступна, тогда как подлинная праведность ему совсем заказана, так как в сути своей она ему вовсе и неведома, видимо, как раз по причине его личной «изящной» морали. А два его главных героя на самом деле порочны уже с юности, но он, то есть порок, с одной стороны, проявляется в течение их жизни постепенно, с другой — как бы накапливаясь втуне, яростно врывается в ткань их собственной жизни. Другое дело, что им вместе с тем свойственна тяга ко все-му лучшему, которая, впрочем, их мало

спасает, так как каких-либо твердых средств к тому они все-таки не имеют. В результате, освобождаясь от пут грубого порока, они незаметно для самих себя дают торжествовать в своей жизни иным, замуфлированным заботой о всеобщем благе, грехам. Причем речь идет, конечно же, о заботе посредством бунта, посредством «праведного» насилия и такой же лжи либо посредством принудительного самоограничения и призывами к тому же.

Но вернемся к героине романа: «Придет какой-нибудь: где тут бумага какая и еще что, а я вижу, что ему не бумага нужна, а меня глазами и ест, — говорила она, улыбаясь и как бы в недоумении покачивая головой. — Тоже — артисты». Катюша даже в самой печальной для себя ситуации осуждения к каторге спасается привычным ей делом — самолюбованием, помноженным на употребление табака и вина. «Вот не думала, не гадала, — тихо сказала Маслова. — Другие что делают — и ничего, а я ни за что страдать должна». Перед нами типичная песнь Ф. М. Достоевского о «безвинном страдании». Ни ему, ни Л. Н. Толстому, видимо, неведомек, что люди вообще-то разные и спрос с них в жизни вполне соразмерен их наличным свойствам и возможностям. Другими словами, что одному «сходит», другому — никогда. Или наличный потенциал личности и есть ее же главный судья. Иначе говоря, чем последний выше, тем спрос строже. Это с одной стороны, с другой — посредством «завышенного» спроса даровитая личность как бы приуготовляется к будущим немыслимым для других поступкам. Или таким образом, говоря языком техники, в судьбе весьма много имеющего по рождению человека как бы развивается соответствующая «космическая» тяга, способная оторвать названное конкретное лицо от ему уже привычного уклада и побудить его же еще к пока неведомому действию (открытию). Тогда как героиня сетует: «Не такую бы мне судьбу надо,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

как я привыкла к хорошей жизни». И Катюше, видно, невдомек, что ее удел не в известной приятности и праздности, а ее ждут подходящей ее некорыстной натуре дела и свершения. Но что герой романа? А вот что: «Если я причиной того, что она (Катюша. — *Авт.*) пошла по этому пути, то я же и должен сделать, что могу, чтобы помочь ей». Вновь перед нами завышенная самооценка героя, который, с одной стороны, присваивает себе лишку греха, с другой — обязуется с пафосом спасти «загубленную» им собой судьбу героини. Тем самым герой, очевидно, впадает в эйфорию от самолюбования и как бы не слышит голос своей хозяйки Аграфены Петровны: «Вам это на свой счет брать ни к чему. Я и прежде слышала, что она (Катюша. — *Авт.*) сбилась с пути, так кто же этому виноват?» Вот ясный и мудрый ответ герою. Другое дело, что отказываться от возможной помощи героине вовсе не следует. Но помощь в контексте понимания Нехлюдова, очевидно, будет не во благо в невыдуманной жизни. Тем более вот такое настроение никак не к благу поведет: «И когда он представлял себе только, как он увидит ее, как он скажет ей все, как покается в своей вине перед ней, как объявит ей, что он сделает все, что может, женится на ней, чтобы загладить свою вину, — так особенное восторженное чувство охватывало его, и слезы выступали ему на глаза». Но смотрим еще раз в сторону свойств натуры героини ее же глазами: «Он (Нехлюдов. — *Авт.*) в освещенном вагоне, на бархатном кресле сидит, шутит, пьет, а я вот здесь, в грязи, в темноте, под дождем и ветром — стою и плачу». Зависть к удобству и психологическому комфорту другого человека, с одной стороны, с другой — огромная жалость к себе самой (к своему бедственному положению), переполнявшие героиню, красноречиво раскрывают суть ее в целом самовлюбленной и обидчивой натуры. «Пройдет поезд — под вагон, и кончено». Вот естественный порыв такой горде-

ливой натуры, благо будущее дитя не дало ему стать. «С этой страшной ночи она перестала верить в добро. Она прежде сама верила в добро и в то, что люди верят в него, но с этой ночи убедилась, что никто не верит и что все, что говорят про бога и добро, все это делают для того, чтобы обманывать людей. Он, которого она любила и который ее любил, — она это знала, — бросил ее, насладившись ею и надругавшись над ее чувствами». Что здесь существенно? А то, что вместо веры в Бога речь идет о вере в добро. Последняя как вполне ложная очевидно уязвима и вредна всякому человеку. Отказ от нее не в пользу веры в Бога есть по сути своей лишь впадение в увлеченность своими собственными особыми обидами, есть фактическое освобождение от комфортного психологического камуфляжа, но никак не есть перемена качества имеющейся веры. Иначе говоря, обнажение исходного не является его заменой на иное. Но что есть добро? *Оно и красота правды, и разумная польза и, конечно же, средство преобразования человека.* Вне какого-либо перечисленного выше элемента его уже нет. Но ни Толстому, ни его герою сие неведомо: «Но тотчас же пришла мысль, что если ему стыдно, то это тем лучше, потому что он должен нести стыд». Получилось прямо-таки как на процедуре в поликлинике. Должен быть стыд — и вот он, пожалуйста, принимайте его: «Он чувствовал, что ему должно разбудить ее духовно, что это страшно трудно; но сама трудность этого дела привлекала его». Вот так. Вновь, прежде всего, интерес к себе, к своей способности свершения трудного дела и упоения этим. «Он ничего не желал себе от нее, а желал только того, чтобы она перестала быть такою, какою она была теперь, чтобы она пробудилась и стала такою, какою она была прежде». Автор явно скрывает нужду своего героя, острую нужду свою в возврате в прошлое, где было вполне хорошо и покойно. Иначе говоря, герой истово пытается свершить принципиально

невозможное, а главное, совсем ненужное и даже очевидно вредное. Почему? Да потому, что, во-первых, в прошлом на самом деле все было не так уж и хорошо, как казалось теперь; во-вторых, как раз в настоящем и было вполне явлено то, что тогда было прикрито или находилось втуне и плохо понималось. Другими словами, сладкие грезы молодости были, очевидно, уязвимы, если не сказать порочны, хотя бы по причине их последствий. Но вернемся к героине романа: «Она не видела и не замечала тех мужчин, которые не нуждались в ней. И потому весь мир представлялся ей собранием обуреваемых похотью людей, со всех сторон стороживших ее и всеми возможными средствами — обманом, насилием, куплей, хитростью — старающихся овладеть ею». Вот он, идеал эгоистического себялюбия, вот оно вполне исчерпывающее и одновременно ложное восполнение *дефицита смысла жизни*. Но почему так, почему Катюше не стыдно? Да, видимо, потому, что она изначально (с рождения) была предрасположена желать лишь то, что удовлетворяло ее прирожденному раздутому самолюбию, распространявшемуся также и на ее собственные взгляды на саму жизнь человеческую. По-иному, она все-таки изначально уже имела влечение (наклонность) к порочному. Впрочем, последнее ею самой вряд ли понималось таковым: «Она отгоняла от себя и воспоминания первой юности и первых отношений с Нехлюдовым». Но могло ли быть так на самом деле и почему, собственно? Ежели бы она отгоняла названные выше воспоминания, то тогда бы она понимала их как нечто более честное и чистое, но, допустим, маловыгодное. Иначе говоря, не могла героиня видеть в воспоминаниях о своей юности что-либо важное, наоборот, она могла видеть в них лишь одну собственную глупость и приведшую ее к бесплодному страданию. В таком случае она должна была бы смотреть на происшедшее с ней в юности как на простое неумение распоряжаться

собственной жизнью, которое впоследствии ею же было «успешно» преодолено. «Чуя же, что Нехлюдов хочет вывести ее в другой мир, она противилась ему, предвидя, что в том мире, в который он привлекал ее, она должна будет потерять это свое место в жизни, дававшее ей уверенность и самоуважение». А вот и доказательство того, что Катюша не могла отгонять от себя воспоминания о юности своей, она могла ими попросту пренебрегать как чем-то никчемным (ничтожным). Другими словами, не может человек отгонять от самого себя мысли, для него совсем не значимые. Теперь вновь обратим свой взор на героя: «Нехлюдову хотелось изменить свою внешнюю жизнь: сдать большую квартиру, распустить прислугу и переехать в гостиницу». Как бы оценила сей замысел прислуга героя? Вероятно так: чудит барин, да и только. И что характерно: последняя формулировка была бы исчерпывающе точна. Почему? Да потому, что задуманная борьба героя романа за воссоздание утраченного ранее собственного «благобразия» и не могла бы получить иной оценки. На замыслы Нехлюдова Катюша отвечает: «Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись! Противен ты мне, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты!» Это слова героини на предложение героя жениться на ней, с одной стороны, вполне уместны, с другой же — не производят впечатление вполне подходящих к ситуации. Почему так? Во-первых, для Катюши нравственных или высокоморальных переживаний в контексте ее сложившегося мировоззрения, очевидно, быть не должно, так как для нее теперь все хорошо, что выгодно и дает удобство. Во-вторых, сей ее эмоциональный демарш против затеи Нехлюдова носит скорее демонстративно мстительный характер, тогда как ее наличные воззрения никак не должны бы подталкивать ее к отмщению, ведь она вполне удовлетворена положением популярной среди

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

мужчин проститутки. Другое дело, что ей могло претить положение княгини, в прошлом проститутки, ведь в таком случае вместо самоуважения она бы получила явно позорящее ее положение. Последнее же для ее самочувствия было очевидно недопустимо. Иначе говоря, ее отрицательный ответ на легкомысленное предложение Нехлюдова непременно прозвучал бы, но прозвучал бы в ином тоне. В каком? А, например, в таком: «В чужие сани не садись», и я не сяду. Тогда как у Л. Н. Толстого вышло так, что можно подумать о скрытых муках и страдании героини в связи с ее положением публичной женщины, о котором писатель выразился так: «И зачем я не умерла тогда (в момент внезапного расставания с Нехлюдовым. — *Авт.*)?» Другими словами, автор романа попеременно рассказывает своему читателю как бы о двух женщинах, искусственно соединенных им в одном лице: с одной стороны, речь идет о ловко живущей женщине легкого поведения, с другой — о глубоко страдающем в связи с собственным позором человеке. Аналогичное двоение сознания можно также наблюдать и у героя романа: «Ужасно было опозорение и мучения, наложенные на эти сотни ни в чем не повинных людей только потому, что в бумаге не так написано; ужасны эти одурелые надзиратели, занятые мучительством своих братьев и уверенные, что они делают и хорошее и важное дело... “Зачем это? — спрашивал Нехлюдов... и не находил ответа”». В последних словах автора романа как никогда ранее много пафоса или высокопарного настроения. Но справедлив ли Л. Н. Толстой? Вряд ли. И вот почему. В реальной жизни все несколько иначе и очевидно сложнее, чем в его последнем рассуждении. Да, трудно спорить с тем, что государственные люди часто ошибаются и часто же не желают признавать себя виновными в том. С другой стороны, заключенные также далеко не праведники, хотя писатель на примере задержанных сектантов и

пытается их выставить почти что таковыми. И потом, ежели сам Бог попускает сию внешнюю несправедливость, значит, в ней есть причина и смысл. Другое дело, что разобрать их бывает ой как не просто. Конечно, гораздо проще объявить одних невинными, а других сплошь виновными и, как говорится, дело с концом. Но такой подход есть явное упрощение очевидно сложного явления жизни и даже есть замаскированный грех уже самого автора романа. Впрочем, кто-то, вероятно, возразит, что так и всякую критику можно отвергать, ссылаясь при этом на Божью волю. На это следует заметить, что подлинная критика никогда не опирается на выдуманную (стилизованную) реальность. Иначе говоря, подлинный критик в отличие от борца за справедливость ищет опять же подлинные причины обозреваемых им горестных событий, изначально понимая, что не бывает бессмысленных жертв и страданий, а значит, обязательно ищет и конкретную ответственность всякого якобы невинно замученного (последняя же может быть даже лишь метафизически понимаемой). Но без этого понимания никакого справедливого вывода никто, нигде и никогда не получает. Впрочем, вернемся к героям романа. В числе прочего читаем о Нехлюдове следующее: «Он решил, что не оставит ее, не изменит своего решения жениться на ней, если только она захочет этого; но это было ему тяжело и мучительно». Вот так внезапно и иссяк энтузиазм казалось бы совсем еще недавно непреходящего благодеяния героя романа. Или его энергия обновления куда-то вдруг отчетливо «испарилась». Другими словами, вместо чувства торжественности и радости от задуманного им ранее поступка пришла вдруг тяжесть и даже душевная мука. Теперь о Катюше. В числе иного находим такое: «Очень мне нужно за паршивцами горшки выносить...» А вот и причина означенного выше недуга героя. Иначе говоря, подлинный и мрачный нрав героини вдруг огородил его, сделал

его замысел вполне для него же чуждым и неприятным. А почему? Да потому, что им изначально была воспринята вся история его взаимоотношений с Катюшей очевидно превратно. Или герой *сочинил* себе вместо Кати Масловой *чистый и непорочный образ*, которого в реальности-то никогда и не было вовсе. Кстати, сама героиня это наблюдение вполне и подтверждает: «Вы меня оставьте, это я вам верно говорю. Не могу я. Вы это совсем оставьте, — сказала она дрожащими губами и замолчала. — Это верно. Лучше повешусь». Последние два слова, видимо, навеяны творением И. Тургенева «Затишье», которое когда-то Нехлюдов давал читать Кате. В упомянутом произведении героиня утопает в реке от несчастной любви. Впрочем, она, в отличие от Катюши, не говорила о своем трагичном замысле никому. Она не в пример Кате Масловой была девушкой более строгого характера. Поэтому она взыскивала с самой себя за собственные же пристрастия и поступки по примеру образа раба из пушкинского «Анчара». В то время как Л. Н. Толстой, *подменяя* в зависимости от ситуации *образ* своей героини, совершает через то своего рода *подлог* или обман собственного читателя, внушая последнему то, чего быть в реальности никак не могло. Катюша же все-таки более любит жизнь и менее всего склонна к переживанию насчет неуспеха в честной жизни. Поэтому подобные слова героини звучат вполне искусственно, и они нужны писателю для особого психологического воздействия на героя романа, для формирования в нем нужного автору настроения. И действительно, ниже мы читаем уже такое: «Это в совершенно спокойном состоянии подтверждение своего прежнего отказа сразу уничтожило в душе Нехлюдова все его сомнения и вернуло его к прежнему серьезному, торжественному и умиленному состоянию». Теперь героиня говорит вдруг такое: «И не отменяй (вынесенный приговор. — *Авт.*) — все равно. Я не за это, так за другое того

стою...» В последнем высказывании как раз и подтверждается уловка автора романа, которая направлена на обольщение читателя, на внушение ему того, чего нет изначально. Иначе говоря, не могла описанная до того Катюша Маслова говорить подобное, так как означенное осуждение предполагает собой другую предшествующую историю жизни, другое нравственное лицо человека. Или такое о себе мог изрекать лишь человек очевидно совестливый и склонный судить себя изначально вполне строго, тогда как весьма комфортно себя чувствующая до тюрьмы популярная проститутка Катя Маслова явно относилась к себе снисходительно, с поблажкою. «Ну а насчет больницы, — вдруг сказала она (Катя. — *Авт.*), взглянув на него (Нехлюдова. — *Авт.*) своим косым взглядом, — если вы хотите, я пойду и вина тоже не буду пить...» Опять речь кроткого существа, коим героиня романа явно не была. В результате, как бы подслушав, Нехлюдов вдруг изрекает о Кате такое: «Да, да, она совсем другой человек». Таким образом, завершая первую часть романа, Л. Н. Толстой неявно заменяет образ самолюбивой и обидчивой женщины на образ иной — совестливого и весьма кроткого человека. Видимо, на героине романа сказался евангельский образ блудницы Марии Магдалины, которая под воздействием Богочеловека вдруг стала праведницей, тогда как историческая Мария Магдалина никакой блудницей и не была вовсе, а была оклеветана ее конкурентами — мужчинами из числа первых христиан, желавших лишь уменьшения ее авторитета среди последователей Иисуса Христа. Последнее замечание было официально подтверждено Римско-католической церковью где-то в середине XX столетия, когда Л. Н. Толстого уже не было в живых. Поэтому без названной выше манипуляции дальнейшее повествование явно утрачивало бы какую-либо перспективу. Однако сам факт произведенной автором романа смысловой подмены

не может не настораживать и даже не удручать. Впрочем, оппоненты автора очерка заметят, что Нехлюдов силой «непобедимой» любви добился-таки кардинальной перемены натуры героини романа, а значит, все вполне на месте и справедливо. Но мог ли герой романа обладать подобной, почти волшебной силой? Видимо, во второй части романа выдвинутое предположение и будет исчерпывающе проверено.

Вторая часть романа начинается с новой характеристики героини, данной ее тетей: «Да хоть и племянница мне, а прямо скажу — девка непутевая. Я ведь ее после к какому месту хорошему приставила: не хотела покориться, обругала барина... Ну, ее и разочли. А потом опять же у лесничего жить можно было, да вот не захотела». Сия характеристика Катюши вновь сообщает читателю ту мысль, что она вовсе не ангел, что она и для самой себя проблемой будет. Новая часть романа также начинается с воплощения планов героя по передаче наличной у него избыточной земельной собственности крестьянам, дабы, с одной стороны, освободить себя от несправедливого положения землевладельца, с другой — для оказания бедствующим безземельным труженикам помощи. Но в таком случае герой романа, евангельским языком говоря, так или иначе, становится на путь спасения собственной души. Почему? Да потому, что, обеднев, он обрекает себя неизбежно на этот путь, так как даже его гипотетический брак с Катюшей для него делается маловероятным. Другими словами, половинная праведность, в конце концов, не нужна будет никому, а полная предполагает, например, монашескую жизнь. Готов ли к ней герой романа? Дальнейшие события романа, вероятно, и дадут читателю искомый ответ. В частности, он формулирует такое: «Но делать его (Бога. — *Авт.*) волю, написанную в моей совести, — это в моей власти, и это я знаю несомненно. И когда делаю, несомненно спокоен». В данном случае

герой романа демонстрирует, с одной стороны, искренность своего доброго намерения, с другой — очевидную наивность, выражающуюся в том, что твердо полагает себя полностью понимающим весь замысел Неба в отношении самого себя. Иначе говоря, герой романа считает, что ясно и исчерпывающе знает смысл добра, а значит, вполне рассчитывает и на соответствующий плод сего славного понимания. «Отдать землю, ехать в Сибирь, — блохи, клопы, нечистота... Ну, что ж, коли надо нести это — понесу». Но, несмотря на все желание благого, он не смог вынести этого (ночного нападения клопов. — *Авт.*) и сел у открытого окна, любясь на убегающую тучу и на открывшийся месяц». Как мы видим, уже в самом начале Нехлюдов явно не справляется с взятыми мысленно на себя обязательствами. При этом также очевидно, что он не отдает самому себе в том отчета. Кстати, косвенно последнее подозрение подтвердилось так: «Он чувствовал, что не давать просящим и, очевидно, бедным людям денег, которых у него было много, нельзя было. Давать же случайно тем, которые просят, не имеет смысла. Единственное средство выйти из этого положения состояло в том, чтобы уехать. Это самое он и поспешил сделать». Таким образом, герой романа, решившись начать новую жизнь, тут же пасует перед ее трудностями, буквально бежит от них. А что пишет теперь Толстой о своей героине? «Вспомнила она... что тяготится своим положением (положением проститутки. — *Авт.*) и хочет переменить его, и как к ним (то есть к Катюше и аккомпаниаторше скрипача. — *Авт.*) подошла Клара (знакомая Катюши из дома терпимости. — *Авт.*), и как они вдруг решили все три бросить эту жизнь». Странно это, ведь ранее Л. Н. Толстой писал нечто другое, в частности, что Катюша ощущала себя в качестве публичной женщины вполне комфортно, так как полагала себя желанной и нужной многим и многим мужчинам, и что

этот спрос даже вызывал в ней самой известное самоуважение. Теперь уже такое предсказание о герое романа: «Мой дорогой, ты плохо кончишь». Эти слова тетушки Нехлюдова из Петербурга о его грядущей судьбе, вероятно, были действительно пророческими. Впрочем, дальнейшее повествование все возможно само и прояснит: «Он чувствовал фальшь в этом положении просителя среди людей, которых он уже не считал своими, но которые его считали своим, в этом обществе он чувствовал, что вступал в прежнюю привычную колею и невольно поддавался тому легкомысленному и безнравственному тону, который царствовал в этом кружке». Тем самым Нехлюдов начинал действовать по известному принципу: «цель оправдывает средства» или «ложь во спасение». Но ведь давно известно, что если средства сомнительны, то и цели также нехороши! Посему разумно было бы иное: «цель диктует необходимые средства» или о ее качестве узнают всегда по качеству средств ее же достижения. Через проявленное выше поведение героя романа становится очевидным, что Нехлюдов судил об известных ему фактах судебной несправедливости поверхностно, а значит, судил их все-таки сам несправедливо или пристрастно. Могло ли сие пройти для него без последствий? Вряд ли. Ведь привыкание к подобному поведению будет заявлять себя и впредь. «Как их (то есть чиновников. — *Авт.*) много, как ужасно их много, и какие они сытые, какие у них чистые рубашки, руки, как хорошо начищены у всех сапоги, и кто это все делает? И как им всем хорошо в сравнении не только с осторожными, но и с деревенскими». Последние мысли героя романа вполне удивляют, ведь его вопросы звучат банально и выпендренно. Почему? Да потому, что он с самого своего детства должен был видеть и отчетливо осознавать известные различия в материальном положении отдельных людей. И потом, он, встав на нравственный путь, вдруг почему-то выказывает за-

висть богатству и социальному положению. Иначе говоря, познав на себе нравственный ужас человека богатого круга, он зачем-то еще завидует ему. Или бунт Нехлюдова против установившихся порядков никак не осознается и не оценивается им самим. Да, можно и нужно провозглашать правду, но сводить последнюю так или иначе к требованию раздела наличного совокупного богатства будет лишь началом «передела собственности», и не более того. Тогда как подлинно нравственная (а точнее, моральная) позиция должна бы состоять в том, что ее адепт как примером собственной жизни, так и проповедью основ и правил последней оказывал бы на ближних и дальних ему людей благотворное влияние. Другими словами, в самой искомой праведности нет места для желания справедливости (беспристрастности), так как хлопотами о последней лишь маскируют собственное тайное поклонение греху подчинения себе других людей. Почему? Да потому, что само провозглашение справедливости уже несправедливо (пристрастно) будет, а значит, будет иметь собой и цель свою — навязывание своего предпочтения всякому другому. Последнее занятие может свершаться как осознанно, так и безотчетно, но его объективный смысл от этого никак не меняется и никуда не девается. Как бы в развитие выше сказанного читаем такое: «Он (Селенин — друг детства Нехлюдова. — *Авт.*) не на словах только, а в действительности целью своей молодой жизни ставил служение людям». Но не вышло. Как мы видим, Л. Н. Толстой на примере товарища своего героя пытается говорить о принципах положительной жизни. Но делает это очевидно неудачно. Почему? Да потому, что «служение людям», как говорится, «во главу угла» не может составить искомое благо, так как известное служение неизбежно и по греховной природе самого человека превращается в служение тем или иным земным прихотям и похотям. Иначе говоря, не может

грешник своим истовым служением грешникам же стать святым. Но как быть тогда? А тогда надо лишь Бога любить и ему одному служить, остальное (подлинное добро) по милости и правде Бога нашего само через человека к другим людям приходить станет. Иное же служение непременно будет «сползать» в грех и в сопутствующее ему страдание.

Далее автор романа показывает читателям своего рода причину неудач благих намерений всякого русского человека, в том числе и Селенина: «И потому для уяснения этого вопроса (справедливости русской православной веры. — *Авт.*) он взял не Вольтера, Шопенгауэра, Спенсера, Конта, а философские книги Гегеля и религиозные сочинения Vinet, Хомякова и, естественно, нашел в них то самое, что ему было нужно: подобие успокоения и оправдания того религиозного учения, в котором он был воспитан и которое разум его давно уже не допускал, но без которого вся жизнь переполнялась неприятностями, а при признании которого все эти неприятности сразу устранились». Посредством приведенного выше краткого рассказа о судьбе названного несколько ранее друга детства Нехлюдова автор романа как бы называет своему читателю главный источник бед для всякого честного русского человека — русскую православную веру и все, что ей сопричастно. Но разве простое отрицание русской православной веры спасает человека? Вряд ли. Другое дело, что и поверхностное ее исповедание, очевидно, губит душу, делает ее двуличной и деспотичной. Так как же тогда быть? Вероятно, следует ясно понять и строго доказать самому себе как неправду, так и правду известного совокупного взгляда на смысл жизни всякого человека. Иначе говоря, вера в веру православную никак не спасает сама по себе, наоборот, лишь *твердое знание* последней служит делу тому уже несомненно. Впрочем, сами известные евангельские истины еще придется разобрать и понять всякому человеку, причем

понять не за страх, а за совесть. Противное состояние неизбежно уведет, в конце концов, в служение, в крайнем случае, уже духовным похотям и соблазнам.

А что герой романа? Мы застаем его в размышлении: «Хорошо ли я сделаю, уехав в Сибирь? И хорошо ли сделаю, лишив себя богатства?» Сии сомнения героя после неудачи по уголовному делу Кати Масловой в Петербурге ясно сообщают читателю непрочность его воззрения или непрочность его верования. И, как бы узнав о вынесенной только что себе оценке, Нехлюдов говорит: «А вдруг все это я выдумал и не буду в силах жить этим: расскаюсь в том, что я поступил хорошо». Во как: расскаюсь в хорошем. Разве подобное возможно? Конечно же, никак не возможно! Почему? Да потому, что действительно хорошему ничто противостоять не сможет, тогда как лишь его иллюзии — вполне. Теперь обратим свой взор на других героев романа: «Как ни тяжело мне было тогда лишение свободы, разлука с ребенком, с мужем, все это было ничто в сравнении с тем, что я почувствовала, когда поняла, что я перестала быть человеком и стала вещью». Последнее высказывание тети освобожденной из заключения с помощью Нехлюдова молодой девушки Лидии весьма примечательно. В нем Л. Н. Толстой как подлинное «зеркало революции» сообщает своему читателю ту простую мысль, что для революционера самым существенным стремлением является стремление к полному освобождению от какого-либо подчинения, от состояния подчиненности. На последнее красноречиво указывают слова «ничто» и «вещь». Почему? Да потому, что явно ни к месту употребленное слово «вещь» указывает, прежде всего, именно на необходимость подчинения тюремным властям, тогда как слово «ничто» явно возводит сей протест против названного подчинения уже прямо-таки до небес. Тем самым автор романа невольно выдает подлинную суть всякого революционного действия как

действия очевидно греховного, так как в нем изначально заложен и механизм самоуничтожения самого революционера, объективно стремящегося лишь к абсолютной власти как к самой соблазнительной форме тотального освобождения самого себя от необходимости подчинения внешней воле. Отсюда же впоследствии (после прихода революционера к власти) и проистекают, вероятно, спесь и высокомерие к подчиненным ему лицам как к «вещам». С другой стороны, действующая власть собственной несправедливостью порождает революционеров как своего рода признаки собственного совокупного недуга, с которыми и пытается яростно бороться. Обратите внимание: пытается бороться с признаками недуга, а не с его причинами. Даже Иисус Христос обличал несправедливость бывшей при нем власти, призывал к иному — праведному бытию каждого человека. Но он при этом совсем не призывал свергать действующую власть, прекрасно сознавая всю пагубность сего желания, приводящего на деле лишь к продолжению и даже к неизбежному ухудшению прежнего положения. И потом, у грешного народа может быть лишь грешный правитель, и борьба лишь с целью замены последнего на иного очевидно напрасна, и напрасна даже в случаях прикрытия ее сладкими лозунгами об установлении с помощью революционного руководителя справедливости. Кстати, последняя в отличие, скажем, от праведности вполне позволяет использовать саму себя и злему человеку. Почему? Да потому, что она (справедливость) возможна только между людьми, тогда как праведник и наедине с самим собой есть таковой непременно. Поэтому справедливость приходится вводить с помощью справедливого же насилия и такого же обмана. Иначе говоря, «приказание праведности» грешникам есть очевидное неразумие. Иное дело — установление новых программ образования и воспитания человека. Но где и в чем их подлинный источник? Кроме религи-

озного начала, кроме веры в Бога ничего более нет и быть не может. Впрочем, сам сей источник с годами, очевидно, был замутнен грешными добавлениями, искажениями и комментариями. Без преодоления или снятия последних ничего путного нигде никогда и не произойдет. Другими словами, неразумная (суеверная) вера есть путь в никуда. Стяжание же альтернативной веры — вот подлинное начало движения в давно и безуспешно искомое светлое будущее всякого из людей, всего мира. Расширяя границы вопроса о вере, автор романа сообщает своему читателю на примере соприкосновения Нехлюдова с царским служакой по фамилии Торопов следующее: «Должность, которую занимал Торопов, по назначению своему составляла внутреннее противоречие, не видеть которое мог только человек тупой и лишенный нравственного чувства... Противоречие, заключавшееся в занимаемой им должности, состояло в том, что назначение должности состояло в поддержании и защите внешними средствами, не исключая насилия, той церкви, которая по своему же определению установлена самим богом и не может быть поколеблена ни вратами ада, ни какими бы то ни было человеческими усилиями... Торопов не видел этого противоречия или не хотел его видеть и потому очень серьезно был озабочен тем, чтобы какой-нибудь ксендз, пастор или сектант не разрушил ту церковь, которую не могут одолеть врата ада». Приведенный выше текст выражает явное недоверие автора романа к институту Русской православной церкви. Но так ли уж неправ наш писатель в своих поползновениях? Доподлинно известно, в том числе из ранней истории христианства, что подлинная христианская церковь должна быть *гонимой*. Чего, понятное дело, в царской России XIX века не было. Но тогда и качество последней стало явно понижаться, а значит, в ней уже могли развиваться иные — богопротивные тенденции. В таком случае Л. Н. Толстой

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

прав, что негодует. Другое дело, что в сем деле автор романа очевидно перебирает, так как начинает отрицать и сам институт известной церкви. Иначе говоря, по поговорке «с водой он выплескивает и ребенка». Последнее занятие уже есть грех самого писателя, поддерживать который, как говорится, «себе дороже» будет. Далее Нехлюдов изрекает такое: «Да, единственное приличествующее место честному человеку в России в теперешнее время есть тюрьма!» Вот новое «откровение» героя романа после его поездки в Петербург по делам ставших известных ему заключенных. Что в связи с этим можно сказать? С одной стороны, понятен его протест против людей из власти, с другой — налицо очевидное впадение в крайность, своего рода самообольщение или явная утрата разумности самого его восприятия, ведь представление о заключенных как о невинных и даже кристально честных людях есть явное преувеличение и даже грех. Мог ли реальный прототип героя романа так думать, как пишет о том автор романа? Вряд ли. Ежели бы мог, то его облик явно стал бы иным. Каким? Ответ на последний вопрос оставим пока в стороне и двинемся вслед за героем романа, который решил готовиться к отъезду в Сибирь. «Совесть же моя требует жертвы своей свободой для искупления моего греха, и решение мое жениться на ней, хотя и фиктивным браком, и пойти за ней, куда бы ее ни послали, остается неизменным». Вот так герой романа реагирует на известие о шашнях Кати с фельдшером в больнице во время его отъезда в Петербург, в том числе и по ее же делу. Но неужели покупка жертвой личной свободы греха собственного малодушия или готовность отказаться от Кати в связи с ее отношениями с фельдшером может спасти героя? А тем более разве может спасти его фиктивный (обманный) брак с брошенной им же когда-то женщиной? Впрочем, героиня, как выясняется несколько позднее, и не пыталась вовсе изменять Нехлюдову с

названным фельдшером. И более того, она, как могла, пыталась соблюдать все пожелания его. При этом Л. Н. Толстой даже сообщает, что она вновь полюбила Нехлюдова, но... не собиралась стать его женой, полагая, что это составит его несчастье. Вновь перед нами нечто странное. С одной стороны, героиня как бы воскресла, с другой — считает себя до конца навсегда непрощаемой. Но тогда ее воскресение выглядит как нечто урезанное, что ли? А возможно ли урезанное воскресение? Навряд ли. Иначе говоря, само воскресение человека в контексте сохранения его самообвинения выглядит явно неубедительно, ведь сам факт все еще сохраняющегося обвинения даже самого себя уже свидетельствует об иллюзии подлинного обновления человека: не будет воскресший человек бичевать себя за прошлые грехи, так как сие печальное дело отвратит и сам известный акт преображения личности. Обобщая последнее, следует заметить, что для воскресших героев романа открыт уже иной — не *плотский* брак, который без всяких затруднений снимает всякое угрызение совести.

«Не могут эти тюрьмы обеспечивать нашу безопасность, потому что люди эти сидят там не вечно и их выпускают. Напротив, в этих учреждениях доводят этих людей до высшей степени порока и разврата, то есть увеличивают опасность». Сия тирада Л. Н. Толстого от имени Нехлюдова, конечно, противоречит его же суждениям до того, что в тюрьмах по большей части находятся, прежде всего, невинные и нравственно высокие люди. Да и в самом деле: а как это в нравственном сообществе вдруг в «высшей степени порок» господствует? Что-то не сложилось в голове автора романа, где-то он все-таки ошибся. Но где и в чем? Наберемся терпения и продолжим чтение романа. «Если можно признать, что бы то ни было важнее чувства человеколюбия, хоть на один час и хоть в каком-нибудь одном, исключительном случае, то нет преступле-

ния, которое нельзя бы было совершать над людьми, не считая себя виноватым». Вот вопрос так уж вопрос, поставленный Л. Н. Толстым от имени Нехлюдова в связи с гибелью от солнечного удара двух пересыльных заключенных. Да и в самом деле: что может в жизни человека перевесить человеколюбие и дать ему над ним предпочтение? Неужели человеколюбие превышает собою все? А любовь к Богу, разве она не превышает человеколюбие? Если нет, то и Бог тогда человеку, в конце концов, и не нужен будет, ведь даже равная (если такая вообще возможна) любовь и к Богу, и к человеку, очевидно, будет разрешать людям в некоторых случаях явное небрежение Вседержителем. Иначе говоря, нельзя человеку обоих любить всегда равно, а значит, так или иначе придется выбирать. С другой стороны, само человеколюбие не мармелад будет, особенно с учетом греховной наклонности всякого живущего на земле. Другими словами, иногда названное выше чувство может принимать строгие и даже внешне жестокие формы, ведущие, в конце концов, к спасению не тела, а души человека. Поэтому рассуждения Л. Н. Толстого о человеколюбии выглядят явно поверхностно и даже — провокационно. Следование его совету неизбежно ведет к богоборчеству, а значит, ведет и к гибели душ человеческих. Еще одно весьма существенное наблюдение: «Между арестантками и арестантами, надзирателями и конвойными так установился обычай циничного разврата, что всякой, в особенности молодой женщине, если она не хотела пользоваться своим положением женщины, надо было быть постоянно настороже. И это всегдашнее положение страха и борьбы было очень тяжело». Вот те на, вот тебе, как говорилось ранее, приличные люди. Оказывается, что заключенные лица все-таки не чужды порокам, а значит, как нечто целое вполне себе поделом несут свое тягло изоляции от внешнего мира. А теперь уже такое прозрение: «Весь интерес ее жизни со-

стоял, как для охотника найти дичь, в том, чтобы найти случай служения другим. И этот спорт сделался привычкой, сделался делом ее жизни. И делала она это так естественно, что все, знавшие ее, уже не ценили, а требовали этого». Вот как описывает автор романа идеал женщины в глазах Катюши Масловой, воплотившийся в лице Марьи Павловны, новой подруги героини романа из числа политзаключенных. Все вроде бы и неплохо, за исключением того, что окружающие заключенные уже *требовали* от названной женщины служения им. Вот так под видом как бы добра и прорастает явное зло. Иначе говоря, даже увлеченность обслуживанием людей как спортом вполне может порождать в людях потребность жизни за чужой счет. Или помощь людям может как спасать, так и губить их. Теперь о выраженном сочувствии Л. Н. Толстого известному революционному делу: «С ними (политическими преступниками. — *Авт.*) поступали, как на войне, и они, естественно, употребляли те же самые средства, которые употреблялись против них». Автор романа тем самым оправдывает насилие со стороны политических преступников, полагая, что примененное против них властью насилие дозволяет им это вполне. Но разве не политические преступники первыми выступают с призывами к насильственному свержению власти? В таком случае поддержка «праведного» насилия не будет ли сама по себе грешною? «Были среди них (политических преступников. — *Авт.*) люди, ставшие революционерами потому, что искренно считали себя обязанными бороться с существующим злом». В последнем суждении автор романа открыто высказывает свою, если хотите, принципиальную симпатию революции, видимо, не понимая своей умственной ошибки. Последняя же состоит в том, что революционная борьба со злом есть лишь его же *трансформация и умножение*. В результате всякий революционер по природе своей есть су-

щий злодей. Но сия истина Л. Н. Толстому, очевидно, не ведома, и он упорно считает революционный авангард своего рода породой «деятельных праведников», в кругу которых Катюша Маслова, и Нехлюдов должны были бы, по его мнению, воскреснуть. В частности, он пишет следующее: «Таких чудесных людей, как она (то есть Катюша. — *Авт.*) говорила, как те, с которыми она шла теперь, она не только не знала, но и не могла себе и представить», «Так что некоторых из своих новых знакомых (то есть политзаключенных. — *Авт.*) Нехлюдов не только уважал, но и полюбил всей душой, к другим же оставался более чем равнодушен». Мы видим восторг и преклонение героев романа перед средой политкаторжан. Одним словом, пред нами почти полная идиллия. Но разве «праведный насильник» — подобие святого? Вряд ли. Но Л. Н. Толстой этого обстоятельства как бы и не замечает вовсе, полагая что «праведное насилие» («праведный обман») есть лишь вынужденная и преходящая во времени мера. Реальная жизнь, понятное дело, сообщает уже нечто иное: «Коготок увяз — всей птичке пропасть». Другими словами, нет безвинного страдания, а есть лишь разный спрос. Или то, что нам порой представляется несправедливым, на самом деле таковым не является, так как что для одного допустимо, то для другого бывает совсем исключено. Теперь взглянем на такое наблюдение автора романа от имени Нехлюдова: «Но люди (и их было так много) производили то, что его так удивляло и ужасало, с такой спокойной уверенностью в том, что это не только так надо, но что то, что они делают, очень важное и полезное дело, — что трудно признать всех этих людей сумасшедшими; себя же сумасшедшим он не мог признать, потому что сознавал ясность своей мысли. И потому постоянно находился в недоумении». Подобное странное восприятие тюремщиков и соответствующих им нравов, очевидно, было вызвано со-

стоянием самообмана автора романа, который по сему случаю и не мог получить что-либо иное. Тогда как именно нравы самой изолированной тюремной преступной публики как раз и являлись исходной причиной ужасающей жестокости тюремных порядков. Иначе говоря, не было бы подобной мрачной атмосферы, ежели бы сами заключенные вели себя хотя бы относительно «чинно и благородно». Поэтому все стенания великого писателя в связи с подмеченными им порядками в местах заключения выглядят явно чрезмерными. Последние, в свою очередь, характеризуют уже Л. Н. Толстого как поверхностного наблюдателя, не могущего связать воедино разные грани весьма сложного социального явления. Другими словами, автор романа впадает в одностороннее обвинение всей государственной машины Российской империи, тогда как совокупные свойства ее народа остаются им явно недооцененными. В результате русский писатель помимо своей воли склоняется сам и склоняет своего читателя в пользу необходимости совершения в России социальной революции как к единственно возможному средству достижения целей *блага всеобщего человеколюбия*.

Завершая свой роман, Л. Н. Толстой посредством своего главного героя Нехлюдова приходит к следующему умозрительному выводу. В контексте известных евангельских истин писатель провозглашает: *отказ от права судить, осуждать и наказывать; отказ от права самозащиты в случае какой-либо агрессии; добровольную обязанность всякого человека оказывать регулярную помощь всем, кому это только необходимо*. Таким образом, автор романа провозглашает тотальное человеколюбие в надежде на быстрое установление царства Божьего на земле. Возможно ли сие в реальности? Вряд ли. Почему? Да потому, что предлагаемое интеллектуальное средство никак не позволяет преодолевать изначальную наклонность к греху или, если хотите, наличную человеческую натуру,

а значит, предлагаемая Л. Н. Толстым программа «Воскресения человека» всего лишь выступает в качестве прельщающего соблазна, на деле ведущего к вполне земному бунту. Почему? Да потому, что жить и не судить все-таки никак нельзя. Это во-первых. Сдерживать же всякое насилие *лишь* непотворением ему также не удастся. Это во-вторых. Впрочем, кто-то, возможно, спросит: а почему именно так? А потому, что без обретения святости само непотворение насилию бессмысленно или бесполезно, так как оно непременно будет поощрять агрессию. Теперь, безотказное обслуживание всякого нуждающегося также утопично, так как вполне может стать новым служением греху. Это в-третьих. В-четвертых, не достижение целей заявленного плана приведет опять же к ропоту, в том числе и против Бога, а значит, и приход к помянутому ранее бунту также неизбежен будет. Поэтому проблема «Воскресения» Л. Н. Толстого в том, что на самом деле во всем его творчестве так и не свершаются акты необходимого перед воскресением рож-

дения и умирания «духовного человека», а присутствует взамен сего лишь сладкая иллюзия подобного утопичного события. Тем более, что «человек духовный» в соответствии с русской традицией, представленной в словаре В. И. Даля, *по вере своей, пребывает в добре и истине; целью его является вечность, закон — совесть, в искусе же он побеждает*. Другими словами, родившись духовно, всякий человек уже не движется вспять, а значит, и соответствующее сему состоянию духовное умирание с последующим воскресением ему уже не грозят. Воскресение в кавычках, или название романа, есть свидетельство, что Л. Н. Толстой не был праведником. Вместе с тем он своим творческим замыслом претендовал на подлинность в описании самой праведности, во всяком случае — ее *становления* в человеке. Но, как известно, последнее было бы возможным только в случае праведности самого автора романа или, строго говоря, *в святого не обрядишься*, как и невозможно достоверно *представить* его кому-либо, находясь лишь вовне.



ЕВГЕНИЯ БИЛЬЧЕНКО

(г. Киев)



Созерцание

Сосредоточенность дерева —
Перед озером.
Сосредоточенность рубщика —
Перед деревом.

Сосредоточенность юноши —
Перед женщиной.
Сосредоточенность женщины —
Перед зеркалом.

О заколдованность сонная!
О торжественность!
Завороженность влюбленного —
Перед жемами.

Сосредоточенность слога —
В стихотворении.

—
Сосредоточенность Бога —
Перед творением.

2007 г.

Бабушкины сказки

Льется кровь с молоком в бидон —
Плещет море через края...

Расскажи мне про этот дом,
Где жила с тобой, да не я.

Курам на смех, назло ветрам
Буду гнать по степи коня...

Расскажи мне про этот храм,
Где венчали, да не меня.

Возвращается беглый вор,
Пятилетки свои губя...

Расскажи мне про этот двор,
Где встречали, да не тебя.

Птица тычется клювом в рот —
Хочет выпить слюны живой...

Расскажи мне, как в этот год
Нас отпели на мостовой.

А еще расскажи, как мед
Прожигает пчелу огнем...

Выйдет бабушка, все поймет,
Хлеба с маслицем завернет,
И нарежет голландский сыр,
И склюют его журавли...

Расскажи мне про этот мир,
Из которого мы ушли.

24, 26 февраля 2010 г.

Осень в Ворзеле

Листопад, листобег, листолет...
Кипяток в обожженной листве.
Лес плывет, как оранжевый плот,
По волнистой соленой траве.

Робин Гуд покори́л Голливуд.
И Христу помолился раввин.
Листомир, листосвет, листозвук...
Детский лепет старушки-любви.

Жизнь — от мамы до мглы — автостоп.
Из родильной к могильной — транзит.
Листозвон, листосон, листостон...
Сто постов — и на всех тормози.

Лес — застреленный опытный лис —
Золотится на ветках, как крѐз.
Листопад, листобег, лист-о-лист...

И привычный финал: лист — на крест.

7 октября 2009 г.

Будем...

Жить свободно — как птица в небе.
Жить, подобно святым даосам,
Укрошая остатки гнева
И прощая укусы осам.

Мир ломая на получасти,
Доиграться до сердцевины...
Бог — один надо мной начальник,
Остальные — наполовину.

Жить трагично — как грустный клоун.
С дураками — кося под дуру.
Если трудно — под мышку с ломом.
Если страшно — в обнимку с дулом.

«Жить» — нехитрая штука, братцы:
Попуститься в черти на столько,
Чтобы из мотылька обратно
Добровольно свернуться в кокон.

Не святошей — и не бандитом,
А Поэтом (читай: солдатом) —
Жить смертельно — смертям на диво.
Остальное — если удастся...

24 июня 2009 г.

Пошлость

Представилось: дикий сад,
Без охов, без дамских роз.
Тропа... Гефсиманский ряд
Черешен... Обвалы рос

В глубинную сырость плит —
В прадедово... В до-стихи.
В постельные мхи, в земли
Обветренный малахит...

Сад — честен, как Бог и зверь.
Сад — чист, как мудрец нагой...
Ступаю... И вдруг в траве
Нашупываю ногой
«Playboy».

21 января 2009 г.

*Сказка
об осиротевших автомобилях*

По старой дороге за радугой вслед
Грохочут автомобили.
В гараж бы, вздремнуть бы —
да выхода нет:
Хозяева их забыли.

У «мазды» крикливый,
размазанный вид:

Ей хочется быть Лолитой;
«тойота» устала (движок барахлит),
А джип источает сытость.

И «хонда» шипит, отмахав виражи,
Чтоб «ланусу» скорчить рожу;
Вприпрыжку за ним «жигуленок» бежит
И дохленький «запорожец».

Толпятся, пыхтят, норовят к полосе,
Жиреют, впадают в копоть;
Никто не считает, что хуже, чем все,
Никто не сбавляет скорость.

Давно над дорогою радуги нет,
И только тропинкой с краю
Виляет поджарый велосипед
С мальчишкой Христом на раме.

18 мая 2006 г., 5 марта 2007 г.

Весна от Пиросмани

В кромешной зелени — мостовая.
У сонных окон глаза зевают.
На небе солнце крутым желтком.
Я и не думала о таком.

Господь родился, и в люльке веток
Его, как птицу, качает ветер.
Застряло время в объятьях арок.
Оставил будущее в подарок.

Смотрел не щурясь. Ушел не глядя.
По жухлой шерсти собаку гладил.
У всех движений украл по ритму.
У всех прохожих — по Маргарите.

Верблюду с поклажей таранит дали.
Ребенку куклу на праздник дарят.
Весна сусальная режет глаз...
И где-то счастье живет без нас.

2006 г.

Отдаление

Понимание — это случай
(Так же редко, как ствол в дугу).
Бесконечная боль созвучий.
Бесконечное «не могу».

Понимание — это лепет,
Трепет космоса в проводах.
Понимание — это степень
Погружения в никуда.

Понимание — это пропасть.
Пропасть мира — и вдруг
в груди.

Понимание — это робость:
Бесконечное «отойди».

Что вопросы и что ответы?
Прах — прокрустово ложе тем.
Понимание — это... это...
Это... Господи, ну зачем

Отдаляемся?!

2002 г.

Золушка

Дождь в кожане свинцово-песем
И тоска: не спасет и Спас.
Мы напишем с тобой две песни,
И еще одну, про запас.

Вновь за счастьем заброшен невод,
И по звездам плывет баркас...
Мы напишем с тобой два неба,
И еще одно, про запас.

Всем — за все, как при коммунизме:
Слово за слово, глаз за глаз...
Мы напишем с тобой две жизни,
И еще одну, про запас.

Наше солнце почти не меркнет,
А погаснет — так после нас.
Мы напишем с тобой две смерти,
И еще одну, про запас.

Словно в детстве, необратимо
Я вникаю в эти черты...
Мы напишем с тобой картины
Светлой, ангельской красоты.

А потом приходила фея,
Обашмаченная слегда,
Раздавала свои трофеи
Из подгнившего сундучка.

И сказала мне: «Тише! Тише!
Тише, деточка, попусти!»
Ничего ты с ним не напишешь:
Разве только — хрустальный стих».

Я ответила: «Дрянь дурная,
Что ты знаешь о нас! Молчи!»

Мы напишем, уж я-то знаю,
Перед Господом...
Две свечи.

16 октября 2009 г.

Взрослая дочь

Моему папе

Она — образцовая, как со сканнера.
Молодая. Отточенная. Казенная.
А он пришел со своими скалами,
Со своими звездами и озерами...

Она научилась дырки заделывать.
Прокладывать стенки. Сочиться щелями...
А он пришел со своими демонами,
Со своими вершинами и ущельями,

Со своими ласточками и совами...
И она сказала: «Они — прикольные!» —
Но на детском личике вырисовывалась
Хватка, по жести отнюдь не школьная.

Сбежать бы в деревню, подобно Левину:
Кукушек кушать, пороть пророчества —
От постмодерного поколения —
В протопещерное одиночество.

У нее на днях турпоездка в Англию.
Жизнь удалась, хоть немного колется...
И он ушел за своими ангелами —
Собирать созвездия на околице...

12 февраля 2010 г.

Щенок и Змея

Я чувствую свою смерть, как язык щенка:
Шершавой и липкой, лижущей прямо
в губы...

Продрогшее небо скапывает с виска
По водопроводам, черновикам и трубам.

Изрыто осенней оспой лицо земли.
Усталость такая — что ни любви,
ни страсти...

А где-то вдали — летучие корабли,
Волшебные рыбки и золотые снасти.

Закончилось время темных костровых
смут.

От детства остался тоненький
звездный лучик...

Хотелось бы крикнуть: «Мама!» —
так не поймут:
Настолько вокруг светло и благополучно.

И мухи нас не кусают. Не холодит
Голодный костлявый ветер
в джинсовой робе.
А в черной глубокой яме нагой груди
Растут облака на белой крови надгробий.

Чужие ушли. Вся чужость теперь —
в своих.
Распаты цветы на лезвиях древних
сабель...

Я чувствую свою жизнь — как укус змеи,
И медленно, отравительно воскресаю...

10 октября 2009 г.

Свободный стих

Мир ловил меня, но не поймал.
Г. С. Сковорода

Когда уже нет слов,
Иду в магазин за едой...
Навстречу двор — нищий, худой
И вещий: Иван Богослов.

Ни ямб, ни хорей. Верлибром
Скулю, как подбитый пес.
Либо в кабак, либо
В храм, либо под откос...
В бешеной мясорубке
Сходят вагоны с рельсов.
Любят жестоко-хрупко —
Средне.

Слыть некрасивой женщиной —
И при этом всем нравиться.
Постигать божественное
Не по правилам.

...И в самый последний миг
Перед вселенской ночью
Смутно вспомнить, что есть мир,
Который тебя хочет...

6 августа 2007 г.

Послесловие

*Я пролился, как вода;
все кости мои рассыпались;
сердце мое сделалось, как воск,
растаяло посреди внутренности моей.*
Псалом, 7: 10

...Как-то сразу все стало просто:
Что по-прежнему я — жива.
И звезда мне теперь по росту,
И по нутру — трава.

И могу я пастись украдкой —
Всем на радость и на беду.
И нарвать, если надо, сладких
Яблоч в чужом саду.

И ночами молиться Богу,
Чтоб послал хоть немного сил.
И взхлеб целовать дорогу,
Чтоб любимый по ней ходил.

И догадываться по щелям,
Что рассвет вытесняет мглу.
Полагаться на возвращенья.
Не доверяться злу.

Жить, как в обмороке, — красиво —
В вечном плену у лжи.
Даже если совсем не по силам —
Жить.

2005 г.



ВИКТОР МУРАВИН

(г. Нью-Йорк, США)



Ветер моря

Соленый ветер моря
Поет о жизни и свободе,
О том, что в каждом есть народе
Терпенье, сила, дух высокий.
Но дышит океан глубокий...

Пенный вал

Холодный ветер пенный вал
У борта в темноте вздымал.
Он над кормою выросал,
На миг застывши пенным взором,
Расшитым Нептүна үзором,

Оглядывал свои владенья:
Корабль, мокрый и дрожащий,
Вой ветра, душу леденящий.

Еще через одно мгновенье
Он с яростию рухнул вниз
На миллионы мелких брызг.
Сквозь грохот вздрогнул пароход,
На миг замедлил шаткий ход.

Винт бешено в воде вращался,
Из бездны мокрой и зеленой
Корабль на волну взбирался.
Над нами в темноте Вселенной

Мерцали звезды в вышине,
Угадывался Млечный Путь,
«Жанетта» таяла во мгле,
В пути надеясь отдохнуть...

Голос вещий

И пенный шторма вал,
И урагана вой зловещий
Несут земле лишь голос вещий
О том, что Бог людишкам дал
Дыхание, Любовь и Радость Бытия.
Людей хороших помню я...
А сил уж нет...
С покрытых илом скал,
На глубине морской
Рождается белок из зарослей планктона,
И человек две тыщи лет
Свой новый строй искал,
И выбрал коммунизм по трудам Платона,
Но у меня на это сил уж нет...

Память матери

В тропическом лесу страны далекой,
Где ветер дует над рекой глубокой,
Людей других я видел на песке чужом
И вспоминал свой старый и забытый дом...

Так птица в синем небе тает,
Когда на юг за солнцем улетает.
А я хотел бы человеком оставаться,
Полетом птицы в небе любоваться,
И в том забытом старом доме жить,
Чтоб память матери на стенах сохранить...

За морем дальним

За морем дальним, за горой высокой,
В стране, забытой Богом и далекой,
Людей я видел — трудно им жилось.
Я им добра желал, удачи и свободы.
И, чтоб желание мое сбылось,
Монетку я бросал на память в воды,
Что гулко пеной бьют о стены скал,
Где я свободы для себя искал...

После бала

«Итак, она звалась Татьяной»...
И русских инженеров бал
Своей царицею избрал
Елену из семьи простой,
Без корысти и лести чванной —
Бог не обидел красотой.
И в шуме дружеского бала,
Под звон бокала, в шаг танго
Она всю ночь там танцевала,
Не отвергала никого. О либерал!

Признайся, ты совсем не ждал,
Что на балу том в честь Татьяны,
Забыв политики изъяны,
Вдали от споров и страстей,
В глаза смотреть ты будешь ей.

И нежности мотив могучий
Рассеет прошлых тягот тучи,
И вот уж новыми глазами
Смотрел ты на друзей вокруг.

Кадеты, монархисты — сами,
По стопке дернув, шли на круг,
Кружили грациозных дам,
Вели беседы, снова пили,
О прошлых распрах позабыли,
Ведь это инженеры были —
Строители высотных дамб.

Так чары музыки и женщин
Кровавый след душевных трещин
Излечивают без труда.
Поэтому прощу, всегда

Газеты русские читать,
Чтобы слова не прозевать
О том, что зимний бал Татьяны
Души залечивает раны,

К друзьям дорогу открывает,
Плохое в жизни забывает
И англосаксам представляет
России малый уголок.

Не нужно забывать урок,
Что жизнь нам преподнесла —
Ошибкам не было числа.
Не забывайте нас, друзья!

Ваш подвиг не забуду я.
Во время следующего бала
В углу танцующего зала
Засяду оду я писать

О том, как инженеров рать,
В азарте нового единства,
Без споров, шума и без свинства,
Там веселится до утра,
Забыв, что им домой пора.

Шампанское лилось рекою,
И на паркете предо мною
Американцы-инженеры,
Забыв про желчь и про манеры,
Танго и польку танцевали
И дамам ручки целовали.

И я там был и водку пил,
Потом в Нью-Джерси ночью ехал,
Тихонько радуясь потехам,
Я сам с собою говорил,
И звездным небом любовался,
И что-то вспоминать пытался...

Я в молодости храбрым был,
Но в эту бархатную ночь,
Свой страх пытаюсь превозмочь,
Я развернул машину вспять,
Помчался к городу опять.
А за окном мне ветер выл:
— Ты на балу жену забыл!

Под Новый год

Письмо в Москву

В Москву сегодня я звонил,
Чтобы услышать мир далекий,
Друзей своих я не забыл,
Хотя меж нами — снег глубокий
И океана глубина,
Но память выше нам дана,

Чтоб помнить тихие заливы,
Друзей, гитары чудный звук,
Уснувшие под снегом нивы,
Письмо, которое напишет друг...

Пусть Новый год нам принесет
Энергию, Мечту и Вдохновенье,
Основу всех удач — Терпенье,
А Счастье судьба не отберет.

Мы здорово хлебнули в этот век,
Но победит лишь тот, кто Человек.

1987

Травиата

Бар, ресторане,
Синьорина нуждается...
Битта э брута — жизнь жестокая!
Двадцать пять тысяч —
С миру по нитке —
За «шорт тайм аморе» —
Мгновенье любви!
Здесь ясно все — нет новостей,
Все продается и покупается
В мире свободной игры страстей!

Улица Грамчи всем известна,
Генуя знает свои травиаты.
Джентльменам здесь появляться не лестно,
Хотя и живут они не с зарплаты.

Глаза — сливы, фигура тонкая,
Карман глубок, монета звонкая.
Синьор, пожалуйста, пер пьячере,
Оставь мне доллары, в самом деле!

В любом ресторане окна широкие,
Картины на стенах, цены высокие.
Пока молода, жить так хочется!
Жизнь одна и не повторится!

Вия Данте, бар Бенедитто,
Изящные столики вдоль палаццо.
Здесь не Америка — все открыто!
В углу за столиком цветет рагацца.

Брови — тушью, талия — бантиком,
Губки алеют алым тюльпанчиком.
Козьи ножки — нога на ногу,
Юбка короткая — это реклама.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Ногти длинные, цвета малины,
Пальцы тонкие оттопырены —
Дымит сигарета — не видит мама, —
Дочь делает деньги на Виа Панама.

Потом в ресторане — вино, мальчики.
Вот это жизнь — оближешь пальчики!
Деньги, монета, итальяно динеро —
Мечутся люди в поисках пищи.
Пермессо! Позвольте! Здесь занято?
Прего!
Да я и не прочь, но нас — тыщи!

Ракушки квадратные — это машины,
«Фиаты», «рено» — узкие шины,
В этих ракушках, жучках блестящих,
Жмут итальяни в поисках счастья.

Мчатся по корсо и магистралям,
Ползут пешком по улочкам старым,
Считают ступеньки на виа Наваро,
Ночью взбираются на тротуары.

Генуя дышит под черной ночью,
Спят, отдыхают «рено» и «фиаты»,
В сон погружается город рабочий,
Только не спят одни травяты.

Как призраки древней земной профессии,
Бредут по жизни без слова «любимая»,
И днем и ночью — им город тесен,
В них вечность жизни неистребимая!

Генуя, 21 мая 1980 г.

Потомки Ермака

Полгода в море, в шторм и штиль,
Несу свой крест над царством Нептуна,
Остались за кормой семь тысяч миль,
Но брошен якорь, тихая лагуна

Защищена от моря мощным волноломом,
Кольцом вокруг бухты городок белеет.
Я каждый порт считаю своим домом,
Пишу с утра, уже рука немеет.

Но нужно наверстать упущенное время,
Поведать на бумаге для людей,
Как рок преследует людское племя
С благословенья политических б...дей.

Две тыщи лет наш мир живет в войне,
Костями по земле прокладывая след,
И нет уж тех, кому держать ответ,
И вспоминать об этом трудно мне.

События моих недавних лет?
С трудом ушел от западных глупцов,
Живут сегодня, как в приятном сне,
Идущих по стопам своих отцов.

Эти глупцы, как в прошлые века,
Нечаянно к войне весь мир толкают,
И деньги делают, и телеграммы пишут,
Но роли злой своей не понимают.
У власти держит их Господняя рука,
Они убеждены, что их услышат,

Что мир огромный, злой, полуголодный,
Их детский лепет мудростью считает.
И так всегда — в делах международных
Дурак преступный спичку зажигает...

Я отступил, шесть книг оставил в сейфе,
Забыл я прошлое и долларов не сделал
На том, что мир к войне толкает.
Глупцу легко — он в облаках витает,
И в гневе ложном он Муравина уделал.
Ушел я в море, мой корабль в дрейфе.

Для коммунизма я врагом был честным,
Но сонм предателей остался за кормой.
Я отступил, остался неизвестным,
И только океан услышал голос мой.

Заканчиваю книгу «Потомок Ермака»
О том, как правнуки донского казака,
Ступившего ногой в тайгу Сибири,
Потомков рыцарей тевтонских
разгромили.

О том, как твой режим,
в огне войны рожденный,
На мощь и выдержку России опирался,
Со всех сторон врагами осажденный,
Он в положении безвыходном остался,

Когда ему пришлось забыть идеи
коммунизма,
В борьбе отчаянной готовиться к походу
Навстречу армиям безумного фашизма,
Который нес угрозу русскому народу...

Пишу я эту книгу в память тех,
Чья кровь легла на подмосковный снег,
Кто принял на себя ошибок бремя,
Признать которые поможет только время.

Чтобы историк Запада, кто мудрствует
лукаво,
Играет фактами налево и направо,
Порою пишет глупости, как школьник,
Кто верит искренне
в Бермудский треугольник,

Чтобы историк Запада себе сказал
Что Бог для Запада Россию свыше дал.

Михаилу А. Барышникову

Стремителен и точен шаг балета твоего,
Упругое изящество и плавность танца,
Но я не раб воображенья моего
И не горжусь судьбой американца.

Народ великий дал тебе талант,
В Париже выбрал ты свободу.
Теперь ты счастлив, знатен и богат
И задолжал лишь малость
русскому народу.

Ему в истории тяжелый жребий
дан —
Ценою рабства проложить дорожку
Для западных последних могикан,
Которые разврат предпочитают Богу.

И в вихре вальса, в роскоши и в счастье
Ты вспоминаешь тех, что не смогли
Уйти, освободиться от ненастья,
Остались там, во мгле родной земли.

Сквозь годы долгие успеха и тревог,
До старости, до блеска седины
Нести ты будешь память тех дорог,
В которых детские остались сны.

Морщинистой руки прикосновенье
Старушки-матери, ее лучистый взгляд,
Как солнца луч и ветра дуновенье
Ты потерял уж много лет назад.

Но прошлое ушло, и нет возврата!
Танцуй, Барышников,
и прославляй балет —
Искусство, что как зарево заката,
Под небом русским свыше сотни лет
Сияет людям мира ярче злата.



ОЛЬГА ПАВЛОВА

(г. Бийск)



* * *

Мне никто не заменит тебя
В этом мире великом и сложном.
Жить в разлуке так трудно, любя,
Но не помнить тот день невозможно.
Ждать, надеясь на милость судьбы,
Доверяя любимому взгляду, —
Это высшая точка борьбы,
За которую верность — награда.
Километры дорог, что прошли
Я и ты, не узнав друг о друге,

На родимом отрезке Земли
Нас свели в тайном солнечном круге,
Чтобы вновь разлучить на года,
А быть может, проверить на деле:
Наши чувства всерьез, навсегда,
Или их заколдуют метели?
Верю: сколько б ни минуло лет,
Сквозь преграды невзгод и сомнений
Нам надежды мерцать будет свет,
И никто мне тебя не заменит!

Голубь и радуга

Есть чудеса на свете!
Пусть труден жизни путь,
Летающий летний ветер
Нам даст тепла чуть-чуть.

Так вдруг порой дождливой
Под голубиный взлет
На небе переливы —
То радуга цветет!

Заняв дугой свод синий,
И ярче, чем салют,
Изгибы дивных линий
Нам счастье принесут.

Пусть ливни напророчат
Немало разных бед,
Но чем темнее ночи,
Тем радостней рассвет!

Ливень надежды

Он шел под летним ливнем —
Смешной и неуклюжий.
Он шел под летним ливнем
Без зонтика по лужам.

Когда вокруг безлюдно,
Все спрятались под крыши,
Когда вокруг безлюдно —
Один гулять он вышел.

И на губах улыбка
Веселая играла
И на губах улыбка...
Вдруг дождика не стало.

Так быстро солнца лучик
Прорезал туч завесу.
Так быстро солнца лучик
Мелькнул за дальним лесом.

Чудак наш не боялся
Простыть под ливнем летним.
Чудак наш не боялся
И жил он днем последним,

Прочь прогонял тревоги
И радовался просто.
Прочь прогонял тревоги,
Храня надежды остров.

Совсем ничего?

Зовется «горечью» разлука,
Зовется «радостью» любовь.
Когда-то были наши руки
Красноречивей всяких слов.

Когда-то мы стояли рядом,
Любуясь счастья новизной.
И нам хватало жеста, взгляда...
«Не бойся, буду я с тобой», —
Звучало в сердце тихим эхом
И верилось, что навсегда
Мы вместе. И с веселым смехом
Шептали мы друг другу: «Да!»

Ушло, исчезло в синей дымке
То чувство, что сближало нас.
Остались письма, фотоснимки?
Нет! Только ЗВЕЗДЫ и ЛУНА...

Майская листва

Май. Отголосками войны
Звучат торжественные марши,
Победной радостью полны
И скорбью безутешной нашей...

* * *

Мой дед — учитель-фронтовик,
Прошел дорогами сражений.
Его открытка, как дневник,
Стихи — для новых поколений.
Победный май. Ликует мир,
Но строчки так полны тревоги.
И лишь по снимку помним мы
Взгляд деда по-житейски строгий.

* * *

Не зная бабушки своей,
Ее тепла не ощущая,
Я с каждым годом все сильнее
О ней по-детски так скучаю.
И мамин помню я рассказ:
«Враг оккупировал станицу.
Так трудно говорить сейчас.
Казалось, это просто снится...
Осиротели мы тогда,
Узнали голод и лишения.
Вокруг была война, беда,
И далеко освобожденье...»

* * *

Не в мирном мире мы живем,
Планету сотрясают войны.
И жертвы множат день за днем
Те, кто не хочет жить достойно.
Кошмара смуты мировой
Не допустить нам нужно, люди,
Чтоб снова кровь лилась рекой,
Здесь победителей не будет!
И строки эти я пишу,
Наполнив их надежды светом.
Листвы победный майский шум
Летит как мира эстафета.

Я люблю

Я люблю эти губы холодные
И глаза с поволокою инея.
Эти речи надменно-свободные,
Этих плеч отстраненную линию.

Твой рисунок движений стремительный
И полет неумной фантазии —
Своенравный, болезненно-длительный,
Как сближение Европы и Азии.

Хмель Востока, рассудочность Запада,
Знак судьбы, вдохновенье мгновения.
И — отвага словесного выпада,
И — расплата за все без сомнения.

За возмездьем — грехов искупление,
Одиночества плен отрезвляющий.
После стужи душевной — прозрение.
Синий взгляд робко, солнечно тающий...

* * *

*Евгению Ицковичу — художнику,
писателю, мыслителю,
Бразилии жителю*

Бразильские напевы с русской речью
Вполне созвучны — яркостью тонов
И дев округлым радостным предплечьем,
Любовью, что основа всех основ.

Соседствуют со сливами кокосы,
А с орхидеей — простенький пион.
Здесь отыскать ответы на вопросы
Способен каждый, если он влюблен

В загадку фиолетовых рассветов
И шепот грустных синих лошадей,
Где осень оставляет робко лето
Под гул сао-луисских площадей.

Здесь чаепитие по-русски помнят
И по-бразильски весело живут,
Впуская солнце в уголки всех комнат,
В которых тихо царствует уют.

Колибри, чайки, кошки и удавы
Нашли здесь теплый радостный прием.
Творит художник бал не ради славы,
А чтоб сердца исполнились огнем

Добра, что всех побед святой источник.
И каждый миг, промчавшись невесом,
Остался нежным, светлым многоточьем
И защищал семью, очаг и дом.

Песнь колоколов

Опять звучат колокола —
Как символ верности России —
Ожившим гордым куполам,
Святой их чудотворной силе.

И возродится вновь страна
Великим Фениксом из пепла.
Грядут иные времена.
О Русь, века ты верой крепла,

Хранима памятью живой,
Из поколений в поколенья,
Передавая разум свой
В эпоху мрачного затмения.

О чем поет небесный звон,
Грустя, страдая, торжествуя?
В нем наша радость, боль и стон —
О жизни с нами он толкует.

И нет понятней языка
Для каждого из здесь живущих.
Так льется в песне сквозь века
Поток Господних истин сущих.

Зов бури

Воздух наэлектризован
Зовом бури, бури зовом.
Радуга грозой светилась,
Пыльной бурей обратилась,
Беспощадным ураганом —
Всех напастей атаманом.

Шторм стучится в окна, двери
И ему я только верю!
Он в неистовом порыве
Тучам всем расчесет гривы
И разгонит в одночасье
На душе моей ненастье,

Жизнь изменит до истока,
Чтоб не быть мне одинокой.
И войти в обличье новом
Буду к вам, мой друг, готова...
Воздух наэлектризован
Зовом бури, бури зовом!

Переводы с чеченского Ольги Павловой

ХАСАН ГАПУРАЕВ

Ночной дождик

Тьма густая окружила,
Ни луны, ни звездопада.
И небес не видно было
В уголке усталом сада.

И кузнечиков не слышно,
Лишь шептала речка снова
Все задумчивей и тише...
И земля к грозе готова.

Розы белые бутоны
Все свернули — тьму не режут.
И сова так глухо стонет —
Тьма грознее и безбрежней.

Озарилось все вдруг светом,
Молния в горах сверкнула,
Гром за ней гремел дуэтом,
И природа вмиг проснулась.

Разрешилось словно небо,
Заплясали капли дружно.
Дождь прошел — как будто не был.
Утро. И грустить не нужно...

Солнцезек

Печет порою солнце так,
Как будто на пожаре.
И вянут розы от атак
Жары на всем бульваре.

И даже страшно, посмотри:
Пляж шумный стал пустыней.
И от зари и до зари
Зной все никак не сгинет.

С тобою солнце я сравню.
Как жгут твои объятия!

И я спешу к любви огню,
Хочу тебя ласкать я.

Я верю: так быть суждено,
Тебя согрею страстью.
И мне любить тебя дано,
В твоей быть нежной власти.

Пылай же, Солнышко, всегда.
Огня жалеть не надо.
Цветы завянут — не беда.
А дети — нам отрада!

Родной вокзал

Давай вернемся к станции Начало
И посидим, любимая, как прежде,
И этот поезд «Счастье» величаво
Пусть из тумана выплывет с надеждой.

Составы все, как правило, в движенье
По рельсам, им уж не свернуть с дороги.
И на перроне жизни на сближенье
Пойти готовы мы, прочь все тревоги!

Жаль, наша лавочка стоит пустая...
Цветы, что в утренней росе, прекрасны.
Не встретил никого, не провожаю.
С тобою быть хочу — мне это ясно!

И путь стальной проложен не отсюда,
Бежит за горизонты он куда-то.
Присядем на дорожку! А остуда
Исчезнет, в этом мы не виноваты.

Вокзал. Рассвет. Так мы решили сами:
Пусть город нас не ждет так скоро.
Звонить не будем очень рано маме,
Преподнесем сюрприз ей, бросив споры!



СТАРИКАН ВЛАДИСЛАВ



Тихо тикает березовое время
в белом золоте березовых минут.
Краснокожее осиновое племя
ветру головы подставило под кнут.

Черные глаза небес к утру поблекли.
Еле жив с похмелья утренний туман.
И озера, как забытые монокли.
Любит солнце всмятку горизонт-гурман.

О, как пышно и свежо лесов убранство!
Осень нам совет — недорого возьмет.
Время тикает и пятится пространство —
это Бог незримо шествует вперед.

* * *

На пороге беззубого дома — трава.
Там, за пазухой запертой двери, —
топор.
Золотая с небес не слетит голова.
Куст калины, как пьяный,
упал под забор.

Над рубиновым зонтиком клена в тени
лижет мох огрубевшую холку конька.
Остроклювый колодец все ночи и дни
смотрит в сторону сада, где возле
пенька,

две дорожки сливаются нежно в одну,
и, не чувствуя больше земли под собой,
мимо дома, как будто в другую страну,
убегают, петляя, в туман голубой.

* * *

Босиком по многоточью
бесконечных мутных луж
осень трескотню сорочью
на руках уносит в глушь.

Свежевыцветшие травы
спят у кочки на груди.
Ты паром у переправы
в эту пору не буди.

Кони воду пьют у брода.
Крутолобый склон притих.
Ивы золотого рода
в окруженье облепих.

По горбам дорог устало
раскатали кто куда:
хутора, которых мало,
и большие города.

Босиком по многоточью
этих старых добрых дней...
Снится осень днем и ночью —
шляпка желтая на ней.

* * *

Меняют кожу миражи.
Судьба нетороплива.
Стихами правду расскажи
Мне, ветреная ива.

Завесь туманом слов глаза,
Стели дорогу в ноги.
Пусть запятые-тормоза
скрипят под ритм убогий.

С испугу жизни колея
окажется в кювете.
Мои стихи спасут меня
на том и этом свете.

Во тьме ночной, при свете дня,
я вспомню строки эти.
Мои стихи прочтут меня
на том и этом свете.

До дыр зачитан. Мне — ужу —
плясать на сковородке.
Стихами правду расскажу
до красной пены в глотке.

* * *

Грустят деревни — нету мочи.
Окован льдами белый свет.
И днем, и под покровом ночи:
«Как дальше жить?» — ответа нет.

Бегут дороги честь по чести.
Не слышно птичьих голосов.
И гладит ветер против шерсти
колючие усы лесов.

Отшелушить от неба поздно
к щекам примерзшую метель.
И ставни хлопают так грозно,
и дверь вот-вот сорвет с петель.

Белым-бело, и скука волчья.
О, нрав зимы — суров и груб.
Дымов обугленные ключья
слетают с губ кирпичных труб.

Мороз в ежовых рукавицах.
Густеет снег на мокрых пнях.
Душа России не в столицах —
тоскует в малых деревнях.

Туманы голубых кровей

Кривее всех дорог на свете,
путей задумчивых кривей —
там, за обочиной, в кювете,
туманы голубых кровей.

На желтом пепле листопада,
и что ни день, то здоровей —
ржавеющих кустов ограда
в туманах голубых кровей.

Все холоднее под ольхою
земля. Закаты багровей.
Проходят стороной глухою
туманы голубых кровей.

Красная царевна

Подсахарена клюква холодком.
Преображая спящие просторы,
гуляет осень. И стоят рядком:
дома, кусты, деревья и заборы.

Янтарный воск березовых свечей
на землю тихо падает по капле.
Пустые гнезда сгинувших грачей
на голопузых ветках виснут паклей.

Поджарый, на коротких ножках день.
Зимы еще ни маковой росины,
лишь паморги* дождливой дребедень.
Вздыхают краснощекие осины.

Красным-красно кругом — борщи вари.
И робкий горизонт грызет, как заяц,
морковку красную зари.
На спинах туч лежит румяный смалец**.

Следы

Вот дождь.
А вот его подошвы
следы оставили на Орше.
Вот снег.
А вот его следы.
Сугроб лежит без бороды.
Вот улица.
Вот дом.
Вот угол
пейзаж укутал у воды.
От черных дыр
до детских кукол —
кругом следы,
следы,
следы.
Безгрешная душа —
потемки —
следов невидимая нить.
Не бойтесь, робкие потомки,
не наследить,
не наследить.

* * *

По дырявым ребрам всех заборов,
что стоят от Волги до Москвы,
плети телефонных разговоров
лупят, задирая вверх носы.

Ярославль гриву золотую
бросил ветру прямо на плечо.
В Рыбинске выращивают тую.
В Бологое тлеет жизнь свечой.

* Паморга — разносимые ветром
капельки дождя.

** Смалец — отблеск.

Крикнешь — но никто не отзовется.
Все кругами ходят наши дни.
Как тебе несолоно живется
без родной страны, как без родни.

Всем гудкам коротким за беспечность
не сносить, как видно, головы.
Снится мне березовая вечность.
Петербург не снится мне, увы.

* * *

Шел 45-й в гимнастерке,
в литых тяжелых сапогах.
Май в перевернутой «шестерке»
хромал на раненых ногах.

Скажи, зачем и почему
мы возвращаемся с парадов
и, сняв шинели снегопадов,
которые нам по плечу,
мы зажигаем у икон свечу.

Скажи, зачем и почему
вся эта горечь слез победы,
что выплакали наши деды,
чугунные подошвы вдов, —
не стоит смерть земных трудов.

Шел 45-й в гимнастерке.
Европа кланялась — «Привет!» —
Израиль кофе пил в Нью-Йорке,
чтоб вскоре выползти на свет.

Москва в ежовых рукавицах
была голодная вдвойне.
Железный занавес — убийца
победы нашей в той войне.

* * *

Нет у Бога людей сумасшедших.
Черствый пряник и гибкая плоть.
Помолись в тишине об ушедших,
А живущих не надо жалеть.

Трудный выбор. Да. Вольная воля?
Божья воля на всё. Вышний суд.
В клеверах, по окраинам поля,
васильки и ромашки цветут.

Клонит ветер к забору калину.
Я покину навеки свой дом.
Там, в заоблачной выси, я сгину.
Только всё это будет потом.

Тяжела поступь улиц
мощенных.
Твердь земная. Небесная клеть.
Нет у Бога людей не прощенных.
А безбожных не надо жалеть.

Русские люди

В храм еловый шагнул и пропал.
Мирно тлеют сосновые свечи.
Ладан звезд и небесный провал.
Местных жителей долгие речи.

Ходит ветер — хромой пономарь,
крестит справа налево березы.
Спят в обнимочку дуб и фонарь.
Снег лежит, и лютуют морозы.

В этом Богом забытом краю,
где не знают ни буквы закона,
жизнь земная течет, как в раю.
Лес чернеет вдали, как икона.

На алтарь плоскостопых лугов
смуглый вечер набросил сугробы.
Дым печной. Из кирпичной утробы
слышу запах борща, пирогов.

Добрых слов простота и уют.
Хлеб насущный да скатерть-дорога.
Здесь счастливые люди живут.
Слава Богу, людей таких много.

В час веселья не сходят с ума
и помогут рублем и рукою.
Желтых глаз, не смыкая, дома
как лампы горят над рекою.

* * *

Ни в паству не гожусь, ни в пастухи.
А. Вознесенский

Ни в стадо не пойду, ни в пастухи.
Горит и пятки лижет путь-дорога.
Я босиком дошел до Таганрога.
В кафе читаю Чехову стихи.

Не жировать на дармовых харчах,
не встану в ряд, где суетится оголь.
Мы с Юголем сражались на мечях.
Кто победил? Не помню. Я? Нет. Юголь?

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Погиб поэт. История тех лет
давно растаяла, как дым из пушки.

А было так: перед дуэлью Пушкин
отдал мне свой дуэльный пистолет.

Мне Время не товарищ и не враг.
Горит и пятки лижет путь-дорога.
Я босиком пришел из Таганрога,
чтобы напаялить свой гранитный фрак.

И Невским надышаться грудью всласть.
Парить, как чайка, гордо и свободно.
Но только не в бомжи и не во власть.
Мой дом. Здесь я сгложусь на что угодно.

* * *

Уткнулся снег кутенком белым
в ладони черные полей.
Прижалась ель колючим телом
к чугунным веткам тополей.

Пенек, придавленный сугробом.
Кружится ворон, смотрит вниз.
И берег над хрустальным гробом,
как очарованный, повис.

Клубится пар над кровлей. Тихо.
Играет с ветром в прятки бор.
Береза — робкая зайчиха.
Примерз к поленнице забор.

О небо — синяя берлога,
Медведи-белые — дымы.
Скрипит озябшая дорога.
Лед под полозьями зимы.

И лижет языком шершавым
седой мороз бока лугов,
подламывая когтем ржавым,
и твердь земли, и шерсть снегов.

~ • ~

НАТАЛИЯ УЛЬЯНОВА

~ • ~

Мой Летний сад

Червонное золото
Тихо ложится
К мраморным
Статуям на пьедестал.
И белоснежные
Древние лица
Светятся ярче
На фоне листа!

Кружатся листья...
Стремительно,
Смело, светло.
Рисуются ветром
В аллеях узоры,
Такие,
Что взгляд оторвать
Нелегко...

Природное кружево
Ветер сплетает

И с нежною лаской
В ковер собирает.
Осенние краски
На солнце горят,
И нас приглашает
К себе в листопад
Милый, любимый
Мой Летний сад!

*Расплескалась заря
по вишневому саду* Д. О.

Расплескалась заря по вишневому саду,
Словно в сказочном мире тебя узнаю.
Ты идешь мне навстречу.

Я глаза твои вижу. И, не зная тебя,
Я тебя узнаю. Да, ты тот:
Ты волшебника злые силы пленишь.

Ты Свобода и Счастье.
Ты мечта моей Скорби.
Ты идешь из Зари!

* * *

*Светлой памяти моих родителей
Григорьевой Веры Григорьевны
и Ульянова Федора Константиновича*

Ложился белый, белый снег.
И город тихо оживал.
Звучал и праздничный салют.
Звучал и все же он молчал.

Молчал о страшной той зиме,
Когда замерзло все вокруг.
А люди жить еще могли.
Струился времени поток...

Промчались грозные те дни.
В молчанье липы шелестят.
И на проспекте есть доска:
«Опасна эта сторона».

Она напоминая нам,
Живущим здесь, через века:
Что были деды и отцы,
Не сломленные никогда.

Прорыв блокады

Апрельское безоблачное утро,
И диктор объявляет нам прогноз...

А многие, наверно, и не помнят,
Что значит ленинградский метроном.
Но их винить за это и не стоит,
Они ведь родились уж после трудных дней,
Когда звучал он днем, звучал и ночью,
И не было вдруг наступившей тишины
страшней.

Что сможет объявить заговоривший диктор?
Какие новости прочтет, проговорит?
И снова метроном звучит в квартире,
Последнюю ведь ночь он так звучит.
А утром, на рассвете, всех разбудит
Не вой бомбежки, не снарядов гул,
А крик о том, что прорвана блокада.
И с кораблей военных на Неве салют.

Я помню взгляд

Я помню взгляд
И рук твоих движенье,
Протяжность слов
Коротких, как приказ.

Порой мне кажется:
Земное притяжение
В немыслимый водоворот
Швырнуло нас.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

От имени ветеранов Дороги жизни

Как памяти мудрейший дар...
Картины прошлого встают перед глазами.
Далеких дней негаснувший пожар,
В грядущее летящий конь над головами.

Мы памятью сильны. Душою —
мы бесстрашны.
Средь мирных дней встаем легендой
живой,

Как в дни былые, запевая песню,
Мы шли за Родину в священный бой.

Теперь же, выступая перед вами,
Делясь воспоминаньем грозных дней,
Идем в метель, сквозь пули и туманы,
Мы снова в бой за Родину идем.

Мы так хотим, чтоб небо было чистым,
Чтоб больше не вмерзали люди в лед,
Чтоб детский взгляд был радостным,
лучистым,
Чтоб дерзновенным был души полет.

Память беды

В цвету, в кипени белой вишен,
Стояли мирные сады.
Через года их шелест слышен,
Из памяти не вычеркнуть беды.
Через сотни лет, через века
О горе черном, безысходной боли
Напомнишь ты, о Аблинга, пока
Стоят сгоревшие в огне на взгорье,
Стоят напоминанием живым
Те, павшие, что превратились в дым.

Литва 1977

* * *

Мы часто слышим от кого-то
Преданья древней старины.
Они закопаны глубоко.
О них мы помнить не должны.

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Но прорывается наружу
Истории молчаливый лик.
Попытки объяснить не тщетны,
Они лишь правильны вовек.

Не сразу их признают снова.
Лишь ветер подведет черту.
И поселения слепого
Исчезнут в чьем-то лишь бреде.

Ветер в окно

Ветер в окно и в раскрытую дверь,
Музыка листьев слышна мне теперь.
Блюзом проникла в блистательный зал,
Мечтой отразилась в глубинах зеркал.

В глубинах зеркал появился тот дом,
В котором мы жили с тобою вдвоем,
Где нежность и ласка царили всегда,
Где солнечный берег манил из окна...

Манил из окна, обещал тишину,
Твой ласковый голос мне пел про весну...
Там были мы вместе в родной стороне,
Там знать мы не знали о страшной войне.

Новое имя

Я тебе имя придумаю новое,
Чистое, нежное, васильковое.

Будет лучиться оно и светиться,
Будет прекрасно оно, как жар-птица.

Ясное, светлое, молодое!
На смех и печаль
Откликнись живое!

Живое слово открыло уста,
Здравствуй, любимый мой,
Здравствуй, весна!

Правда жизни

Солнце ушло, и ночь воцарилась,
Звезды мерцают во мгле.
Тихо заря с небес опустилась
И умерла на дне.

Она очутилась на дне колодца,
Где сумрак и мрак воды,
Куда очень редко проникнет солнце,
Не вырастут здесь цветы.

Тут бьет источник прозрачный звонкий,
И холодна вода.
Живет лягушка лишь у колодца,
С ней правда жизни жива.

Хрустальный мир детства

Ты для меня как сказка иль поэма
В хрустальном мире детства моего.
Ну что ж, пусть буду я несовременна,
Как зимний лес, дарящий нам тепло.
Пусть будет так, как не бывало прежде,
И может быть, опередив века,
Хрустальный парус детства и надежда
Нас не покинут больше никогда.
И разнотравье, что цветет подобием зонта,
Порадует нас сказочной красой.
Я верю, мы дойдем до горизонта
И там напоим души прозрачною росой.
О мир хрустальный детства моего,
Где все так просто выполнимо,
Где людям сердца дарится тепло,
Я мир твой принимаю неделимо.

* * *

Мгновенья быстро так летят.
Они порою быстротечны,
Не оставляют нам сомнения
О смысле жизни-бытия:

Зачем нам жизнь была дана?
В чем должен быть ее итог?
Зачем огонь пылает горячо?
Зачем Душа мерцает в том сосуде?

Рассвет

Дочери Наталочке

Из-за синих-синих гор
Медленно и величаво
Выплывает на простор
Солнце — жизни всей начало!

И за Солнцем, осторожно
Руки к небу простирая,
Заалела Зорька-Зоренька,
Красотою мир пленяя!

Горы сини, лес дремучий
И река с туманом ночи
Расступаются смиренно,
Глядя, как, потупив очи,

По земле бежит царевна,
Замочив росой ноги,
Пробуждая Мир от сна,
Выбегает на дороги
Зорька-Зоренька-Заря!

* * *

Исчезло прошлое давно.
Былого нам не воротить,
И жизни свернутую нить
Уже не стоит ворошить.

И ничего не скажет нам
Пушистый, мягкий тот клубок,
Что мы мотали по утрам,
Еще не зная жизни срок.

Его и не дано узнать
Всем нам, живущим на Земле.
И мира подлинная статья
Вся спрятана в одном клубке.

Кто сможет размотать его
И выпрямить всю нить простую,
Тот свяжет жизни полотно
И проживет жизнь не пустую.

* * *

Разнотравье в поле диком,
Хлеба некошены стоят,
И указатель на развилке,
И уже нет пути назад.

Здесь вся в колдобинах дорога:
Заполнены они водой.
Рискнет ли путник одинокий
Преодолеть порог земной?

И на развилке у карьера,
Где яблоня была в цвету,
Стоит пустая вся деревня,
Не светится нигде окно.

Стоят замшелые деревья,
И вновь смородина цветет.
Давно заброшена деревня —
Никто сюда уж не придет.

* * *

Старинные сферы полных глубин,
Они воплощают единство и мир.
Стройны, как колонны, и полы внутри.

Они сохраняют красоты седин.
Здесь девы молодые и страж богатырь,
Он их охраняет от страхов ночных,

От холода, мрака и боли внутри,
От чудищ земных в одеяньях людских.

С рассветом заполнится солнцем
весь зал —
Старинные сферы в глубинах зеркал.

Истина

Нам с древности давно известно,
Что истину рождает спор.
И потому мы все так любим
Вести неспешный разговор.

Здесь всё к тому располагает,
Лишь только стынет в чашках чай.
И песнь над лесом не смолкает,
Хотя уж на дворе сентябрь.

Заваривая в чай малину,
Душицу, мяту с чабрецом,
Хотим мы видеть в нашем доме
Лишь тех, кто нам давно знаком.

С кем делим трудности, заботы
И радость летнего труда,
А философские беседы
Готовы мы вести всегда.

Что есть первично, что вторично
В житейской книге бытия,
Но истина — она навечно
Спаяла души и сердца.

* * *

Не стоит долго очень ждать,
В пути не стоит оставаться.
Смеркнется только лишь тогда,
Когда мы будем вместе.

И не приидет смерть вперед,
И жизнь пока что не настала.

Безвременье — всему начало,
Всему начало и исток.

И в устье так течет река,
И не кончается вода.
И эту тоненькую нить
Ничто не сможет разрубить.

* * *

Солнце сияет,
Солнце искрится.
В каплях дождя
Отражаются лица.

Те, что когда-то
Были родными,
Светлыми, радостными,
Не чужими.

Солнце ушло.
Лики их затерялись,
Лишь отблеском памяти
В сердце остались.

* * *

Я верю в то, что дождь пройдет,
И счастье для нас настанет.
И день прекрасный на Земле,
Он очень скоро засияет.

И будет вечный мир для нас,
И как вода в живом сосуде,

Звезда опустится с небес
И засияет в несравненном чуде.

Камни

Камни — души спящие чьи-то,
И от сна их исходит тепло,
Что веками они накопили,
Отвечая на чье-то добро.

В жаркий день их водой обливаю,
Наблюдаю за ними в тени.
Как играют камни на солнце,
Подставляя грани свои.

Я от пыли их очищаю,
Рядом с ними сажаю цветы.
Я с душою камня общаюсь,
Очищая свою изнутри.

~ • ~

ВЕРА ГРИБНИКОВА (г. Тверь)

~ • ~

Себе... Любимой

В новом творческом начале утоли свою печаль
И вначале от печали, как от пристани, отчаль.
Раззадорь попутный ветер, чтоб ярился и крепчал.
Несомненно, есть на свете ждущий паруса причал,

Где друг другу верят люди. Бросив якорь, ты поймешь —
Здесь обманывать не будут, не заронят в сердце ложь.
Отыскать его непросто — душ единый камелек.
От рождения до погоста путь, по сути, недалек.
Но не горбись от бессилья, разве счет идет на дни?
Подари надежде крылья, пирс ногою оттолкни.
За штормами будут штили — солнце в небе и в воде.
Трудно пройденные мили сгладят память о беде,
В рифах времени стирая старой пристани черты.
Не дается жизнь вторая. В этой жизни кормчий ты!

Два крыла

Мне юность подарила два крыла
В подмогу тонким девичьим запястьям.
Уже тогда я твердо поняла:
Крылатой быть — невысказанное счастье!

И я летала, крыльев не щадя,
Взмывала в небо радостной пичугой.
А сколько раз от зноя и дождя
Я укрывала ими плечи друга.

Взрослели крылья. Набирая рост,
Легко пронзали облачную завесь.
Они бы донесли меня до звезд,
Но выстрелила в них людская зависть.

Дружище-ветер подхватить успел
И приземленьем боли не умножил.
Больней всего, что щурились в прицел
Глаза того, что был мне всех дороже...

И на земле порой бывает ад.
Пройдя его от края и до края,
Я выжила. Крыла мои болят.
Чудовищно болят. Но я... летаю!

Ты вернулся!

В каменном лесу жилых кварталов
Наши тропки осень развела.
От морозов рыжая бежала
И тебя с собою позвала.

Во дворах-колодцах выли вьюги,
Подменив осенние дожди.
«Не впервой, — пророчили подруги, —
По весне заявится, поди».

Этим и жила. Ждала. Молилась,
Веря в силу вешнего тепла.
А зима все злилась, все ярилась
И мела, неистово мела!

Холода остановили время
Всем моим желаниям вопреки.
Но надежды крохотное семя
Не погибло и дало ростки.

Вот и март. В лесу многоэтажек
Ручейки о чем-то гомонят.
Ты вернулся! И не важно даже,
Где и с кем ты сравнивал меня.

Ты вернулся. Значит, я нужнее.
А подруги ладят, как одна,
Что давно пора такого — в шею.
Глупые! В душе моей весна!

Отступили тяжкий зимний морок
И бессонниц ледянящий бред.
Оттого так важен мне, так дорог
Каждый день, что нежностью согрет.

Все мои обиды, все укоры
В виноватых канули очах.
А подруги утверждают хором,
Что умчится перелетный птах.

Терпеливо слушаю советы,
Но не прячу я счастливых глаз.
Сколько ласки обещает лето!
...Добрый будет на зиму запас.

Цена вдохновения

— Остынь! Одумайся! Не смей!
Давно ль откаркали вороны?
Пусть поменявший кожу змей
Напрасно ждет в укромье кроны.

Не верь тому, что шепчет змей,
Остынь. Одумайся. Не смей!

Хваленый краснобокий шар —
Червей вместилище, не боле.

А соком вызревший нектар —
Смесь унижения и боли.

Искусно соблазняет змей.
Не слушай. Не смотри. Не смей!

Придет расплата за грехи,
Не отдавай души, не надо.
Зачем ей погибать от яда?!

— А вдруг получатся стихи?..



ВАЛЕРИЙ ДОМАНСКИЙ

(г. Томск)

Публикация приурочена к 60-летию автора



* * *

Мозаика впечатлений, лоскутья пестрые наречий
на золотистых в дымке пляжах.
Испания, несущая тяжелый твой букет —
Не сосчитать цветов и красок.
Кто сказал, что пахнешь ты
лишь лавром и лимоном?
Ты пахнешь морем,
соленым ветром,
парусами каравелл,
вином и страстью одалисок
в чертогах смуглой мимолетной ночи
и кровью дикой и безумной, смешанной с геройством...

Я вижу квадратуры легионов Ганнибала,
слонов в доспехах, топчущих посевы,
тяжелый перевал сквозь Пиренеи,
гарцующих пред войском
братьев Сципионов.
Куда ушло все?
В земную пыль?
В легенды?
В прозу будней?

Безмолвно восхожу на башню Тарагонны
И пью соленый ветер, как пил когда-то Цезарь,
Иберию смиряя римским правом и законами.

Прав Кальдерон:
все только сон и смутная тревога
влечений дерзких, трепетных надежд.
Раскрыв глаза, я вижу пламенных красавиц.
Язык огня кровь разжигает.
Фламенко, огненный фламенко,
тебе мои восторги — не корриде кровожадной!

Вновь смежата глаза —
Иль это только смена кадров
в тех клипах, что зовем мы жизнью?
Вот постоянный двор. Достойнейший идальго
прервал свой долгий путь и подвиги на время.
Вот стук копыт, мерцанье шпаг, паденье грузных тел
и звуки серенады под балконом Вечной Девы.
Где наши Инезильи, Дульсинеи?
Давно не проливали за них кровь
и не ломали шпаг за Эскурьяром.

Под переборы томные гитары
пью терпкое вино
с испанцем, бывшим русским.
Июль горячий с огненным бокалом
навис над побережьем Коста Даурада:
«Испания, buenas noches! Hasta pronto!
Не исчезай в сибирские метели,
Мелькай инфантой Гюи в золотистом платье,
Румянцем нежным обжигай мои снега!»

*Капли дождя**

1

Вальдемосса. Горы Трамунтана.
Огненно-малиновый закат.
Вносят свечи. Он — за фортепьяно,
Взял аккорды, слушая цикад.

* Зиму 1838/39 г. Жорж Санд и больной туберкулезом Шопен провели на острове Майорка в горном Вальдемосском монастыре. Здоровье польского композитора ухудшалось: постоянно лил дождь, в монастырских кельях было сыро и холодно. Жорж Санд была поглощена хозяйственными заботами: не хватало продуктов и элементарных удобств. Больной Шопен сочинял мало, хотя и создал здесь, в Вальдемоссе, прелюдию «Капли дождя».

Она бродит в полутемных кельях —
От забот теперь не до пера.
Вот уже которую неделю
Прозой дел забита голова.

Горы, как диковинные звери,
Растворились в синеватой мгле.
Пал туман, заполнил все ущелье
И крадется кошкой по стене.

Где-то вскрикнула ночная птица —
Одиноко, страшно и темно.
В комнатах туман, сокрыты лица,
Как провал, свинцовое окно.

Далеко Париж, Ноан, Варшава,
А они затеряны в горах.
Под верблюжьим теплым одеялом
Хочется забыться в мутных снах.

2

С утра был дождь, в обед дождь затяжной,
Как проседь в бороде свисают нити,
Сквозь щели в потолке вода сочится.
Покоя нет, не пишется, не спится —
Домой! Скорее бы домой!

Не видно гор, лимонных рощ, ущелий.
Вздыхает где-то море в мутной мгле.
Тоска все глуше, все сильнее
И отравляет воздух ядовитым зельем.
Душа кричит и стонет от безделья!

3

Капли дождя стекают по стеклу,
Капли дождя — жемчужинки-слезинки.
Нити дождя — как с неба пелеринки
И солнца луч. К теплу! К теплу!

Проходит сон, проходит смута, черед забот.
Дождь, как шаги, все тише, все прощальней —
Так хорошо, так грустно, так печально
Среди тревог, смятений и невзгод.

Капли дождя не пишут больше анаграмм,
Не барабанят гулко, монотонно.
Деревья мокрые, как темные колонны,
Открыли свой необозримый храм.

Так хочется войти, стать на порог.
Какая истина за немотой сокрыта?
Последняя слеза скатилась по ланитам —
Кто правит всем — природа или Бог?

От редакции. В. А. Доманский активно выступает в поэзии. Им выпущены сборники стихов «Сопричастие» (Томск, 1997), «Россия. Лета. Водолей» (Томск, 2004), поэма «Нарым», посвященная Н. А. Клюеву в Сибири (2004). Он член Союза российских писателей в г. Томске.

Михаил Жаров

ЗЕРКАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

(повесть)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МАЛЕНЬКИЕ ПРИНЦ И ЕГО ПРИНЦЕССА

1

Испуганный перед щуплым мальчиком, я спросил его:

— Давно куришь?

— Двадцать лет ровно, — ответил он закуривая.

— А самому тебе сколько сейчас?

— Восемь, — ответил он, правдиво щурясь от дыма.

— А она кто тебе? — указал я взглядом на девочку. — Сестра?

— Жена, — сказал он, пустив ленивый дымок. — Причем тайная.

Девочка тоже достала сигарету, тонкую, и вышла с ней из дома, видимо, смущаясь меня.

Я провел у них лишь вечер и умом дошел уверенно до одного: что встретил такое, чего еще не было ни с кем и нигде.

2

Я порядочный человек. Мне нужно сразу довести до вас этот факт, а то не будет понятно, почему начальник мой, Макарыч, принял решение послать именно меня на станцию Соново, откуда пришло сообщение машиниста, что двое детей пытались броситься под поезд.

— Ты порядочный человек, и ты поедешь! — безапелляционно заявил мне Макарыч, вызвав к себе в кабинет.

Против первого я возражать не посмел, потому что Макарыч в людях ошибается редко, но срочно ехать в Соново воспротивился.

— Александр Макарьевич! — был я здравомыслящ. — Материал-то прокурорский. Все равно его в прокуратуру перешлем. Может, я опрошу машиниста и его помощника и хватит? Никто же не пострадал.

— Поедешь.

— Это Соново сгорело двадцать лет назад подчистую. Где я там кого найду? Те дети, наверное, из какой-то деревни богом забытой. Что зря время терять на неведомых дорожках? Я, конечно, инспектор по делам несовершеннолетних...

— Сегодня забудь, кто ты по должности! — проворчал Макарыч. — Главное, какой ты. Езжай и держи меня в курсе. Машина туда не пройдет, поэтому выдвигайся поездом. Один. Материал подписан тебе, и решение по нему примешь ты.

Я с пристрастием рассмотрел Макарыча и сдался ему. Кибернетический, бронебойный, огнеупорный человек, Макарыч сегодня поблек. Даже острые вампирские его ушки обмякли и стали пельменными, как у чуваша. Лысина потускнела. Осанка съехала в банальный, несерьезный животик.

Кроме того, в кабинете для чего-то находилась ненужная Елизавета Антоновна, женщина, официально выжившая из предпоследних сил, в полной мере обладающая возрастом и должностью старшего дознавателя.

Обстановка меня удручила, и я шагнул уходить.

— Тогда я поеду сегодня на семичасовом, на вечернем, — сказал я, плохо изображая в голосе упорство, с каким брали города и покоряли царства. — Правда, приеду в Соново уже затемно. Ни поспать, ни поесть там...

— Езжай! — не дослушал Макарыч мою противоречивую прощальную песнь. — По возвращении — сразу ко мне!

«Тля, блин, лысая! Послал меня в какую-то Юебань!»* — обильно поливал я черный тюльпан обиды, стоя на перроне. Но неожиданно перед самым отправлением поезда Макарыч пришел пожать мне руку. Я растерялся, простил его и вполуха выслушал старую побасенку про порядочность. Позади Макарыча опять же стояла и опять же ненужная Елизавета Антоновна. Она дымил дамской сигаретой гуще гудящего локомотива, и у меня, наивного, не вызывала никаких чувств и соображений.

3

В вагоне я со скорбью думал о себе, что еду не в Соново, а в бессонную ночь и бессмысленный холод. И по прибытии я оказался прав. Станция была фикцией, названием, формальной минутной остановкой поезда. Она не ждала ни меня, ни кого другого. Вышел на разбитый перрон я один, и встретил меня качающийся по-киношному фонарь. В его маетном и мутном свете я различил остовы двух русских печей, напоминавших, что в лучшие времена Соново было обитаемо.

Куда теперь мне? Костер пытаться разжечь? Зря! Идти наугад? Здесь болота, которые, может быть, еще не замерзли. Вот я дурак! Мог же дальше проехать, до Питера, там выспаться, пока поезд в отстойнике, и завтра вернулся бы свежий и сильный. Макарычу нашел бы что наплести. Не нашел, мол, никого и рапортом отбил бы!

— Дядя Дима! — уверенно позвал меня детский голос из-под железнодорожной насыпи.

Я оледенел внутри себя.

— Помогите мне влезти! — сказал мальчик, протянув руку из каковы.

* Юебань — название древней империи, находившейся на территории современного Казахстана.

Я без усилий поднял его и поставил перед собой. У него вихры черных волос были забраны за хитрые, показавшиеся мне знакомыми, уши. Весь он утопал в замызганном милицейском бушлате.

— Меня Саша зовут. Макарыч меня предупредил, что вы приедете, — сказал он, держась спокойно и называя меня на «вы» скорее тоном делового этикета, чем из уважения перед старшим по возрасту. — Макарычу я верю, как себе. Если он прислал вас, значит, так бы сделал и я.

Затем он позвал меня за собой на 345-й километр и сноровисто посеменял по шпалам.

— Я спрятался в канаве, чтоб не увидели машинисты, а то они сейчас напуганные. Сразу сообщат, что в Соново опять детки-суицидники.

Я рассматривал перед собой узкую спинку излишне логического мальчика и уже не жалел, что приехал.

— Родители-то где у тебя? — спросил я, отставая.

— Я, как и вы, сирота! — мужественно, не показав ради, ответил он через плечо. — Макарыч немного рассказал мне о вас. А так, отец у меня умер в 79-м, когда мне было 10 лет, а мать жива, но не для меня. Вот и спуск. Давайте за мной осторожно.

Я сбежал с железнодорожного полотна по тропке вниз в лес, где обалдел. За глухими кустами орешника стоял снегоход «Рысь».

Мальчик лег животом на землю и заглянул под днище снегохода.

— Ну, сука! — выругался он внезапно так грубо, что я вздрогнул — Лда сколько налипло! Все равно наша техника пока еще дерьмовая, да ведь?

Я с готовностью и сочувственно развел руками, заподозрив, что этот маленький принц может иметь зрелые мысли и об отечественной милиции.

4

Мы мчались с ним на резвом снегоходе (он за рулем), и я едва успевал прятать глаза от острых веток.

Немного отступлю и признаюсь вам честно не для создания из себя забавного литературного героя, а во имя правды повествования: я плохо считаю. По алгебре в школе только раз я написал сам контрольную и с доблестью получил «–1», то есть ниже ноля. К своим сорока я не научился ни одной карточной игре, а когда если кто и пытался привлечь меня к тому же «дураку», то я вытирал с челки мозговой пот, загнанно пыхтел и просил отдыха после второго кона. Цифры на картах утомляли меня чуть не до слез.

Итак, маленький принц цепко держался за руль, выжигая фарой впереди нас тоннели и коридоры, по которым мы мчались и которые — по их минованию — снова наполнялись мраком, зарастали кустами и соснами. Я же, горе-математик, решал в уме задачу: сейчас 2009-й, в 79-м у него умер отец, ему самому — как моему второму ребенку... От шарады этой навевало наглым обманом, и начинал меня бесить не врущий мальчик, а Макарыч. Вспомнился он, сердечно провожающий меня на поезд, и вспомнилась Елизавета Антоновна. Да, здесь уже не навевало, а явно пахло грязным бельем. И мне надлежа-

ло разгрести его, а потом, пестуя свою общепризнанную порядочность, молчать.

— Давно знаешь Макарыча? — спросил я остывшими от холода губами, уверенный, что задаю вопрос внебрачному отпрыску.

— Хрен его знает! — резко ответил мне отпрыск. — Лет-то сорок знаю!

Из черного леса мы выехали на белую поляну и встали перед могучим препятствием. Перед нами был холм, который, казалось, упирался в небо, потому что заслонял собой половину созвездий.

Принц подвел меня к холму ближе, и я в который раз за вечер ахнул, увидев добротную и широкую деревянную лестницу.

Мы шли по ней вверх, и ступени под ногами не скрипели, настолько они надежно были слажены. На полпути я взмок и разговорился:

— Это ты ведь под поезд бросался? И девочку какую-то с собой надоумил, да?

Принц косо посмотрел на меня и пробубнил:

— Говорил же Макарычу: подготовь его!

— Точно! — не постеснялся и я быть услышанным. — Весь в него. Балабол и до черта умный.

Лестница закончилась и настал великорусский пейзаж. Мы оказались на головокружительном земляном утесе. Внизу, от левого горизонта до горизонта правого, текла свинцовая река, а за ней во всю ширь земного шара рос синий лес.

— Зашибись! — выразился я, далекий от поэтики с лирикой.

На утесе стоял бревенчатый дом, и в нем горел свет.

— Разве здесь есть электричество? — изумился я.

— Пойдемте в дом, что ли, — был краток Принц.

Тут-то я вспомнил, что не получил сегодня пистолет. После того как палили по мне из двустволки, замахивались топором и целились ножами разных длин, я предпочитал посещать современную русскую глубинку вооруженным. При подходе к дому во мне пугливыми мотыльками завились мысли о вероятности встретить сектантов либо людей с уголовным прошлым, настоящим и будущим.

5

Внутри темной холодной терраски Принц с усилием отворил тяжелую, как гроб, дверь, и мы вошли в тепло.

Прихожей не было, а сразу стояла русская печь и за ней виднелись по одну сторону — жилой угол, по другую — кухонный.

— Елизавета! — позвал Принц по-хозяйски. — Мы пришли!

— Ага! — отозвался детский голос, и из-за кухонного угла печи вышла девочка в истертом красном халатике. У нее торчали два коротких, видно, что наспех, в делах, собранных хвостика, в руках она держала нож и картофелину.

— Здравствуй! — бодро поприветствовал я ее и наклонился, как делают перед детками.

— Здравствуй! — легкомысленно усмехнулась девочка и вернулась за угол.

Сомнений у меня не осталось, я убедился до конца! Елизавета Антоновна — мать девочки! И соответственно мать Принца, а отец обо-

их — Макарыч! Сходство детей с родителями было вопиющее, вплоть до ушей, что по мужской линии, что по женской. Девочку Лизу с Елизаветой Антоновной роднили круглые ушки, торчащие все равно что у мартышки. Ох, как же потом Макарыч с Антоновной будут смотреть мне в глаза?

6

Принц зачем-то снова вышел из дома, а я разделся и прошел в комнату. Во как! Не слабый телевизор, нормальный компьютер. Одна кровать. И много-много фотографий по стенам, на которых Макарыч и Антоновна, вместе и порознь... «С каких же пор...» — стал пакостно размышлять я, но меня окликнул вернувшийся Принц:

— Я сейчас позвонил Макарычу, сказал, что добрались вы хорошо, все нормально. Да вздрючил его за то, что он вам ничего не объяснил.

— Смело ты с ним! — усмехнулся я, чувствуя, что осваиваюсь, и загадок для меня, которых стоило бы опасаться, не осталось. — Я бы сам позвонил.

— Не надо, не звоните ему, пока не будете в курсе дел.

«А то я совсем глупый!»

— Из взрослых кто здесь с вами? — спросил я, важно прошагиваясь.

— Все здесь взрослые, — ответил Принц, улыбнувшись сам себе. — Разве что вы еще совсем молодой.

Я оценил хамство и поинтересовался далее:

— Макарыч вас на каникулы сюда привез или давно здесь прячет?

Принц долго посмотрел на меня и повелел:

— Мойте руки. Сейчас есть будем.

Ужинали здорово пожаренной картошкой и удивительным пирогом с капустой. Мне налили водки, и Принц тоже выпил со мной.

— Вкусно? — любопытствовал он у меня и внимательно смотрел на принцессу Елизавету. — Она всегда волшебным образом готовила. Сейчас, конечно, разучивается, но все равно вкусно же?

Я кивал ему и радостно ел, но сердце мое замирало и делало настороженные паузы в своем ритме. Наблюдая за Принцем Сашей и Принцессой Лизой, я не находил в них детей. Они сидели рядом и выглядели супругами.

После ужина Принц выставил на стол пепельницу и закурил. Принцесса, как я уже рассказывал вначале, взяла длинную сигарету и вышла из дома. Тогда-то я поинтересовался, давно ли он курит, и он ответил, что 20 лет, самому ему — 8, а Елизавета — его тайная жена.

— Кто вы? — спросил я.

— Трудно быть порядочным человеком, — веско изрек он и небрежно стряхнул пепел на пол, как обычно делает взрослый Макарыч. — Бывает, что стоишь на распутье перед выбором: либо согрешить и отречься от нажитого святого, либо остаться порядочным, но отречься от истинной любви. И хочется разорваться.

Я сидел смирно и снова прогонял в неумелом своем мозгу лукавые уравнения с возрастами и датами.

— Извини, — неожиданно перешел Принц на «ты». — Я возвращаюсь в детство, и мне все труднее выражаться ясно. Не мучайся

в математических расчетах. Спрашиваешь, кто мы? Очень просто: я — Сазонов Александр Макарьевич, она — Розанова Елизавета Антоновна. Однажды мы разорвались надвое. Те, что первые, законные, продолжили свои порядочные семейно-рабочие жизни, а другие, то есть мы, начали новую жизнь, вместе и по любви. Мы, вторые, зеркально отразились от первых, и зеркально отразилась наша и их биологическая природа, так что они продолжили взрослеть и стариться, а мы — молодеть, и вот, видишь, какие мы теперь, спустя шестнадцать лет. Спать еще не хочешь?

— Если бы и хотел...

— Тогда послушай. Елизавета! Иди к нам!

Ночь до утра они рассказывали мне о себе, а я, больше не пивший водку, хотел плакать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛЕШИЙ МИША

1

Александр Макарьевич Сазонов, оперуполномоченный уголовного розыска Берендейского ЛОВДТ в 1993 году, в начале октября, выехал старшим группы в рейд по выявлению фактов браконьерства на реке Золдога. В прямые его обязанности участие в рейдах не входило, но он вызвался сам — развезься. Уже впотьмах поймали браконьеров с электроудочкой в левой части реки. Пока двое из группы оформляли документы, Сазонов заметил в бинокль на противоположной стороне под высоким мысом лодчонку и человека в ней, поднимающего из воды сеть.

Сазонов один погнал на «Прогрессе-2» к той лодчонке, а человек в ней бросил сеть в воду и налег на весла. В запале Сазонов громыхнул из ракетницы не строго вверх, а едва ли не над головой беглеца. Тот в страхе кинул весла и упал на дно лодки.

Сколько возможно кратко, почти в стиле милицейского рапорта, так выглядит история встречи Александра Сазонова с лешим Мишей.

2

Леший, а выглядел он обычным человеком, только выше среднего баскетболиста и шире среднего штангиста, протерев глаза, ослепленные ракетой белого огня, подтянул рукой дюралевую лодку с Сазоновым.

— Клянусь, напугал ты меня! — шепнул он через борт Сазонову. — Смотри, твои к тебе на помощь спешат, и автомат у них наготове. Не доводи до греха! Убью и тебя и их. Отпусти меня. Не за себя, а за вас прошу.

Сазонов бы не поверил его настойчивому гуманизму, но великанский браконьер до того завораживающе улыбнулся медвежьими клыками, что Александр Макарьевич исполнился добротой и заботой к нему.

— Езжайте, мужчина, домой и больше не попадайтесь, — вымолвил Сазонов, холодея.

— Так-то, — тоже вежливо согласился «мужчина». — Спасибо! Я бы не просил, но мне скоро потребуется ехать в Москву, на войну, и вредно мне сейчас тратить на пустяки и переживать зря из-за вас. Русь спасать надо. А за подарком потом приезжай. Отблагодарю за понимание. Я тебя извещу, как вернусь из Москвы.

Человек слегонца толкнул лодку Сазонова, и она промчалась метров пятьдесят, немного не выйдя на глассер.

А в середине октября Сазонов сидел над пудовыми бумагами в своем прокуренном до рези в глазах и в горле кабинете, и ему на подоконник приоткрытого не по сезону окна шумно приземлился лесной ястреб. В лапах он принес загубленного городского голубя и прежде чем начать трапезу с напрягом отрыгнул стеклянный флакон из-под дореволюционного йода. Флакон вкатился в кабинет и упал с подоконника на пол, а ястреб, поклевав бездыханную грудь голубя, улетел, забрав в лапах начатый обед.

Онемевший Сазонов поднял флакон и достал из него записку, выведенную красивым интеллектуальным почерком. «Я вернулся, но не далее, как до завтра. Приезжай на мыс за подарком. Сегодня же! По реке уже холодно, так что добирайся поездом до Соново, а там иди на 345-й км. Я тебя встречу. С уважением леший Миша».

3

На 345-м километре Сазонова позвали из буреломных кустов и потом повезли на печи, как Емелю в сказке про щуку. То была могучая машина, сложенная из красного кирпича, и катившаяся на железнодорожных, но обрезиненных колесах. Вековые сосны выпрыгивали с корнями из земли, когда мимо них мчалась эта машина. За рулем, служившим когда-то колесом для прятки, сидел сам леший Миша.

— Своими руками собрал. Дорогу только не наездил еще, — ненавистно жевал он слова, как любой брюзгливый шофер. — Побили нас, хотя нас было много. Одних добровольцев-домовых съехалось в Москву двести тысяч, но чужеродная нечисть одолела.

— Вы защищали Верховный Совет? — спросил Сазонов у лешего так просто, как будто «какая была в Москве погода».

Леший доверительно оскалил один клык и процедил:

— Люди защищали его, а мы, русская нечисть, крошились за большее.

— С кем? — спросил Сазонов как во сне, где не удивляешься небывальщине.

— Как тебе объяснить, если ты никогда не видел своими глазами. Ну, например, смотрел «Кинг-Конга»? Вот вроде таких тварей в минувшие дни лазали и по Верховному Совету, и по сталинским высоткам, и по Кремлю. Короче, что скрывать, зажрали они нас, задавили. Теперь нам, кто остался цел, надо скрываться, уходить в подземелье, то есть в подпольшину. Трындец всему русскому, и хорошему и плохому.

Подкатали на каменной машине к заоблачному холму. Пошли вверх по дубовой лестнице. Леший сетовал:

— Я-то куда поперся? Мне-то бы свой миллионный век доживать и не горевать здесь, в костромском лесу. Не простит новая власть! Найдут и подчинят в лучшем случае. А могут превратить в смерч или в чуму какую ходячую и послать города истреблять.

4

Поднялись на холм, пришли в дом с тяжелой гробовой дверью. Леший налил в стеклянные 0,5 л пивные кружки золотую медовуху.

— Памятуя о недавнем вечере, когда ты меня не на шутку напугал ракетницей и я решил, что напал огнедышащий змей, спрашиваю тебя: чем тебя наградить?

Сазонов осторожно тронул губами медовуху и выразился дерзко:

— А ты много можешь?

Леший напряженно моргнул и выпил свою кружку одним глотком.

Сазонов подобрался и сощурил глаза.

— Я люблю, — четко, но дрогнув, сказал он.

— Рад за тебя, — улыбнулся леший и налил себе медовухи в жестяной банный ковшик 1 л. — Могу отдать тебе золотую корону суздальской княгини. Где-то в тайнике она у меня должна лежать. Подаришь.

— Мне сокровищ не надо. — Сазонов усиленно глотнул бражного напитка.

— Что же надо? — спросил леший, наливая второй ковшик.

— Хочу быть с ней.

— Хвалю, — оскалился леший, видимо, на миллионном веку отвыкший от душевных бесед.

— Помоги мне в этом.

Опустошенный ковш с грохотом полетел в стену.

— Ты, смертное тело, сваху, что ли, себе нашел?! — заорал опьяневший леший. — Ты что, немошный или ущербный, что у меня просишь помочь тебе справиться с бабой?! У меня, у лешего, который ломал шеи еще человекозаврам!

— Да. У тебя. Прошу.

— Обидел ты меня.

Леший сгреб в охапку Сазонова и поволок из дома. На краю мыса разговор был груб.

— Стыдно мне, что пригласил тебя и пил с тобой мед за одним столом. Пропадай! — пьяно рычал леший, готовясь сбросить Сазонова с утеса. — В последний раз говорю! Бери, что даю, и — с глаз моих долой!

— Да оставь себе! — не к месту спокойно вздохнул Сазонов, хотя леший уже держал его над пропастью за шкуру.

— Какой-то ты не простой, — отрезвляясь, произнес леший, — будто где-то болеешь. Или понял! Ты выкрасть ее хочешь?

— Боже упаси...

— Снасильничать? — понизил леший голос.

— Никогда.

— Да скажи же, что тебе надо, пока я тебя не скинул! Мне самому делается интересно.

— С ней хочу быть, но не на этом свете и не на том, а сам пока не знаю где.

— Пойдем обратно в дом! — шумно вздохнул леший и, прижав к себе, понес Сазонова на руках, словно тот был ребенком, который только учится держать голову.

5

Кряж взобрался на мыс, шквально дыша и качаясь пьянее пьяного. К тому же дышать было вдвое тяжелее оттого, что на шее у него появился еще один рот. Дозорный внизу, крепкий коротыш хазарского племени, сначала оказался удачлив и проколол Кряжу горло. При дыхании у Кряжа на шее брызгала и хлюпала страшная улыбка. Угломонить проворного дозорного удалось, лишь припечатав его в висок гирькой.

Кряж огляделся, готовя к взмаху кистень, но мыс был пуст, и только крест стоял на краю. Кряж намотал кожаную навязень кистеня на запястье, скинул с себя окислившуюся за два дня от крови кольчугу и, запинаясь за воздух шаткими ногами, побежал к кресту.

Крест был могуч и впятеро выше человеческого роста. Не хватило бы рук, чтобы обхватить его дубовое тело.

— Яа!.. — хотел Кряж позвать прибитого к кресту Ярия, но не дал нижний рот, который яростно фыркнул красными пузырями.

Ярий висел с раннего утра и уже не стонал и не качал головой.

Кряж обнял крест и уперся в землю ногами, но усилие его оказалось бессмысленным, как если бы он пытался сдвинуть земную ось.

Кряж славился на все княжество и за его границами своей мощью. Его и кони не выдерживали на себе, потому он объездил лося. В прошлую весну лось был зарублен, но перед этим затоптал десятка три пеших хазар и снес рогами восьмерых конников вместе с лошадьми. Сегодня же Кряж понял, что одной его силы и одного его — мало.

Того гляди на мыс могли подняться, и Кряж достал из-за пояса топор. Натужно ухнув, он рубанул раз по кресту и вслед за тем сразу бросил топор на землю, догадавшись, что будет тесать крест по шепке до вечера.

Он уже хотел сесть и, плача, ждать врагов, но взгляделся в подножие креста и заметил две в разные стороны трещины на земле. Да! Склон мыса был высушен ветром, и крест надсадил своей тягой самый край обрыва.

Кряж нащупал пеньковую веревку, свисающую с верха креста, при помощи которой утром крест вздымали и ставили. Кряж попытался, потянув веревку с собой и — дернул. Гул пробежал по кресту. С воплем Кряж дернул еще. Гул пробежал уже под ногами.

Кряж раскачивал рывками крест и, как рычагом, сокрушал край мыса. От подножия креста трещины уже разрослись и углубились, когда сзади слышались полные изумления вопли.

К радости Кряжа из земной глубины изшел утробный треск, и край мыса ухнул вниз. От грома дрогнули на небе облака. Крест тоже устремился вниз и сдернул за собой Кряжа, не отпустившего веревку.

Крест скользил по почти вертикальному обрыву, а Кряж, вспахивая ногами глину, тормозил его, чтоб тот не закувыркался и не задавил под собой пригвожденного Ярия. Сверху, жужжа, летели стрелы, и по

три-четыре уже торчали у Кряжа в плечах, а одна, скользя по его голове, отсекала ухо.

Кряж чувствовал, как рвутся его связки, слышал хруст своего позвоночника и, съехав до реки, едва осилил, чтобы взобраться на крест.

Река поворачивала, мыс медленно скрывался. Крест плыл, и Кряж едва переводя дух, замер, вслушиваясь в себя. Нутро медленно, но неотвратимо заполнялось пустой тьмой.

Кряж прополз по качающемуся на воде кресту к Ярию и, припав к его груди, услышал сердце. Он счастливо улыбнулся, зачерпнул рукой воды и влил в рот Ярию. Затем он веселыми ладонями пригреб к берегу, за веревку подтянул крест на землю и принялся вытаскивать своими кузнечными пальцами гвозди из ладоней и ступней Ярия.

Закончив с этим, он отнес Ярия в кусты и, улегшись близ его, навсегда выдохнул обоими ртами.

В потемках Ярий на коленях и на локтях дополз до реки, поддел руками воду, и она убежала через отверстия. Он напился с четверенек, несколько раз захлебнувшись волной, и сел думать.

Без подсказок и знаков от звезд он ясно понял, что перестал быть богом. Он вспрыгнул на ноги и закричал от боли и радости.

6

Леший внимательно наблюдал за Сазоновым, не только слушая, но и ловя жесты, взгляд и дыхание Александра.

— Бог знает! — скидывал Александр плечи. — Если б просто служебный роман, обычный, как у остальных, я бы плюнул и легко забыл. Зачем мне еще ляпаться было бы! Но странно и страшно то, что я за правду полюбил! Да!

— Да?

— Да.

Сазонов дрожал и не находил, куда спрятать руки.

— Опиши ее, — попросил леший.

— Трудно мне это! — Сазонов сторбился и впилился в пол. — Если б знать самому, что именно в ней бесспорно прекрасно для всех, как прекрасно и бесспорно для меня...

— Да говори проще. Я пойму.

— Проще? Она — человек. Тогда как быть ей ангелом! Я это увидел и знаю! Даже торчащие у нее уши — обезьяньи уши! — не ошибка ее биологии, а достоинство! Прелесть. Она заправит волосы за уши, засмеется ртом, который похож у нее на нектарный цветок, и не сойдешь, а рухнешь с ума!

— Ты и рухнул.

— Да, и никуда пока не приземлившись, лечу, набирая скорость, мимо ее и собственной жизни.

— Очень интересно, — с заметным презрением сказал леший. — Сам-то где, как, с кем живешь?

— А вот и послушай! — с лопнувшим в голосе нервом встрепенулся Сазонов. — Живу я хорошо! Жена, дите. Живу счастливо!

— Ну.

— ...Голубятню завел, хотя голубей на дух не переношу. Забираюсь в нее и смотрю фотографии...

— А на фотографиях твоя?..

— Не моя! Она тоже счастлива: у нее муж и ребенок.

— Роман какой-то литературный, а не жизнь, — махнул рукой леший.

— Говори что хочешь! — отмахнулся и Сазонов.

— Свое слово я еще не сказал. У меня есть одна думка, и надо ее проверить. Напомнил ты мне кое-кого. Возьму у тебя анализы, проверю. Быть может, ты внук его. Пра-пра-пра.

— Какие анализы?

— Не бойся. Будет больно, но до свадьбы доживет.

— До свадьбы?

— Если удостоверюсь, то свадьбе быть.

— На, пей, чтоб здоровья хватило.

Сазонов поднял стакан и в полное горло глотнул дегтя, настоянно-го на папоротниковом цвете.

Леший взял скривленного Александра за кисть и сжал, измельчая ее, как мнут пакетик бэпэшки перед его заваркой. Затем он принялся за всю руку Сазонова, выворачивая ее на манер сырой тряпки.

Сазонов бился и рвался, но его попытки освободиться были комариными.

Леший добрался до плеча Сазонова и двинулся руками обратно, что-то старательно выжимая, как из тюбика зубную пасту. Спустя полчаса забрызганный, заплеванный слезами Александра леший выдавил из его среднего пальца голубую, легкую, легче воздуха, каплю.

— Я не медик, — извинился леший, — а ты не в сказку попал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СВАДЬБА

1

Вроде бы после лешего и сдачи анализов чего еще бояться? Перед табличкой «Дознаватель. Розанова Елизавета Антоновна» у Сазонова не получалось остановить кружащуюся голову и замедлить пищеварение.

Он постучался, словно жулик, пришедший на допрос. Стук вышел мягкий, потому что Александр хорошо помнил вчерашнюю боль, хотя рука уже зажила.

Ее кабинет заменял ей зимний сад. Не цветов было много — было мало кабинета. В зелени едва угадывались железные линии сейфов. В сиянии цветов терялись тома кодексов.

Но цветы меркли и вяли в сравнении с ней.

— Я думаю: кто? Зачем стучишься? — подняла она глаза, которые от интереса скосились.

— Елизавета! — драматично сказал он и подбито упал к ней на соседний стул.

В дешевом кино любят, когда двое друг от друга в сантиметре и — молчат. Долго, невыносимо, хоть блюй. То в искусстве, а Сазонов в сиюминутной своей жизни сидел от Елизаветы на расстоянии вдоха, и его же собственное сердце било громче, чем он молчал.

Елизавета писала протокол и демонстративно не замечала устремленное в нее молчание. Неподвижные цветы не были так невозмутимы, как она.

— Едем сейчас вдвоем на Золдогу, на мыс? — прокрихтел Сазонов.

— Саш! — сказала она протоколу. — Я объясняла тебе, у нас ничего не будет. Ты взрослый, ты сильный, ты переживешь.

— Нет! — Сазонов встал. — Я не завлекаю тебя! Оттуда пришло сообщение. Нефтеналивная баржа наехала на рыбака. Всплыли желудок и легкие. Мы сегодня с тобой в следственно-оперативной группе. Значит, нам туда дорога.

— Так бы и сказал!

2

Добирались на лодке. Сазонов припас для Елизаветы зимний бушлат, и поэтому гнал лодку по ледяным волнам смело и тупо.

Вел он ее по лестнице на мыс, не оглядываясь на нее.

— Мне кажется, мы неправильно идем! — пожаловалась она, устав на трети пути.

— Только так! — лгал Сазонов, боясь оглянуться, чтобы не показать глаза.

Наверху он сел на корточки и взялся за голову.

— Что с тобой?!

— Голова! — бесчестно оправдался он, убиваемый страхами и стыдом. — Идем!

Он подвел ее к краю мыса. Она, волнуясь, всмотрелась вниз. Ее волновали и высота и работа. Требовалось найти части рыбака.

— Елизавета! — обратился Сазонов, знаменуя нечто решенное им, без нее. — Я решил ничего не объяснять тебе пока, потому что это непонятно и необъяснимо. Вообще ни капли не понятно!

Елизавета рассмотрела взмокший лоб и взгляд Сазонова.

— Что ты задумал, Саш? — строго спросила она. — Прекрати! Даже не думай! Сейчас потешишься, а потом?

— Глупая! — успокоил он, стуча зубами. — Ошибаешься! Неужели я могу причинить тебе зло?

После этих слов Сазонов толкнул ее с обрыва. Не посмотрев, что с Елизаветой стало, он на пять шагов разбежался и прыгнул вслед за ней.

Два поочередных крика повисли в воздухе дольше, чем предусмотрено скоростью и временем звука.

3

Леший Миша отследив в окно с чердака скоротечную драму, допил холодный чай и погасил зеркальный светильник.

Устройство это состояло из ста восьмидесяти семи складных, откидных и вертящихся зеркал, каждое размером от ладони до ногтя. По виду оно не напоминало никакое из известных творений человека и природы, и скорее походило на бредовый шедевр авангардного искусства. Включался и работал фонарь в трех режимах: от солнечного, лунного и звездного света. Каждый режим предусматривал по десятку функций, от проникающего иллюзиона до генерации зеркального вещества.

Сегодня леший тем и занимался, что настроил светильник на генерацию зеркального вещества. Мастерски отрегулировав все до единого зеркала, он связал пучком отражения светильник, небо и водную гладь под мысом. На момент, когда два человеческих тела ударились о воду, леший повернул янтарный флажок, вызвав тот эффект, который известен по сказке «Королевство кривых зеркал», где Оля «вживую» встретила с Яло. Только здесь не Александр с Елизаветой попали в чужой мир к двойникам, а двойники выпали в реальность.

4

Лучше б, наверное, леший не уходил, но он ушел, оставив их одних. Четверых.

— Пойдем, покурим! — вспомнил Александр первый, что курит.

Александр второй согласился не задумываясь, и они спешно вышли. У того и другого дрожали голоса и глаза, а обе Елизаветы стеснялись каждая себя до онемения, за два часа не сказав друг другу еще ни слова.

На крыльце Александр первый дал прикурить Александру второму.

— Видишь, как получается?

— Что ты мне объясняешь! Дурак ты, что ли? — вдруг сорвался Александр второй. — Как будто, я — не ты!

— Да... — виновато согласился первый и бросил начатую сигарету, чтобы закурить следующую. — В башке не укладывается.

Они курили дольше, чем было бы этично, и косились на дверь, за которой находились Елизаветы.

— Ты сможешь остаться? — спросил Александр первый.

— Кто «ты»? — вновь огрызнулся Александр второй.

— Что ты злишься?

— Кто «ты»?!

— А кто же? Как же разговаривать?

— Прости.

— Кого?

Они нервно улыгнулись и окинули друг друга шальными взглядами.

Вернулись в дом они, подозрительно приглядывая друг за другом. Уселись по углам и одновременно тронули карманы с сигаретами, видимо, чуть было не сорвавшись опять уйти на крыльцо.

Елизаветы, уже заплаканные, также молчали и прятали глаза.

Леший перед своим уходом накрыл невиданный стол. Лучшие имена мяса, рыбы и птицы. Благородные титулы, статусы и рецепты закусочек. Иноземного происхождения коньяк и вино.

— Молодец леший! — на правах равноценного не к месту жизне-
радостно высказался Александр второй. — Хорошо постарался!

Его слова тут же были поглощены тяжким молчанием остальной компании.

Легко на помине, в дом вошел леший Миша.

— Точно! — возмутился он. — Думаю, прежде чем уйду насовсем, дай проверю, что у них. И точно! Как дети!

Леший хватая каждого за руки, усадил их, четверых, за стол.

— Вы что, на утреннике? Нянькаться мне с вами?

Гости покорно ерзали на стульях, кисло радуясь лешему. Иначе друг друга им было бы не вынести, а у Александра первого уже возникла мысль вывести второго снова курить и покончить с ним. Разумеется, Александр второй думал похоже, однако в отличие от «оригинала» хотел пойти под нож сам. Но оба боялись думать о том, как потом быть Елизавете второй.

— Что, молодые люди, пригорюнились?! — резко взъелся леший на Александров первого и второго. — Какого лешего вам еще надо? Я ухожу отсюда, оставляя дом и секреты! Вот и стол накрыл! Живей-живей! Ну! Знакомьтесь!

Громко топая, леший пошел из дома прочь долой.

— Хорошо с вами! — с ехидцей бросил он. — Но мне пора! Уже серьезно и надолго. Благословляю вас!

— А! Вот еще! — остановился леший на пороге. — Не вздумайте рожать детей. Не потому, что будете молодеть быстрее, чем ребенок — взрослеть. Нет, произойдет не это. Просто если родите, то не успеете даже подержать ребенка в руках, потому что он будет зеркальным человеком. Вы только обрежете пуповину, он отразится хотя бы в капле воды или крови, и его заберет время в год вашего рождения. Вырастет невинное дитя сиротой.

Леший ушел, а собравшиеся переглянулись и заметили, что рассажены согласно свадебной иерархии. Александр второй и Елизавета вторая оказались во главе стола, вместе. А тот и другая первые сидели врозь, как полагается гостям.

Александр первый, пыхтя, взялся разливать первый тост, украдкой глядя на Елизавет.

— Тебя просили об «этом»? — тише льющегося в бокалы вина спросила Елизавета первая; она владела собой и унижаться до истерики не помышляла.

— Не говори под руку! — отрезал Александр первый, тоже овладевая собой.

Александр второй и Елизавета вторая смотрели в стороны, продолжая нервничать и страшиться.

— Так! — Александр первый встал, звонко зацепив своим бокалом за блюдо. — Счастья вам!

Преодолев оцепенение вторые тоже взяли за бокалы.

— И вам... — подбитым голосом произнесла наконец Елизавета вторая, — ...вашим семьям...

Стремительные слезы сорвались с ее лица.

Елизавета первая лишь потемнела. Глаза ее были сухими. Она держалась замечательно.

— Лиза! — сказала она потрескивающим, как спросонья, голосом. — С нами поступили варварски...

— Похищение невесты, — преждевременно начал умничать Александр первый.

— Я говорю! — жестоко выпалила в него Елизавета вторая. — Лиза! Я обещаю, все будет хорошо. Анечку я воспитаю...

Здесь и она пролила из глаз в бокал слезы.

— Саш! — произнес Александр второй. — Обещай и ты...

— Да что вы! Хватит! — Александр первый громко поставил пустой бокал. — Как на поминках! Конечно, все будет хорошо! Вам ли, — он указал ладонью на вторых, — за нас беспокоиться? Вам ли? За нас!

— Он прав, — недружелюбно, но мужественно произнесла Елизавета первая.

— Да? — зло и с вызовом сказала Елизавета вторая, так что первая растерялась.

— Вот только без ревности! — провозгласил Александр первый, в упор глядя на Елизавету вторую. — Вы же... Теперь я буду уверенно говорить «вы». Вы же друг друга любите.

— Я тебя люблю! — решительно шепнул ей Александр второй.

— Думаешь, привыкнем? — неожиданно сменила она гнев на милость.

Александр первый поспешил разлить по второму бокалу.

— Горько! — улыбнулся он одними глазами и, видя, что всерьез не воспринят, добавил: — Для нас. Мы сейчас уедем.

Следующая минута тянулась, стопорилась, вязла. Александр второй и Елизавета вторая смотрели, замерев, застыв, окаменев.

Пережив в себе что-то за истекшую минуту, они, будто неумелые, повернулись друг к другу, встали... Поцелуй настал... Невозможный, но реальный. Грешный, но вне греха.

Вчетвером, попарно, спустились с мыса по лестнице, обошли его тропами туда, где была привязана лодка.

Забавно и поразительно! Вторые шли за руку, а первые... Он не всякий раз решался помочь ей перебраться через лужи и поваленные деревья, а она не всякий раз соглашалась на помощь.

На берегу у лодки разделились — «мальчик» с «мальчиком», «девочка» с «девочкой».

— Береги ее, — сказал один другому.

— Береги семью, — был ответ.

— Люби его, — сказала одна другой.

— Обними от меня мужа и дочь, — прозвучало ответом.

Лодка отошла от берега, и с нее донеслось:

— Будьте счастливы!

С берега в один голос крикнули в ответ:

— Счастья вам!

Александр второй посмотрел на свою Елизавету. На ветру, дувшем с реки, она замерзла, уголки ее губ посинели.

— Поцелуй меня, — сказал он, глядя на ее губы.

Она прищурилась и отрицательно повертела головой.

— Мне предстоит тебя добиваться? — спросил он.

— Да, — сказала она холодно, но сказанным «да» обожгла его.

Они поднялись в дом.

— Я устала, хочу спать. — Елизавета подошла к кровати, единственной в доме.

— Я тоже, — признался Александр и малодушно спросил: — Мне где?

— Где-нибудь.

Он ушел за печь, оставив ее в сумраке. Она легла не раздеваясь, а он задвинул звучный засов.

Услышав, она замерла.

Он вышел из-за печи.

— Наши, интересно, добрались? — заискивающе спросил он.

Она молчала, спрятав лицо в локти.

Он сел на кровать и лег щекой на ее бедро, одетое в джинсы.

Она подняла голову, сделала это резко, но, подумав, сказала без упрека:

— Подожди, а?

Он подгрел ее руками под ноги и привлек к себе, вздохнув с истомой.

— Мы с тобой! — шепнул он. — Навсегда.

— Ты страшно сделал, — шепнула она.

— Да, страшно, — сознался Александр.

Елизавета смотрела ясными глазами в окно, за которым плыли отдаленно от неба тяжеловесные осенние облака.

— Невозможно поверить, — почти снова плача, выговорила она. — Даже во снах такое не снится.

Ее рука легла ему на голову. Он взял ее руку и поцеловал, долго и счастливо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОДНИ

1

В предутренней мгле Александр проснулся, встал и вышел из дома, взяв с вешалки один из двух рыбацких плащей и обув ноги в берцы.

Плащ оказался настолько велик, что полами тянулся позади на целый метр.

Рассвет еще только сочился над горизонтом через тонкую красную рану. Медленный ветер тащил тяжелые облака над стоящей рекой и бездыханно спящим лесом.

Александр вспоминал ночь, и ночные неправдоподобные воспоминания не приживались в свежей голове. А сердце верило и пело, но будто не одно, а настоящий оркестр сердец бил внутри.

Вспоминал, как взял в ладони ее ступни и лицом прильнул к ним, а затем целовал ювелирные ее пальчики. Вспоминал, как избавил ее от одежды и прижал ее голую к голому себе.

Вспоминал и, вспоминая, нащупал в левом кармане плаща зерна. Достал горстку, и ему показалось, что зерна горят, как светлячки. Не всматриваясь более и не вдумываясь, он снова устремил взгляд в рассвет и памятью вернулся в ночь, пересыпая горстку из ладони в ладонь.

Порез над горизонтом расширялся, и уже не кровь, а золото изливалось из него. Александр ссыпал горстку в правый карман, повернулся идти в дом, но с плащом случилась странность — он ожил. Полы, волочившиеся до этого по земле, зябко встрепенулись, как у птицы крылья, когда она, птица, проснулась и стряхивает с перьев дремоту.

Широкий пояс сам захлестнулся на животе, дюжина ремешков стянули плащ до горла и — полы широко взмахнули, отняв Александра от земли.

На брезентовых крыльях, по три метра каждое, Александр взмыл над мысом, рекой, лесом и рассветом. С первых секунд полета он легко научился управлять им. Если Александр выставлял руки в рукавах вперед, то крылья взмахивали интенсивно и даже бешено. Чем больше в стороны разводил он руки, тем спокойней крылья совершали свои могучие махи. При раскинутых же строго в стороны руках крылья замирали и происходило парение.

Александр беспокоил тихое небо, пока оно совсем не просветлело. Человеческие страхи и восторги выхватило из груди ветром и унесло. На смену им грудь наполнило чистое, осязаемое счастье.

Приземлившись и шествуя к дому, Александр сунул руку в правый карман и обнаружил, что зерен заметно убавилось.

2

Елизавета сидела на кровати растерянная. Вспоминала и не верила. В утреннем свете она выглядела бледно и словно похудела.

Александр, шумя, вошел в дом и сразу проверил второй плащ. Замечательно! Левый его карман тоже был полон светящихся зерен.

Он ввергся в комнату, и Елизавета вздрогнула. Александр был главной правдой происходящего.

— Вставай! — сияя, приказал он.

От него пахло утром, холодом и ветром.

— Может быть, достаточно? — спросила Елизавета.

— Что ты предлагаешь? — громко переспросил он, без усталости улыбаясь.

— Да хоть умереть обоим, — устало сказала она. — Ты получил, о чем мечтал.

— Замолчи! — крикнул он не зло. — Одевайся! — и стал бросать в нее ее одежду.

Он вытолкал Елизавету из дома, горланя и смеясь, а она злилась, но до сопротивления разозлиться не могла.

— Главное — не пугайся! — объяснял он, накидывая на нее плащ.

— Что ты еще замыслил? — без доверия ворчала она, отодвигаясь от него.

Спустя минуту небо разрывали ее визг и его хохот. Над мысом кружили два сирина, и от них шарахались чайки, матерясь на уголовном вороньем жаргоне.

Вернулись в дом охрипшие, голодные. Александр схватился за бутылку вина.

— Как алкоголики? — смеялась Елизавета. — С самого утра за вино?

— Как молодожены!

Объедаясь со стола холодными изысками, Елизавета, худенькая, но проворная в еде, весело спросила:

— А что мы потом есть будем?

Александр не успел что-нибудь ответить, как на отливе за окном вскочила дымчатая белка, проскребя лапками по ржавой жести.

Елизавета очарованно оскалилась, приподняв руки с наостренных ноготками — сама как белка.

Зверек же соскользнул с отлива, взбрыкнув задними лапами и хвостом. Елизавета кинулась к окну и ахнула во весь голос. Александр подошел тоже и тоже не удержался от возгласа:

— Ого!

Штук триста белок скакало к крыльцу дома, каждая что-то держа в зубах. Достигнув крыльца, они оставляли приношения на ступеньках и, задирая роскошные хвосты, неслись назад.

По окончании беличьего нашествия Александр и Елизавета вышли на улицу. Крыльцо потерялось под грибами и орехами.

— Мм! Как пахнет! — подняла Елизавета один грибок. — Белый! Уже сушеный.

— Вон и свежие осенние опята, — присел на корточки Александр.

— Волк! — крикнула Елизавета и бросилась в дверь, схватив Александра за рукав и с силой зверюги утащив за собой.

Стоя у прежнего окна, они, не дыша, смотрели на то, как волк, действительно волк, трусцой и деловито подбежал к крыльцу и бросил принесенную в пасти кабанью ногу. Он брезгливо понюхал наваленные грибы и задерживаться не стал. Убегал обратно он, делая большой крюк, ибо ему следовало миновать бредущего в развалку медведя, угрюмого и мокрого. В зубах медведь волочил серьезного судака, хвост которого, еще нервный, бился по земле.

Последним из зверей, ближе к полудню, явился бобр. Он нехотя и предварительно подумав, оставил полуобглоданный осиновый сук.

Глядя вслед бобру, который раскачивал справным задом, тем самым напоминая многих женщин, влезающих в автобус, Александр предположил:

— Наверное, звери по-привычке принесли дары на обед лешему.

— Где же мы будем все это хранить? — озадачилась Елизавета. — И вообще не растолстеем от столького, как бобр?

— Ну вот! Недавно боялась, что нечего будет есть! — усмехнулся Александр. — Где хранить, найдем. Миша говорил, что здесь есть холодный погреб.

3

Погреб находился за домом и в виде отдельного каменного сооружения смотрелся мило и заманчиво. Его архитектура была полукруглая и низкая, чуть выше наполеоновского роста. Александр открыл дверь, обитую железными пластинами, и двинулся вниз по ровным каменным ступеням, с каждым шагом замерзая и теряя свет.

Пройдя ступеней двадцать и нащупав впереди себя железный конец пути, он зажег спичку. От огонька появилась новая дверь, идентичная верхней, и слева от нее... электрический щиток с притягательным тумблером! Александр, секунду поборовшись с безверием, приоткрыл

дверь и включил щит, вслед за чем в глаза ударил щедрый желтый свет.

Дальше — больше! Зрение Александра настроилось на дальноразрешение.

— Леший пошутил про погреб? — сам себе сказал Александр.

На трехуровневых стеллажах громоздились несметные брутто и нетто продуктов. Не мечтавший стать пьяницей, Александр тем не менее невольно оторопел перед прилавками со спиртосодержащей продукцией. Одних лишь видов вин было около полусотни. Чилийские, итальянские, французские, аргентинские... и каждый вид был представлен пятью — десятью бутылками.

Ликеры, водка, текила, коньяки, шампанское, даже стояла батарея бутылей деревенского самогона. Диковинный для Александра абсент наличествовал в трех вариантах, в том числе черный, а также стояли несколько подарочных упаковок с ситечками и стаканами, с которых созерцал мир лейбловый Ван Гог.

— Етишкин дух! — старомодно выговорил Александр.

Из любопытства и от холода он взял увесистую деревянную шка-тулку (одну из нескольких ей подобных), открыл и на секунду зажму-рился, ослепленный красотой. В алом бархате лежала хрустальная бутылка, исполненная с изяществом, совсем не характерным для по-нятия «стеклотара». В шкатулке же очень кстати находился никели-рованный штопор.

Подкрепившись глотком коллекционного французского коньяка, Александр отправился дальше.

А дальше его внимание привлек другой пагубный отдел. На про-тяжении пяти метров экскурсионного маршрута были представлены иноземные табачные изделия. Устав глазами от пестрых блоков сигарет, Александр задержался возле ящичков с сигарами, упаковок табака для курительных трубок и кальяновых смесей.

— Ай да леший! — смеялся себе Александр, разглядывая новые для него излишества.

Были там и футляры с самими курительными трубками. Стоял, развесив марсианские шланги, серебряный кальян.

Александр решил выбрать на пробу что поскромнее и выудил длин-ную, как указка, сигариллу. Прикурил он ее, испытав голландские спички из миниатюрного коробка. Спички показали себя сухими и жизнеспособными.

С ванильной сигариллой в одной руке и хрустальным флаконом — в другой Александр, тонкий ценитель сигарет «Столичные» и пива «Жигулевское», продолжил экскурсию, и гулял он, пока неизвестность большинства упаковок и банок не утомила его и пока сигарилла не встала в горле колом. Особое его недоумение вызвали маринованные мидии и осьминоги. Заключив, что ими леший кормил цапель, Алек-сандр тщательно затоптал на деревянном полу гигантский окурочок и, взяв коробку человеческих конфет «Ассорти», пошел к выходу.

Пойти — пошел, но нужно было еще вспомнить, откуда началась экскурсия. За стеллажом с икрой, который Александр про себя назвал «полуостров Сахалин», дверь нашлась, но не та. За ней открылся освещенный коридор с еще одной дверью в конце его. Александр прошел, заглянул и за нее: темная витая лестница уходила вниз. Насколько

продолжительной она была, Александр понял, ступив на нее и услышав из-под ноги глубокий железный гул.

Несмотря на то что коньяк вселил мушкетерскую бодрость, спешить сломя голову, прямо вот так срочно и сейчас, Александру вниз не захотелось.

— Потом с фонариком схожу, — извинился он перед собой, пугаясь собственного голоса.

4

Елизавета ждала у двери.

— Наконец-то! — вздохнула она и подалась вперед, едва не обняв Александра. — Не уходи так надолго! Мне страшно одной.

Он протянул ей коробку конфет, но обнять тоже не осмелился. Несмотря на прошедшую ночь, они продолжали таиться и стесняться.

— Какой-то ты задумчивый пришел, — сказала она, удивленно вертя подарок.

— Погребок не совсем обычный, — сказал он. — Мне кажется, что весь мыс под нами — это все погребок.

— А что там? — испуганно спросила Елизавета.

— Страшного-то я не увидел ничего, но уж слишком он большой. Завтра нужно будет хорошо изведать его.

— Возьмешь меня с собой!

Ветер упруго давил на окна, а потом хлынул темный дождь. Елизавета пила с конфетами чай. Александр курил «Столичные», стряхивая пепел в фарфоровую молочницу.

— Пойду натоплю баню! — категорично сказал Александр, поняв, что она и он сам улетели мыслями в родные дома.

— Я с тобой! — со звоном отодвинула недопитую чашку Елизавета.

Оба трудились с охотой. Она чисто-начисто мыла, он топил печь. Однако париться потом пошли отдельно. Она первая.

Глядя из предбанника в дрожащее от дождя окно, Александр слушал не погоду, а свое сердце, которое пульсировало с наслаждением, похожим на длящийся оргазм. В бане, за дверью, ее голому тельцу хорошо. Она греется, гладит себя по грудям, любит себя собой. Она рядом!

— А дома все в порядке, — шептал он, — там лад и любовь. Там я. За себя я не беспокоюсь. И у нее все хорошо дома. Там она. И нет греха.

Елизавета вышла, обвязанная желтым махровым полотенцем, ступая румяными ногами. Ее короткая прическа, сделавшись мокрой, стала красивой и милой до слез! Александр, сам того за собой не замечая, встал, любуясь ей и волнительно держась рукой за грудь.

— Пить хочу! — душно вздохнула она.

— Я и не подумал, взять чего-нибудь, — признался Александр в мешательстве.

— А в том бочонке что? — жадно спросила Елизавета, глядя в угол предбанника.

Александр заглянул под круглую деревянную крышку низкого бочонка.

— Пахнет здорово! — сказал он. — Квас!

Александр взял со стола изогнутый в виде ладьи деревянный ковш и зачерпнул из бочонка. Пригубив для пробы сам, он протянул питье Елизавете.

— Ух ты! — сказала она, отняв ковш от губ. — Он еще и хмельной! Сильнее вина!

Чистые и усталые без разговоров легли в постель. Елизавета, слов не говоря, забралась грудью на грудь Александру, лицом нырнула ему под мышку и сразу уснула.

Он лежал не шевелясь, только положил на ее узкую спину руку. Новое, который раз за день, счастье заполнило его. Он вдумался и открыл, что счастье — это не постоянная материя, не определенное неизменное ощущение. Счастье имеет разные формы и консистенции. Утром, в небе вместе с Елизаветой, оно было одно, буйное, вселенское, а сейчас — тихое, нежное, однако не менее сильное, чем в полете.

Так они уснули. В крепком доме. На мысе. Над рекой и лесом. В сказке... Сказочные.

Александр спал крепко и сладко, но не в забытьи. Он постоянно и сознательно ощущал горячее тело Елизаветы. Что более желанное могло показать сновидение?

5

Александр не сомневался, что найдет фонарик в доме лешего. И нашел. Мощный, в металлическом корпусе. Еще Александр взял большой кухонный нож, и пошли изучать «погреб».

Конечно, Елизавета сверх меры удивилась продуктовому складу. Хотя они отлично позавтракали, она захватила в путешествие шоколадку «Аленка» и незамедлительно принялась шелестеть ею и сочно грызть.

Винтовая лестница имела протяженность, если мерить привычно, приблизительно десять этажей современного дома. Идя по ней, Александр постукивал кулаком в каменную стену и потом определил:

— За ней большое помещение.

Елизавета, боясь и отказавшись от шоколадки, по пути молчала.

После лестницы несколько дверей и коридоров сменяли друг друга, путая и дезориентируя путников, пока не открылся просторный вестибюль. Фонариком Александр нашел на стене щит, оснащенный сразу рядом тумблеров. Не сомневаясь в исправности щита, Александр включил его полностью. Кроме вспыхнувшего света где-то над головой заработал двигатель.

— Вентиляция! — изумился Александр.

Освещенный вестибюль являл собой помещение, прекрасно отделанное деревянной рейкой. В нем имелись три двери, двухметровые, резные, с медными ручками, выполненными в виде человеческих рук, сжавших кулаки.

— Куда сначала? — озадаченно произнес Александр и наугад открыл дверь слева. — Офигеть — не встать! Да это музейное хранилище!

Грубые шкафы с полками до потолка и столы ломились от оружия. Войдя, Александр схватил ближайший к нему палаш с посеребренной рукоятью. Елизавета протиснулась мимо него и тоже принялась брать и рассматривать сияющие лунные кинжалы, стилеты, мечи. Она водрузила на голову воинскую шапку-мисюрку, на плечи надела зеркало, грудь и спина которого были закрыты дисками, украшенными солнеч-

ной суполонью и золотой насечкой по краям. Взяла она в руку инкрустированный янтарем буздыхан и спросила:

— Боишься меня?

Александр стеснительно улыбнулся и позвал:

— Пойдем в правую дверь.

Нож он выложил, а прихватил чекан, оснащенный хищным стальным клювом.

За правой дверью оказалась комната, напоминающая школьную лаборантскую при кабинете физики. Всюду полки, частые, как ребра динозавра, везде книги. Казалось, самому воздуху было тесно от книг. Остальное пространство теснили шкафы, в которых громоздились мудреные приборы из стекла и стали, проводов и кабелей, емкостей и шлангов. Посередине простирался стол, размером с теннисный, и он тоже был завален приборами и книгами, а также исписанными школьными тетрадями в клетку.

Александр взял одну. В ней опрометью бежали формулы, построенные из рун и цифр, а какие-то страницы были заполнены чудными иероглифами, сложенными в немыслимые пасьянсы.

— Я плохо физику учил, — сказал он, закрывая тетрадь и присматриваясь к углу, где висела черная ширма.

За ней стоял старый трехстворчатый трельяж. Обшарпанный, зеркала в нем потускнели, оборудован он был уймой ящичков, что свидетельствовало о его первородном грехе служить женским интересам. На столешнице торжественно размещалась пишущая машинка, электрическая, советского крупногабаритного производства. Трельяж опутывали разноцветные хлорвиниловые провода.

Александр выдвинул один из ящичков и обнаружил, что изнутри он обшит электросхемами. Выдвинул следующий — то же самое. Заглянул за зеркала, куда тянулось больше всего проводов, и высказался:

— Как в телевизоре! Трансформаторы, конденсаторы, лампы! Ладно, пусть. Потом здесь надо будет покопаться. Пойдем в третью дверь.

6

— О таком я не читал даже в фантастике! — громче крика шепнула Александра. — Рай подземный!

Елизавета повторила за ним:

— Подземный рай!..

Маленькая, не страшная ящерица, прострекотав стрекозыми крыльями, села ей на плечо, а над головой ее весело спикировала, маша большими белыми лапами, стайка черных кротов.

— Они что здесь, вместо воробьев? — хихикнула Елизавета.

— А черт их знает! — ругнулся Александр, напуганный толстой жабой, которая тоже летала на кожных перепонках и которая, обладая плохой маневренностью, чуть не врезалась ему в лицо.

У самого входа, ступая лягушечьими лапами, к Александру и Елизавете степенно подошел сом. Изображая на морде интеллект, он поводил в их сторону усами, потом апатично зевнул кошмарным ртом, развернулся и убегал.

— Наверное, он здесь за сторожевого пса, — сказал, сухо сглатывая и забыв про чекан в руке, Александр, — по всему видно, что животное благородное, зря усом не поведет.

Раскрывшийся за третьей дверью подземный храм размерами соответствовал всему мысу. Взор терялся в громадном пространстве.

Деревья и кусты произрастали как по земле, так и по стенам, и по потолочному своду. Шишки на елях и соснах висели каменные, что Александр понял по нескольким из них, лежащим на мраморной дорожке под ногами, и особенно по одной, с клокотом упавшей в метре от него и Елизаветы. Александр задрал голову и увидел «свою» жабу, которая, как могла, мягко села на ветку ели, загремяв всеми шишками на ней.

— Брюхо себе не уколи! — по-свойски, крикнул ей Александр, установив взаимосвязь между шишкой упавшей и шишками гремящими.

Орехи на орешнике зрели железные. Из-под ног они катились, звеня, как бубенцы.

— «...а орешки не простые...» — показала эрудицию Елизавета. — Наверное, если поискать... Ой!

Из-за кроны разлапистой сосны вылетела ослепительная шаровая молния. Не успели Александр и Елизавета испугаться, как стала ясна ее безобидность. За ней, бедной, гнались кроты, и она скрывалась от них. В отличие от известных остальных шаровых молний здешняя избегала контакта с кем бы и с чем бы то ни было. Один из ряда вон игривый крот с особенной страстью стремился настигнуть молнию, заметно опережая других своих собратьев и даже скалясь.

Видимо, шаровая молния в подземном царстве выполняла роль местного солнца. Пока за ней гонялись взбесившиеся кроты, по зарослям царства металась тревожные колдовские тени.

Пройдя шагов сто, Александр и Елизавета миновали дебри с мятушимися в них тенями и выбрались на поляну, поросшую мягким, почти по колено мхом. В центре поляны стоял семиметровый крест. От низа до верха он был в дуплах, а на горизонтальной его перекладине сидели сонные краснокрылые окуни. Завидев чужеродных пришельцев, они захлопали плавниками-крыльями, заерзали, запрыгали и один скорее другого уснули. Очевидно, сильные с непривычки эмоции утомили их.

— Интересно, кто живет в дуплах? — опрометчиво спросила Елизавета.

— Сейчас узнаем! — с готовностью пообещал Александр, подступил к кресту и обухом чекана постучал по дереву.

Жужжа, как вентиляторы, вылетели четыре тяжелых комара. Александр попятился, замахнулся чеканом, но комары уселись на крест и, плевав на героического человека, принялись долбить носами дерево.

— Дятлы долбаные! — выругался Александр, чувствуя на спине ведро холодного пота.

Уходя из подземного царства, Александр и Елизавета стали свидетелями драмы об Икаре. Азартный крот все же догнал молнию.

7

На свет из погребя они вышли, жмурясь, будто после кинотеатра. Александр нес плетеную грибную корзину, полную закусочного и винного звона.

На стол готовили вместе и молча, не обсуждая прожитый вдвоем третий день. Сели, уже когда осенняя ночь близко подступила к окнам.

— Ты еще ни разу не говорила мне обо мне, — тихо сказал Александр, настойчиво всматриваясь в Елизавету.

— И не сказала бы никогда, — ответила она, глядя отзвучиво и без враждебности.

— Ты всегда очень жестоко обходилась со мной. Показательно игнорировала.

— А чего ты хотел? Ты меня добивался, и я тебя добивала.

— Я тебя не упрекаю. Я понимал. Понимал. И видел, что добиваешь ты меня не со зла. Да? Ну скажи же!

— Как мне было тебя не добивать?

— Ты относилась ко мне хуже, чем к врагу, и была открытой врагиней.

— Если б я тебя хоть на каплю обнадежила, ты разрушил бы и себя, и меня, и наши семьи.

— А так ты понимала, что добивала меня? И может быть, добила бы?

— Не тебя, Саш. Вернее, не столько тебя...

— А кого? Или что? Любовь? Ну скажи же наконец!

— Ты знаешь, — Елизавета на минуту замолчала. — Я тебя полюбила. — Она снова смолкла. — Эту любовь нужно было убить. Ты бы не смог, и убивала ее я.

— И смогла бы до конца?

— Не знаю, только твое сердце не пожалела бы точно.

— А когда ты меня полюбила? — говорил Александр полупшепотом, боясь, что ночь за окном подслушает.

— Может быть, раньше, чем ты меня.

— Да? — Александр похолодел и, чтоб согреться, схватился за кофляк.

— Причем, мне самой кажется, полюбила я тебя грубее, чем ты, даривший мне слова и цветы. Я сразу захотела, чтобы ты взял меня своими руками.

— А все-таки у меня был какой-нибудь шанс и способ?

— Нет. Если бы не эта сказка, то нет.

— Можешь не верить, хотя в последние дни чему только не поверишь... Короче, лучший рассказал правду о нас. Послушай. Это интересно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В 988 году

1

Кряж и Ярий шли в дозоре вдоль Золдоги. Кряж часто оглядывался на мыс и ворчал:

— Хвора, дочка Мары, собачьего кобеля, живет там, на Лысом мысе. Черноблядь, как говорит наш волхв Скалин. Одинаково, что и мамаша, любит Хвора красть псов. Колдует над ними, и они начинают ходить

на двух лапах. Я встречал раз в лесу такого ее жениха. Даже узнал его. Тот пес, который пропал со двора Воеводина зятя. Страшный. Я испугался его больше, чем если б встретился со стаей волков. Идет горбатый, к передним лапам привязаны острые косы, и на длинной морде шерсть, черная с рыжим.

Ярий с опаской поглядывал на Кряжа. Его послушаешь, все у него то в шерсти, то на задних лапах.

— А Хвору ты видел? — спросил Ярий.

— Я не видел, но все знают, что это она в прошлую весну дала с Лысого мыса знак хазарам, когда взвод наш охранял княжеское вече. Кто-то мне говорил, что слышал внутри мыса шум. Будто Хвора строит себе под землей капище.

— А я слышал, — Ярий бросил внимательный взгляд на Кряжа, — что ночами, в луну, на мыс ходит Тумана. Я видел сам, когда рыбачил.

Кряж набычил лоб и опровергнул Ярия знанием колдовского дела:

— Как Тумана будет ходить на мыс, если Хвора посадила там железные семена, и из них выросли острые, как ножи, травы? Тумана же все ноги изрежет!

Ярий пожал плечами и про Туману замолчал. Ходила она на мыс с толком или только зря резалась о ножевую траву, об этом спорить с Кряжем было хлопотно.

Но Ярий, не таясь, хотел отвлечь Кряжа от Туманы. Ясна, как пень, была участь Кряжа, бобыля тридцати лет отроду, который вместо того чтобы давно завести русских жену и детей, горячечно томился то по норманнской княжне, то по ханской дочке и вот теперь — по Тумане.

— Она красивей не то чтобы всех других дев, а красивей всего мира! — продолжил топорно спорить Кряж.

— Красивая-то красивая, — кивал Ярий, — но красота ее неживая, не человеческая.

Кряж на слова Ярия размотал свой любимый кистень и стал крутить им, как ребенок.

— Волхв Скалин подзывал меня, — грустно крутя кистенем, вздохнул Кряж, — и поведал... Туману, маленькую, привез Валунец из Месопотамии, куда он ходил набираться жреческих наук. Тумана — дочь его от левитки. Поэтому она такая черно-белая.

Ярий явственно вспомнил черные с синим огнем глаза Туманы, ее лицо, которое было белей луны, и волосы, черные, как тоска.

— Что еще поведал тебе Скалин?

— Тумана дитем была злая...

— Любимая забава — кусать других деток, — поспешил Ярий показать то, что про детство Туманы знает. — И кусала жадно. Впивалась и держала зубами, а потом, сколько успеет, облизывала.

— Это уже бабкины байки! — Кряж небрежно махнул кистенем по осоке.

— И все? Больше Скалин ничего не говорил?

— Говорил. Но он же старый. Мелет, сам не знает что. Говорил, что бог Род проклял ее. Пришел к ней в человеческом обличи, но без костей и мяса, а сплетенный из кровеносных жил, больших и малых. Отдельно в каждой его жиле текла кровь одного какого-то человеческого рода, и все крови сливались в нем едино. Он обвинил Туману, что она предала род, на земле которого живет и кровь которого течет в ней.

— Что за история? Я не знаю.

— Скалин говорит, но это, я думаю, ему приснилось, что в ту весну с Лысого мыса знак костром подала не Хвора, а как раз Тумана.

— Екарный бабай! — удивился Ярий. — Ты меня совсем запутал, Кряж! Кто кому какой подал знак, не пойму теперь! Ну и что дальше?

— Род, когда явился Тумане, нащупал у себя под ребром одну жилу, выдернул ее из своего плетеного тела и бросил на землю. «Отныне, — говорит, — ты исторгнута из русского рода и плода от него не зачнешь!» Тумана рассмеялась и плюнула в Рода, а жила, брошенная на землю, превратилась в змею.

— И зачем тебе Скалин это рассказал?

— Два повода. Первый — оттого, что люблю я Туману, а Скалин против...

— Делать ему больше нечего, — буркнул Ярий.

— ...а второй повод тот, по которому мы сейчас с тобой идем.

— В дозор мы с тобой идем! Какой тут может быть еще повод? Служба такая.

— Так — да не так. Слушай и запоминай...

— Хорошо с тобой, — улыбнулся Ярий, — не скучно. Другое дело Буддыган. С ним до речки Юкши дойдешь, он не расскажет даже того, что жена у него восьмого понесла.

— Правильно, в дозоре так и надо, но сегодня мы с тобой не на службе.

— Да ну!

— Да. Мы идем за другим. Слушай, наконец. Тебе известно, что полгода, как на Русь пришел бог по имени Христос, а Матерь его распростерла над Русью свои покровы. Скалин учит, что старые наши боги, кроме Мары, Чернобога и их детей, вроде Хворы, пошли ангелами на службу престолу Христа. То же и Род с Ладой, муж и жена, получили крылья и звания христовых ангелов. Но ты знаешь, что боги наши имели в себе живую природу, и чтобы стать духами, им потребовалось от природы этой освободиться. Так вышло, учит Скалин, что Род поместил свою силу в тебя, Лада — в твою невесту, княжескую племянницу Чистушу.

— Я и говорю, — улыбнулся Ярий, — с тобой, Кряж, не скучно.

— Если верить Скалину, — усердно продолжал Кряж, — в тебе, Ярий, сейчас судьба всего рода русов, а в Чистуше — вся русская любовь. Похожее стало и с Туманой. Ей отдала свою силу Хвора, которая ушла в бесы, на службу сатане.

Ярий остановился и широко уставился на сослуживца.

— Кряж! Ты не заболтался?

— Спроси у Скалина, — сморщился Кряж, и кистень его обиженно повис, — мы сейчас к нему и идем.

— Конечно, спрошу! Мутишь ты мне душу небывальщиной!

2

Они прошли недолго, и Кряж снова не умолчал:

— Все бы ничего, но боги наши ошиблись. Они надеялись, что сила их рассосется в вас и выветрится через дыхание, но она засела в тебе

- и Чистуше, и теперь вы оба не хуже чем они, только живые. И смертные тоже... Ясно?
- Ничего не ясно! — огрызнулся Ярий.
- Объясняю очень просто: если ты сейчас умрешь, то в тот же миг умрет и русский род. Ты сомкнешь глаза, и тут же сомкнут глаза все русы.
- А если Чистуша?... — спросил, мрачней, Ярий.
- Тогда гибель русов будет медленная, но будет. Что несла и дарила Лада? Любовь и плодovitость людям. Без Чистуши русская жена уже не зачнет от русского мужа, и от любого другого тоже, а русский муж потеряет силу семени. Те, кто ныне живут, будут последними для своего рода.
- Откуда это известно? С каких пор?
- Ангел, тот, что прежде был Род, явился позавчера Скалину и отрыл правду. Скалин сразу приставил меня к тебе беречь тебя.
- А кого приставили к Чистуше?
- Туману.
- Кого?! — Ярий зачем-то схватился за меч.
- Она покалась за то, что раньше творила. Хочет искупить вину. Проклятая Родом, она намерилась послужить всему русскому роду и будущим его детям.
- И кто ей поверил?
- Я и Скалин.
- И он?
- Да, Скалин отныне посвящает себя христовой вере, а вера сия учит всепрощению. Христос на кресте простил Гестаса...
- Так куда мы идем?
- На Родово капище. Ангел благословил Скалина сотворить последнее волшебство, чтобы вытянуть из вас богову силу и спрятать ее в куклы.
- И получится?
- Должно, если ангел обещал. Раньше бывало, что Род, когда нас истребляли враги, слабел и сам превращался в куклу.

3

Родово капище было местом, чудным для человеческого глаза. Окружали его сосны, растущие корнями вверх наружу. Посреди спала каменная глыба с высеченными на ней солнечными узорами. Вокруг глыбы, журча, спешил голубой ручей, замыкая сам себя, без начала и конца.

Ярия и Кряжа встретил Скалин, облаченный в шкуру древнего саблезубого медведя.

— Знает? — спросил Скалин Кряжа.

Кряж кивнул.

— Не бойся! — Скалин взял Ярия за руку и повел к капищу, где внутри уже стояла Чистуша.

Она смотрела на пришедшего Ярия взглядом, который был светлее дня.

— Последнее наше волшебство! — провозгласил Скалин. — Без него не обойтись. Потом на Руси волшебства не останется совсем, а придет время христовых чудес.

Кряжа встретила Тумана, и встретила по-новому — любовно. Она накинула свои длинные смуглые руки ему на плечи и положила ему на плечо свою черно-белую голову. Кряж застыл, словно желая остановить время.

Скалин читал на праязыке, вглядываясь в твердокаменную, из дуба, пластину. Хотя на ней имелось от силы сотня знаков, читал он второй час. С конца возвращаясь в начало письма, он одним ему ведомым способом читал всякий раз новый текст.

— Ярий! Чистуша! — отвлекся он от текста. — Вы слушайте и не шепчитесь! Заклинания войдут в вас, пробудят силу, и вы услышите ее без моих подсказок. Когда сила откроется, скажите.

Ярий и Чистуша сидели рядышком, будто одни и никого с ними поблизости. Скалин им сильно не мешал, хотя и чего-то объяснял.

А Кряж косился на Туману. Она сложила на груди руки, глядела в землю и слушала Скалина внимательно. Жуть и радость охватывали Кряжа. Он любовался ее нездешней, невозможной красотой, отныне принадлежащей ему, Кряжу. Требовалось лишь дождаться ночи.

Ярий насторожился и перестал дуть Чистуше, как кошке, в ухо. Словно муравейник, по телу его пробежались колики. Чистуша повернулась и поглядела на него. Солнце светилось сквозь ее видные уши.

Ярий, чуя в себе уже не муравейник, а гудящий пчелиный улей, встал на ноги. Вставая, рукой он уперся в глыбу, и она промялась, будто мешок, набитый нежным мхом.

— Хорошо! — увидел это Скалин. — Ты уже един с неживой природой, из которой сотворено твое тело.

Ярий, волнуясь, загладил на голове волосы, и лес вокруг и трава кругом наклонились макушками и стеблями.

— Хорошо! Хорошо! Так ты един с травами и деревьями.

Ярий завертел головой, не понимая, почему видит не со своего места. Перед глазами его находилась дубовая дощечка. Он видел глазами Скалина!

Тряхнув головой, Ярий избавился от наваждения, но тут же получил другое. Увидел капище со стороны, издалека, и не сразу понял, что видит глазами дружинника по имени Буян, который стоял на страже в числе восьми остальных таких же дружинников.

Скалин читал, а Ярий уже умело смотрел глазами то Кряжа, то Костура, то Чистуши... Лишь взор Туманы был ему неподвластен.

На миг зрение пропало совсем, но вслед за тем открылось глазами всех до единого живущих на земле русичей. Ярий разом увидел и Балканские дали, и горы Кавказа, и поля, степи, снега, воды морей, дома, озера, леса, всю Русь, русские мир и жизнь.

— Я готов! — крикнул он, испуганный.

В это же время Чистуша, приоткрывшая онемелый рот, видела космосы. Столько же космосов, сколько крат Ярий видел Русь.

Непостижимые уму, сто тысяч космических далее сходились в один Космос, видимый ночами с земли. Они повторяли его и были отдельны. Ограничены каждый в себе и бесконечны в главенствующем Космосе.

Чистуша увидела, как в том или другом космосе творились завихрения звездных ветров, а потом разражались вспышками и взрывами.

Так рождалась в чьих-то душах любовь, создавая в Космосе, умножая его, новые галактики и миры.

— Хорошо! — радовался Скалин. — А теперь...

Восемь дружинников одновременно рухнули на землю. Свинцовые снаряды, выпущенные из пращей, пробили им головы.

Кряж узнал о нападении, когда четыре такие снаряда ударились в него. Один снаряд снес с Кряжа шлем, отчего голова запрокинулась с силой, едва не сломавшей шею. Другие снаряды раздробили через кольчугу ребра.

Кряж, присев, оглянулся. Скалину, чтобы не вязать его, двое хазар ломали руки и ноги, делая это, как если бы ломали для костра о колена палки.

Тумана, не убирая с груди рук, обводила глазами прибывающих врагов.

— Этих вяжите, — указала она глазами на Ярия с Чистушей, — а его пока не убивайте, — сказала она про Кряжа, — сюда мне его дайте.

На Кряжа бросились, он махнул кистенем и попал по лицу первого, самого исполнительного. Туману осыпало зубами, и над ее головой пролетела челюсть.

Кряж, вертя над головой кистенем, рванул к Тумане.

— Псина! — крикнул он и остановился, задумавшись и глядя под ноги; вражье копьё надёжно воткнулось сквозь голень в землю.

— Кряж, из-за чего ты обижаешься? Неужто не понимаешь, что от меня тебе ничего бы не перепало, рыло?

— Черноб...!

— Кряж, — спокойно сказала Тумана, — я б тебя из жалости пощадила и назначила бы слугой, но сегодня ты все равно умрешь со всеми. Единственное, что предлагаю тебе выбрать: умереть наперед всех или со всеми. Ну?

— Я с родом, — ответил, не стыдясь, Кряж.

— Договорились! — страшно рассмеялась Тумана. — На пень его посадить!

4

Нарочно спилили ровно сосну и надкололи топором свежий пень. Вставили в расщелину клин.

Связанный Кряж следил за стараниями хазар и силился угадать, что плохое ждет его. Увидев же расщелину и клин, Кряж дернулся к Тумане просить о скорейшей смерти, но Тумана была занята, и его к ней не пустили.

Она допрашивала Скалина, который смирно лежал на земле и не был похож на человека. Слишком часто он изогнулся в руках и ногах.

— Куклы где? — спрашивала Тумана, будто случайно ступая Скалину на руки и ноги.

Скалин воротил от нее лицо, как от навозной киши.

— Ну и Чернобог с тобой! Мне они и не нужны, все равно сила пока в Ярии и Чистуше, — прекратила пытку Тумана. — Не добивать его! Пусть ждет общего конца!

С Кряжа стянули штаны.

— Тумана! — орал он. — Убей!

Впятером усадили его на пень и выбили клин. Не крик — сама боль раздалась по лесу и по небу. И хохот вокруг не заглушили ее.

— Батюшка Скалин! — позвал Кряж мертвым голосом.

— Что, Кряжик? — безжизненно отозвался с земли волхв.

— Все ушли.

— Да.

— Куда они их потащили?

— Распинать, сынок. Как Христа.

— Ты меня, батюшка, прости, что я упрямил тебя поверить Тумане.

— Не я, а ты на своем троне должен сейчас всех прощать.

— Все, да, батюшка?

— Нет, Кряж. Ты встанешь и поможешь им.

— Как я встану? Смеешься надо мной?

— Я над собой смеюсь. Вот я не встану. А ты иди. Будешь отцом родным всем, кто живет и кто еще не родился. Встань и подойди ко мне, я тебе кое-что шепну.

Кряж, молча, но с треском, встал.

Чистушу распяли ногами врозь к поперечной перекладине. Вниз головой. Но крест еще не поставили. Подходили длинной очередью. Почти двадцать уже вповалку отдыхали.

Тумана расхаживала, глядя на мыс, где стоял крест с Ярием.

— Довольна ли ты, Хвора? — шептала она. — Иди теперь спокойно к дьяволу, а я тут справлюсь сама.

Откуда ни возьмись, лесная белка запрыгнула ей на плечо и впиалась зубами в ухо. Тумана, раскинув растерянно руки, замотала головой, а на спину ей вскочили еще несколько белок, злых и кусачих.

Семеро волков выскочили из перелеска и разогнали от креста очередь, а уже лежавшего на Чистуше тут же разорвали.

В окружении трех медведей Кряж подошел к кресту и склонился над Чистушей. Она приоткрыла запавшие глаза, но сказать не могла ничего. Кряж, действуя одними пальцами, освободил ее от гвоздей, поднял и устроил на спине волка-секача, который, не медля, побежал с ношей в лес.

— Драться! Драться! — кричала Тумана, срывая с себя белок, не замечая, что они откусывают от нее куски.

Началась дикая битва зверей с людьми, а Кряж побежал на мыс.

5

Волки погибли. Погибли медведи.

— Бегом! — приказывала Тумана. — Бегом, нелюди!

Горстка рваных хазар, в крови, в грязи и в страхе, уставились на нее.

— Кого перепугались? Зверья? — шипела Тумана. — Думали, легко будет? Бегом на мыс! Князьями сделаю!

Оставшись одна, Тумана села на землю. Села, провела рукой по голове и от боли заплакала. Посмотрела на ладонь, к которой прилипли клочки волос, и вытерла о траву. Плач у нее получался шепелявый из-за обкусанных белками губ.

— Тумана! — произнес над ней Скалин.

Она вскинула голову, оскалив красные зубы. Над ней в воздухе висел волхв, которого держали лапами пять филинов.

— Что ж ты не унялась, Тумана? Чем же тебе народ не угодил?

— Негодный он. Только князья едят и пьют из золота, а остальные — из деревянных плошек и ковшей. В точности свиньи! Да вздумали поклоняться бродяжке Иисусу. Срам!

— Аяй! — вымолвил Скалин.

— Да-да! — усмехнулась Тумана, проливая изо рта слюну и кровь.

— Бедная Тумана! — вздохнул Скалин, умирая в воздухе. — Проклинаю тебя! Быть тебе тысячу лет в заточении.

С мыса донесся грохот обвала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕШЕГО

1

Год...

Потом два и три года Александр и Елизавета жили счастливо, на глазах друг у друга молодея.

Александр научился управлять зеркальным фонарем и по вечерам настраивал его на разные города и страны. Ставил никелированный флажок на функцию рефракции*, потом зеркалом-поискови́ком находил в верхних слоях атмосферы отражения земли и выбирал, что ему по душе. Оставалось зеркалом-проектором переместить мираж на мыс и отрегулировать контрастность.

Александр часто любил устраивать прямые трансляции футбольных матчей. Мираж стадиона, на котором происходила игра, он помещал немного выше мыса и наискось, а сам усаживался на лавку перед домом и плевал креветок. Семечек в погребе не нашлось. Неудобно было только то, что температура и плотность атмосферы постоянно менялись, сигнал искажался, а настраивать картинку приходилось бегать на чердак. И не было звука.

Специально для Елизаветы Александр ловил марева гор Гренландии, исландского ледника Ватна-Йокудль, Толлундских дебрей в Центральной Ютландии. Помещал в воздухе над мысом яростные водопады, и было страшно, но не холодно и не мокро.

* Рефракция (лат. *refractus* преломленный) — преломление световых лучей в земной атмосфере. В природе рефракция встречалась в 1860 г., когда лунной ночью Париж висел в течение часа вниз крышами, отразившись от легкого тумана; в 1815 г. жители бельгийского города Вербве видели в небе происходившее в 105 км от них сражение при Ватерлоо. Проекционные фонари использовались жрецами Древнего Египта. О секретах световой проекции писал философ Платон в книге «Аллегория о пещере». Знал об этом ученый и изобретатель Средневековья Роджер Бекон. Также известна история «зеркала пана Твардовского». Патент на изобретение проекционного фонаря получил в 1799 г. физик Робертсон.

Любил Александр февральским днем пошутить над Елизаветой, устраивая над иссиня-ледяным лесом многокилометровую аравийскую пустыню.

Оба, Александр и Елизавета, привыкли гулять вечерами по улицам иноземных городов. Обычным нехитрым делом для Александра стало разместить при помощи фонаря прямо на поверхности мыса часть любого парижского проспекта или площади. Сначала Елизавета пугалась мчащихся автомобилей и шагающих на нее людей, но, привыкнув, полюбила ходить в самой гуще толп, разглядывая лица и одежды. Даже начала баловаться, вслух смеясь над кем-нибудь, зная, что он или она, придурки, не услышат о себе ее правду, находясь за тысячу километров.

Однажды Александр позвал Елизавету из дома, и она, выйдя, оказалась на привокзальной площади станции Берендейская.

Трехмерные изображения Александра Сазонова и Елизаветы Розановой стояли возле центрального входа в вокзал. Их лица были серые, изможденные. Видимо, оба ждали служебную машину ехать на место происшествия, иначе с такими лицами не стояли бы.

— Выключи! — с досадой и невидимым стыдом попросила Елизавета.

2

На второй год их жизни к ним в гости приехали первородные Александр Сазонов и Елизавета Розанова.

Вели они себя диковато, часто без причин вдруг вздрагивали и округляли глаза, когда вторые Александр и Елизавета касались друг друга телами, пальцами и губами.

Александры выходили курить и удивлялись себе, не повторяя друг друга и говоря о разном.

— Как она? — спросил первородный Александр, и у него покраснели даже короткостриженные виски.

— Ты боишься спрашивать, будто о чужой жене у ее же мужа, — издевательски улыбнулся второй.

— Ну так как? — повторил первый, пряча глаза и уже не мечтая услышать о том, «как».

— Гибче кошки, злей осы, — умно подбирая слова, настойчиво ответил второй.

— Слушай! — с вырвавшейся обидой сказал первый. — Аккуратнее тут давай!

— Что? — совершенно не понял второй.

— Один рыбак всем рассказывает, что на прошлой неделе видел в этой стороне яркий свет, и ночью было, будто днем! Чем ты здесь развлекаешься?

— На прошлой неделе? А! Это я восьмого декабря через зеркало-поисковик заметил свечение над Францией. Подтянул марево к дому, а это оказался праздник Непорочного Зачатия в Лионе. Шибко уж сиял собор Нотр-Дам-де-Фурвьер и тысяч десять свечей и факелов, а потом полыхнул салют.

— Смотри! — неясно предупредил первый.

Как тогда, давно, они после перекура вернулись в дом и за-
стали Елизавет плачущими. Первая Елизавета не успела закончить
фразу:

— Вот, думаем, в какую школу отдавать. Семнадцатую, восемнад-
цатую или...

В следующем, 1995 году, гости приехали с окончательно обдуман-
ным, но не до конца принятым решением в глазах.

Сели за безумно изобильный стол. В это время за окном сменялись
картины тайландского Аюттхая и его психоделические, задуманные
без человека храмы, малазийский порт Кота-Кинабалу, город рыбаков
Хельгафель на острове Хэймаэй.

— Я настроил фонарь на автопоиск, — объяснил чудеса Александр,
хозяин мыса.

— Мы по делу! — кашлянул Александр первый, гость.

— Случилось что-то? — вскочил с места Александр-хозяин. — Что-
то дома?

— Нет, дома у всех все нормально.

— Ну что, говорите! — потребовала Елизавета-хозяйка.

— Вы хотите побывать в семьях? — ослепительно ясно спросила
Елизавета-гостя.

— Да! — не задумываясь, поняла вопрос Елизавета-хозяйка.

— Предлагаете поменяться местами? — дольше соображал Алек-
сандр-хозяин.

— Да, на выходные, — сказал Александр-гость и глянул на свои
руки; они, забытые, прыгали по столу.

Александр-хозяин под вниманием трех пар глаз встал из-за стола
и подошел к окну.

— Я догадываюсь, вы в прошлый раз приезжали предложить то же
самое... — сказал он не оборачиваясь. — Вы сами-то хорошо подумали?

«Сами», то есть гости, молчали.

— Давайте, бог с вами, — нечестным голосом дал ответ Александр-
хозяин.

3

Проинструктированные о том, какие привычки накопили их дети,
Александр второй и Елизавета вторая, одетые не в свою одежду, сколь-
зили на лодке по реке в сторону Берендейска. Уже полчаса пути были
прочерчены винтом «Нептуна» позади, а в груди у Александра сердце
ворочалось с боку на бок, не находя себе места.

И Елизавета сначала стремительно смотрела вперед навстречу брыз-
гам, но после сникла.

Приближалась пристань, и Александр стал сбрасывать скорость.
Вдруг вместо того чтобы плавно причалить к мосткам, он совсем за-
глушил мотор.

— Ты сможешь посмотреть дочери Ане в глаза? — оглянулся Алек-
сандр на Елизавету.

— Не знаю... — ответила Елизавета не сразу. — А ты... Косте?

Александр, вглядываясь в город на берегу, реальный, не мираж, от-
ветил:

— В армии не все ездят домой, когда приходит время отпуска. Так проще. Не видишь — не бредишь. Очень трудно потом возвращаться назад.

Многотонные волны медленно баюкали лодку, в которой вопросы и ответы были проговорены еще не все. Александр в такт волнам смотрел то на Елизавету, то сквозь нее, во что-то предстоящее.

— ...и потом ляжешь... с ним?.. — произнес он.

— А ты... с ней? — с досадой переспросила Елизавета.

— Вернемся на мыс?

— Да! Скорей!

Вдумываясь в Елизаветино «скорей», Александр заводил мотор и сбивчиво лепетал:

— Не простят ведь потом они себе. Это будет уже грех, всем нашим грехам — грех. Придумали же! Нельзя, нельзя...

Гнали вспять, и лишь показался мыс, на вершине его стали различаться две тревожные фигурки. И когда Александр-хозяин причаливал к берегу, фигурки уже спустились и ждали внизу.

Александр-гость зашел обутыми ногами в воду и помог вытащить лодку носом на грунт.

Елизаветы менялись одеждой за кустами, а Александры переодевались у воды. Гость психовал и рвал пуговицы.

— Что у тебя на руке? — спросил его Александр-хозяин, увидев четыре вишневых вмятин пятна.

— Вилами! — коротко ответил тот.

— А свежие швы на сердце?

— Ножом! — ответил гость. — Удостоверение задержало, не глубоко получилось. Народ спятил. Каждый день друг друга стреляют и режут. Посмотри, вот еще. — Он показал бедро, усыпанное лиловыми веснушками. — Из дробовика. Половина заряда так и заросла в ногу.

Александр-хозяин, стройный, гладкий, спрятал глаза и больше не спрашивал.

— Возьмите подарков, — предложил он, топя взгляд в прибрежной воде. — Нагрузим полную лодку. Увезете семьям.

Гость тягостно посмотрел на хозяина и, стараясь мягко, ответил:

— Не надо. Все есть.

4

Александр и Елизавета вернулись на мыс, и Александр, не найдя себе занятия, убрел в погреб. Спустился до низа и закрылся в лаборатории.

Он попробовал заинтересовать себя книгами, полистал пару томов инкунабул*, бросил их со злостью и подошел к трельяжу. Сел за него и, скучая, стал играть с клавишами печатной машинки.

Внимание его привлекла чернильная лента, и он, наострив глаза, разобрал в частых пробитых просветах имя «Александр Сазонов». Он отмотал с катушки использованную пленку и убедился, что она испещрена как его именем, так и еще одним — «Елизавета Розанова».

* Инкунабулы — книги, отпечатанные с наборных форм в XV в.

Александр обежал лабораторию, нашел чистый лист и зарядил его в машинку. Эксперимента ради он набил: «Моя Елизавета». Подняв глаза от клавиатуры, Александр увидел новое для себя явление. Три зеркала трельяжа потеряли отражение его, Александра, и отражение лаборатории за его спиной. Вслед за этим зеркала стали мерцать, подобно экрану неисправного телевизора.

Минутой позже Александр увидел их кухонный стол и руки Елизаветы, которые крошили салат. Был слышен стук ножа о доску и голос Елизаветы:

— Говорила же ему, не оставлять меня одну, не уходить надолго.

Александр заглянул под трельяж. Звук исходил из транзистора «Маяк».

— Елизавета! — попробовал позвать Александр шепотом.

Картинка в зеркалах метнулась в сторону и смазалась. Зеркала показали кухню и комнату.

— Не ищи меня! — сказал Александр, пуча рот, полный смеха. — Я в погребе, в лаборатории. Узнал, как работает трельяж. Я смотрю твоими глазами. Приходи играть!

— Сейчас иду! Давно бы позвал!

Пока в зеркалах металась внутренность дома, Александр набрал клавишами: «Сазонов Александр. Берендейск».

Зеркала померкли и вновь осветились. Александр вжался в спинку стула, потому что из трельяжа в его глаза глянул его сын, к тому времени — четырехлетний.

— Чего принес? — спросил он.

— Фигу! — весело ответил невидимый отец, Александр первый. — С маслом!

— Покажи! — не понял сын.

— Подожди! Сначала отнесу маме, она приготовит из этого вкуснятину, а потом вместе съедем!

Далее картинка двинулась по неизменному знакомому коридору.

— Привет, — вяло поприветствовала Ольга, жена. — Что-то ты сегодня рано.

— Хорошо еще, что вообще — сегодня.

— Согласна.

— Есть-то у нас есть чего?

— Вот, пеку. На магазинный хлеб занять уже не у кого. Замесила муку на воде да посолила. Что получится — не знаю. Хотела кашу пшеничную сварить, да сахара нету.

— В прошлый раз Костя ел и не соленое.

— Саш! — моментально, без усилий, заплакала Ольга. — Нельзя так! Шесть месяцев ты не несешь денег!

— Ладно! Завтра съезжу в одно место и привезу вкусностей на целую роту.

5

— Я здесь! — вбежала в лабораторию Елизавета.

Александр, торопясь, набрал то, что первое пришло на ум — «Леший Миша», и картинка померкла.

Елизавета нежно и властно схватила Александра сзади за плечи.

— Я пока бежала, придумала: давай посмотрим, что у нас дома!

— Я смотрел, — ответил Александр, — только что. Все сыты и довольны.

— Слава богу!

Александр сидел, обдаваемый ударами собственного сердца. Оно билось о ребра так, что на нем могли остаться синяки.

— Что-то очень долго ищет, — жмурясь от боли, сказал Александр. — Жив ли наш леший?

«Ай да Сазонов! — думал он. — Сын не кормленный, а он любовью играет! Я еще за себя стыдился, что еды предлагал!»

Мало-помалу в зеркалах забрезжил свет, а транзистор издал щелчки, видимо, чувствуя близкую волну.

Постепенно зеркала заполнились пространством и воздухом, и через минуту появилось несколько лиц.

Александр дал Елизавете знак молчать.

В зеркалах отчетливо прояснилось полутемное помещение с круглым, сервированным под чаепитие, столом. Присутствовали важные лица, известные и Александру с Елизаветой и всей новейшей Истории.

Политик с врожденной татуировкой на лбу произнес:

— Кворум сегодня в полном наличии. Тринадцать участников. Заседание объявляю открытым. Особой честью для нас является визит госпожи Хворостовской! — политик посмотрел сквозь зеркало в самые глаза Александру и Елизавете.

От испуга Александр отвернул голову.

— И я рада приветствовать вас! — произнес голос лешего Миши.

— Напомню! — продолжил татуированный политик. — Госпожа Тумана Хворостовская провела под проклятием тысячу лет в заточении. Перед нами легенда! Таких больше нет. Попрошу любить и жаловать!

Участники заседания старательно похлопали в ладоши.

— Слово госпоже Хворостовской! — прервал аплодисменты политик, глядя сквозь зеркало с подобострастием и тревогой.

— Господа сатанолитики! — с достоинством начал леший. — С 988 по 1988 год я действительно находилась в заточении под землей. Поступили со мной бесчеловечно и, как бы сейчас сказали, негуманно. Я прихожусь преемницей богини Хворы, завещавшей мне бессмертие и многие знания. Отсюда и фамилия моя — Хворостовская. Вам, конечно, всем известна легенда о двух куклах. Я была непосредственной участницей тех событий, при которых возникла эта легенда. В упомянутых куклах по большому счету судьба русского рода и русской любви. Я надеюсь, ни у кого нет сомнений по поводу правдивости данной легенды?

Леший Миша, он же госпожа Хворостовская, он же Тумана, обвел глазами присутствующих.

— Довольно фантастическая легенда! — улыбнулся крупный музыкант Робинзон. — Госпожа Хворостовская, прошу вас не обижаться, но я сомневаюсь даже в том, что вы — госпожа...

— Я посмотрела бы на любого из вас, — грубоватоотреагировал леший, — проведи вы тысячу лет под землей, поедая кротов с червями!

— Простите... — смутился Робинзон. — Я привык к более традиционной женской внешности.

— Давайте не будем оскорблять дам! — вставил слово Зельцин, и от его винного дыхания едва не запотели зеркала.

— Я не сватаюсь ни к кому из вас, — успокаиваясь, сказал леший. — Господин Робинзон, у вас есть замечания по сути дела?

— У меня вопрос. Какие шансы у нас найти куклы?

— У вас — никаких.

— Я так и зз...

— Ничего вы не знаете! — сорвался леший.

— Тише, тише, госпожа Хворостовская, — вмешался татуированный. — Товарищ... тьфу! Господин Робинзон старой материалистической закалки...

— Куда уж старше, — разборчиво шепнул Робинзон.

— Ладно, хорошо, мужчины! — дружелюбно сказал леший. — Оставим в покое мои возраст и внешность. Тем более, зная ваши тайные наклонности, я согласна признать, что вы более женщины, чем я. Вернемся наконец к повестке дня. Куклы существуют. Уясните это. Найдя их я сама, без чьей-либо помощи. Один момент: к практическим поискам я приступлю через год.

— Почему вы не хотите спешить? — спросил татуированный.

— В следующем году мои пленники достигнут двадцатилетнего возраста, в каком тысячу лет назад их прямые предки участвовали в волшебстве. В нужное время я устрою им медико-магическую процедуру, которая позволит разбудить их генетическую память, и они сами мне скажут, где спрятаны заветные куклы. Сейчас оба они зреют, как в парнике овощи. Вдосталь совокупаются, едят и пьют.

6

Александр и Елизавета сидели бледные. Бледнее, чем если бы умерли. А за зеркалами леший досказывал:

— Я не ошиблась, сведя их. Сколько стараний потратила! В республике, где Елизавета жила с рождения, я спровоцировала всеобщую резню, и в результате ее семья перебралась в Россию. Поселились они в одном северном металлургическом городе, и я приняла самое деятельное участие в развале экономики города. Так, что люди поели всех своих и чужих собак и кошек. Тем самым я добилась того, что в итоге семья Елизаветы поменяла еще несколько городов и, покинув их разрушенными, переехала в Берендейск, а встречу с Александром организовать было уже делом проверенной техники. Я устроила развал всех до единого предприятий города, и поэтому молодой умной Елизавете не осталось выбора, кроме как идти работать в милицию.

Они влюбились моментально! Буду честна, в этом я им не помогала. Проблема оказалась в том, что каждый уже имел свою семью, и, зная их наследственное целомудрие, я, чтобы соединить их, не придумала ничего лучше, как при помощи зеркального волшебства их копировать.

Себя в их глазах я залегендировала. Представилась добрым лешим, лапотным патриотом от нечистой силы. Повела часть их позапрошлого для пушей дружбы со мной. Оставила им свой дом и подземный

замок. Запасла им лучшего провианта, чтобы отъедались и гаупели. Еще ранее устроила кровавый террор лесному зверью, приучив его таскать на Лысый мыс, так сказать, экологически чистую пищу. Особой дрессировке подвергла любимых мною с давних пор медведей, волков и белок. Ближайшие окрест деревни я выжгла, в том числе и несколько жилых домов на железнодорожной станции Соново, которая в трех километрах от Лысого мыса.

— Bravo! — воскликнул татуированный. — Ювелирная работа! Но меня интересует один вопрос. Позвольте, госпожа Хворостовская?

— Да, спрашивайте.

— Настанет тот день, когда куклы окажутся в наших... ваших руках. Мы... погубим русский народ — весь?

— А по-другому никак! Впрочем, я понимаю вашу тревогу. Вы же русский?

— Родителей не выбирают, — краснея, сознался татуированный.

— Не расстраивайтесь так. Придумаем что-нибудь. Например, санатории с оздоровительной мумификацией. Потом я довольно плотно занимаюсь сейчас магической генетикой, которую уже упоминала. Она — будущее мира. Я думаю, вполне возможно разработать методы отката. Возьмем даже вас, господин Горбачев. Если отмотать ваши генетические часы к доветхозаветному состоянию, то у вас будет шанс избавиться от русскости. Я вообще прихожу к мнению, что все люди и народы изжили себя и пора создавать новый народ. Фантасты всегда мечтали очеловечить животных, а я считаю, что надо разочеловечить людей и создать сильную нацию жаберных, рогатых, земноводных, членистоногих, пресмыкающихся...

— О, боже мой! — нечаянно вздохнул татуированный. — Простите! Какой бы этот вопрос не был спорный, я предлагаю отнестись к его решению предельно добросовестно. Следует учредить научно-исследовательский институт, в котором бы проблемами разочеловечивания и оздоровительной мумификации занялись лучшие умы. Возглавить данный институт предлагаю госпоже Хворостовской. Прошу голосовать! Господин Робинзон, вам жалко своего голоса? Будто с вас убудет. А вы, господин Зельцин, почему медлите? Нас с вами здесь русских, раз — два, и обчелся. Что за принципиальность вдруг некстати!

— В свою очередь предлагаю следующее, — снова взял голос леший, — при любом раскладе судьба русского народа будет решена, и ...

— Минутку! — беспокойно перебил татуированный. — Не осудит ли нас мировая общественность? Мы должны следовать рекомендациям наших западных коллег! Сорок миллионов русских надо бы оставить для работ...

— О! — расхохотался Робинзон. — Ради собственной жизни вы уже готовы спасти миллионы. Это уже низость! Или еще хуже, господин Горбачев. Вы показываете себя великорусским шовинистом!

— Господин Робинзон! — У татуированного затряслась нижняя губа. — Держите себя в рамках парламентарной этики! Если хотите, то да, мне претит любая мумификация, пускай и оздоровительная.

— Возможно, вас просто пугают слова и названия, — не унимался ироничный Робинзон. — Если мумификацию обозначить более привлекательным косметическим бальзамированием...

— Господин Робинзон! Ваши высказывания о бальзамировании неpolitкорректны! Я буду вынужден внести их в протокол заседания, и сегодня же он ляжет на стол...

— Вносите! — смеялся Робинзон. — Хотя весь свой следующий год протоколируйте. И советую начать сейчас строить роскошный мавзолей где-нибудь в Ницце.

— Успокойтесь! — огрызнулся леший. — Никакие сорок миллионов даже при желании оставить не получится. А рабов я нагоню из бывших братских республик. Россия не пропадет.

— Натe, пожалуйста! — с новой силой расхохотался Робинзон. — Начали за упокой, кончили за здравие! «Россия не пропадет!» Вот что надо протоколировать!

— Я не договорила свое условие! — Леший хлопнул по столу ладонью. — Объясняю по второму разу! В следующем году русскому роду и миру конец. Так давайте будем благородны и великодушны, дадим им последний год пожить, как людям, в достатке и радости!

— Все, предел! — уже не смеясь, выругался Робинзон. — Здесь и впрямь собрались шовинисты!

— А ну вас! — махнул рукой леший. — Вашу злобу не переспоришь. Пожалуйста, тратьте силы зря. Потейте! Изводите народ дедовско-даллесовскими способами! Между тем сами бы отдохнули.

— В последний год их надо вообще лишить всего, и тепла и пищи. Пусть, как полагается в хорошем конце света, страдают по самое нехочу.

— Дело хозяйское! — махнул рукой леший. — Стоп! Молчать всем! Не шевелиться! Сколько нас здесь? Тринадцать? Но почему я слышу пятнадцать сердец? Кто тут еще двое?

7

Александр, закусив губу и выпучив глаза, потянулся к печатной машинке и щелкнул на ней выключателем.

— Пора прощаться... — вымолвил Александр.

Он встал и близко подступил к Елизавете.

— Тебе понятно? Мы с тобой, выясняется, овощи.

Елизавета хлопала глазами и улыбалась.

— Что? — не понял ее Александр.

— Я салат не успела доделать, — сказала она, показывая в улыбке красивые зубы.

— Ну и что?

— И поесть мы не успеем, да?

— Что с тобой? — спросил Александр и прижал ее голову к своей груди. — Неужели ты шутишь, маленькая?

— Шучу! — горячим слезным паром шепнула Елизавета. — Нам ведь надо спешить?

— Да, — вздохнул Александр и жадно, словно пил, поцеловал Елизавету в волосы. — Как игрушками, распорядились нами. Я не знал, прости.

— Конечно, прошу, — подняла она глаза, — потому что люблю.

— Вот ты и сказала!

Александр вдохнул полные легкие от ее волос и тихо позвал:

— Пойдем в оружейную комнату. Надо спешить.

Остановились среди смертоносного оружия и испугались.

— Я не хочу больно! — прерывисто, но не плача, сказала Елизавета.

— Ты встанешь ко мне спиной на колени, я возьму вот этот меч и рассеку тебе голову, чтобы ты не успела почувствовать...

— А ты потом как?

— Я заколюсь им же, этим мечом.

— Саш! — брызнула слезами Елизавета, будто поперхнулась. — Миленький! Постарайся не больно!

Она поцеловала много раз его в лицо, а он, белый, без кровинки, принял ее поцелуи, закрыв глаза, которые наполнились водой, как чашки.

— Вставай! — сказал он, и неосторожно пролил из глаз горячую, как чай, воду.

Елизавета повернулась к нему спиной и опустилась на колени.

Он взял прямой, неудобный от огромной тяжести меч и подумал: «Им я разрублю ее надвое всю».

Александр поднял меч над головой.

— Только не жди! Скорее! — сказала Елизавета.

— Боишься, будто укола, — пошутил, плача, Александр и с натугой выдохнул, словно перед ним стояло полено.

8

— Где меч?! — крикнул Александр, оборачиваясь с пустыми руками.

— Достоинно! — сказал леший, отряхивая руки от собственной крови, будто только что помыл их. — Красивую вы изобразили картину. Маслом писать, да и только.

Мокрыми руками леший похватал Александра и Елизавету за одежду и поволок в храм, приговаривая:

— Благородство через край! Я, понимаешь, им все условия, а они на мечах рубиться! Молодые, половозрелые! Что бы еще нужно!

Александр грязно ругался, вертелся и пытался бить, но вместе с Елизаветой катился вслед за лешим, как колобок.

Надавав обоим обморочных пощечин, леший посадил их в заросли фосфорической осоки и вживил им в вены стебли подземной травы, как если бы поставил капельницы.

— Теперь вы точно — овощи. Навещу вас в следующем году!

— Здравствуй, Миша... — растерялся Александр первый, когда на пороге его встретил леший. — А где счастливая пара?

— Нет их, — тепло и бесхитростно улыбнулся леший.

— Где они? — еще больше озадачился Александр. — Я же вчера их видел.

— А сегодня они попросились отсюда.

— Куда?

— В Аргентину.

Александр отступил с порога, глупо улыбаясь:

— Нет, честно?!

— Честная правда! Им захотелось, а мне не трудно. Сказали, что в тягость им здесь, под этим небом. Или еще постеснялись, что я вернулся. Я же вернулся, вышел из подполья.

— И где они там будут? — спросил Александр, пав духом.

— Ты разве хорошо знаешь географию Аргентины? Хочешь к ним?

— Нет, мне незачем, — ответил Александр, совсем увянув.

Он побрел от дома, надеясь, что леший окрихнет и предложит чем-нибудь помочь.

— Больше не приходи сюда! — донеслось от лешего. — И ничего больше не проси! Забудь дорогу, а то стану злей, чем золотая рыбка!

Александр спустился к лодке и пнул ее в борт ногой.

— Хотя бы им хорошо... — сказал он себе.

9

— Подъем, поросята! Встаем, просыпаемся! — командовал леший, легко подбрасывая в воздухе Александра и Елизавету; один весил 40 кг, другая — 25. — Подъем, кабаны неподъемные!

Он притащил их в лабораторию и усадил в стоматологические кресла, которых год назад не было. К подлокотникам и подножкам привязал резиновыми жгутами их руки и ноги.

— Что смотрите? Думаете, зачем привязываю? Сейчас вы у меня задержаетесь так, что не удержишь. Ну и красавцы вы стали!

Леший имел в виду длинную осоку, которой поросли их головы. У Елизаветы в волосах распустились даже болотные лилии, а у Александра появились усы и борода из зеленого мха.

— Быть мне лучшим косметологом! — болтал леший. — Полчаса, и вы помолодеете на тысячу лет!

Он нацепил им на лица кислородные маски, а сверху надел старинные водолазные шлемы. От шлемов тянулись шланги, встроенные обратными концами в гибрид, сконструированный из допотопного аппарата искусственного дыхания и котельного агрегата. Десяток барометров и столько же вентилях венчали его железное тело.

— Пошла горячая водичка! — прокомментировал леший, повернув красный ventиль.

Шланги бурно вздрогнули, и шлемы наполнились почти что кипятком.

Александр и Елизавета выгнулись на креслах, но спастись было никак.

— Достаточно! — сказал леший и крутанул ventиль слива.

Горячая вода ушла из шлемов.

— Контрастный душ! — Леший повернул синий ventиль, и по шлангам устремилась вода ледяная.

Четыре часа леший крутил ventиль, а Александр и Елизавета крутили в шлемах головами, чтобы скинуть с лиц кислородные маски и захлебнуться, но маски были надежно застегнуты на затылках.

— Разве дам я вам умереть? — заботливо говорил леший. — Вы мне сейчас дороже отца с матерью. Устали? Ну и хватит полоскаться! Мозги у вас уже разжижены, все равно что манная каша. Теперь подышите свежим болотным метаном!

Леший что-то переключил на аппарате искусственного дыхания, и шлема наполнились желтоватым газом.

— Чу! Чу! — успокаивал леший рвущих жгуты Александра и Елизавету. — Остается всего ничего, только самое страшное.

Под максимальным давлением он пустил через аппарат искусственного дыхания чистый обжигающий кислород, а потом немедленно переключил дыхательные шланги к мощному строительному пылесосу.

— Сейчас вы побудете вакуумными бомбами, — сказал леший, заглядывая в иллюминаторы шлемов и следя за тем, чтобы у испытуемых не полопались глаза. — Наизнанку у меня тут не вывернитесь. Впрочем, скоро закончим. Результат уже близко.

После десятикратного комбинирования «кислород — вакуум» леший снял с них шлемы.

Их лица изменились, но не полностью. Из прежних черт наиболее неизменными остались глаза и уши. На руках и ногах у них образовались отверстия.

— Бери и снимай кино про стигматы! — обрадовался леший результату.

10

— Ярий! Чистуша! — воскликнул леший, хлопнув в ладоши. — Вы совсем не изменились!

— И ты хороша, Тумана, так же, как прежде, — слабо улыбнулся Ярий улыбкой более мужественной, чем у потомка его Александра Сазонова.

— Да она еще краше стала, — прошептала Чистуша и улыбнулась в точности, как ее далекая правнучка Елизавета Розанова, по-детски умно и по-взрослому шаловливо.

— Выродки! — выругался леший и сплюнул. — Мне поэкспериментировать еще годик, научиться, как закреплять результат, и я навечно верну себе свою красоту. Но черт с этим со всем! Поговорим о деле. Хотя есть ли смысл мне сейчас спрашивать вас, где куклы. Ведь не скажете сразу. Надо вас пытаться.

— Не надо, — почему-то без страха попросила Чистуша.

— Как не надо, когда надо! — возмутился леший. — С русскими же нельзя по-хорошему!

— Мы скажем, где куклы, — спокойно уверил Ярий.

— Не скажете! — раздражаясь крикнул леший. — Или наврете! Я подсоединю вас к генератору переменного тока. Узнаете новые для себя муки. А сама я пока летаю за оригиналами ваших потомков и их малолетними детками. Скормлю их здесь на ваших глазах хвостатым червям мухокрыс.

— Даже не летай ни за кем! — бесстрашно настаивала Чистуша. — Мы скажем.

— Скажете? — уже озадаченно спросил леший. — Ну и где?

— В звезде! — не к месту рассмеялся Ярий.

— Я так и знала! — брызнул бешеной слюной леший. — Перед кем шутите-то? Окститесь!

Он пошагал из лаборатории.

— Стой, Тумана! Не тревожь зря людей и сама не топчи напрасно ноги, — окликнул ее Ярий. — Мы скажем тебе. Леший вернулся к креслам и беспокойно уставился на пленников. — Скалина-то помнишь? — глупость спросил Ярий. — Как не помнить! Тысячу лет помню! — ответил леший. — Он, когда напали твои соратники, раздумал заключать силу Рода и Лады в куклы.

— И куда он ее заключил?
— Я тебя люблю! — вдруг сказала Чистуша лешему.
— А? — обернулся леший к ней.
— Да, да, — подтвердила Чистуша. — Я тебя люблю!
— Меня? Чокнулась, что ли?
— Ты не поняла, Тумана? — спросил Ярий. — В словах теперь сила. Чистуша назвала тебе русские слова, в которых сокрыта сила русской любви.

— Слишком просто получается... — буркнул леший. — Ну допустим, что так, а сила Рода в каких словах?

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси и помилуй мя грешнаго! — произнес Ярий.

— Что это ты вздумал молиться? — хлопал леший кровавыми глазами.

— Я свои слова тебе сказал. Пока они будут произноситься русскими людьми, будет жив русский род. И пока русские будут признаваться в любви, будет, понятное дело, жива и любовь. А кукол нет и в помине.

— Гребаный в рот! — сказал леший, сел на корточки и взялся руками за голову. — Правда или врешь опять?

— Перекрестился бы, да руки привязаны, — вздохнул Ярий. — Если, конечно, сможешь отучить русских верить, любить и говорить по-русски, тогда смело празднуй победу.

— Вот это засада... — качал головой леший. — Сатана меня порвет, как Тузик грелку.

Откуда-то заиграла мелодия «Семь сорок», и леший вынул из кармана штанов предмет с антенной, не известный Ярию и Чистуше.

— Вспомни его, вот и оно! — с дрожью сказал леший, глядя пустыми глазами в светящийся экран первой модели «Моторолы».

— Да, господин Сатана! — поднес леший телефон к уху. — Сама только что собиралась позвонить вам доложить. Все получилось превосходно!.. Да... Они сейчас передо мной... Сразу без пыток рассказали... Только есть одна накладка... — Леший от страха даже зачем-то подмигнул пленникам. — Кукол нет и не было... Я не обманываю... Но я узнала, в чем заключена сила богов. Во-первых, «Я люблю тебя!»... Нет-нет, я не хотела сказать, что люблю вас... Тьфу, етиттвую! Дослушайте, пожалуйста! Второе: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий...» Нет, я с дуба не рухнула... Просто тогда в эти слова и заключили силу Рода и Лады. Да, согласна с вами, все хуе... плохо... Виновата... Даже не предполагала... Господин Сатана! Зато я придумала вот что. Черт с ними, с куклами, с русскими, с богами... Я уже сейчас согласна взяться при помощи магической генетики заселять Россию пресмыкающимися и членистоногими... Трубку бросил!

Леший подошел к креслам и принялся развязывать трясуцимися руками жгуты.

— Из-за вас у меня проблемы, — сказал он, кривя в виноватой улыбке клыкастый рот. — Аж зло закончилось. Надоели вы мне. Начальник сказал, что сварит меня в общем котле вместе с Троцким. Говорит, что... вру, как он.

— Милуйтесь, сколько успеете! — напутствовал он. — Действия магии хватит где-то еще на час. Потом станете обратно прежними. Все! Мне пора! Благославляю!

И ушел.

— Куда же ты пропала тогда? — спросил Ярий Чистушу. — Я до смерти искал тебя, исходил все княжества.

— Я поселилась в Южных степях. Не вытерпела бесчестия, потому и сбежала от тебя.

— Сил нет встать и поцеловать тебя.

— И у меня.

— Ничего. Должны выжить. Поцелуются за нас другие, когда наберутся сил.

Лилии в волосах Чистуши появили, а усы и борода Ярия превратились в камышовый пух.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЛОПОУХИЕ УШИ

1

— Мы долго, дня два тогда только выбирались из погребца, такие были слабые, — досказывал мне волшебную историю Маленький Принц Александр, — а потом еще полгода отъедались.

— Тумана, она же леший, больше не возвращалась? — спросил я.

— Нет, — махнул рукой Маленький Александр, — наверное, до сих пор в общем чане варится и визжит, как Троцкий.

Утром, после ночи повествования, Маленький Александр водил меня на чердак и показывал зеркальный фонарь.

— Сломался уже лет пять как, — объяснил он, — а починить не могу, глупый стал.

Водил он меня и в погреб. Продовольственный склад был пуст.

— Давно мы все подъели. И звери давным-давно не носят нам дары леса. Новые выводки зверей не знают и не помнят дрессировщика Туману. Так что самим приходится делать заготовки, собирать грибы и ловить рыбу. Пока я был еще не маленький, как сейчас, то ходил на охоту, и у нас было мясо. Но я не жалею. Мы с Елизаветой достаточно напитались и насытились. А самое необходимое, муку, макароны, нам раз от раза завозят Макарыч с Антоновной. Не забывают. Недавно телевизор с компьютером, снегоход подарили.

Спустился я с Александром и до низа. Видел запылившуюся лабораторию, оружейку, подземный храм.

— Сом, про которого я рассказывал, — указал он на огромное голое существо, спавшее в кустах. — Старый стал, растолстел и ослеп. Совсем за порядком не следит. Кроты зато не переводятся. Пачками горят от молнии, но плодятся еще быстрее.

2

Подходило время поезда, и я стал убирать в папку незаполненные бланки.

— Теперь еще думать, как отписаться, — бубнил я. — А все-таки! Зачем вы под поезд бросались?

— А куда нам? — ответил Маленький Александр. — Наша любовь и жизнь не вечны. И мы маленькие стали для любви и жизни. Хотя неразумно было, конечно, бросаться под поезд. Внимание слишком привлекали. Тебя, видишь, пришлось побеспокоить. Слушай! Убей ты нас!

— Я кто, по-вашему?! — возмутился я. — Ума-то вообще, что ли, не осталось!

— Не бойся, — спокойно продолжал Маленький Александр. — Все равно у нас души отраженные. Греха ты на себя не возьмешь. Перво-родные оригиналы, ты понимаешь, будут и дальше живы и здоровы.

— Мальчик, умолкни! — не выдержал я.

— Тогда я открою в храме метановые клапаны, а потом зажгу спичку.

— Как хочешь! — сказал я. — Отговаривать вас, наверное, бесполезно.

На прощание Маленький Александр подарил мне кистень.

— Жил когда-то хороший человек по имени Кряж. Это его оружие.

Я взял кистень с почтением. Потом я держать его у себя не стал, а подарил Берендейскому краеведческому музею. Не верите, сходите, посмотрите. Его ошибочно разместили на выставке, посвященной русской смуте и польскому нашествию. Директор музея заполнил на мое имя «карточку потенциального сдатчика» и вместо благодарности сказал: «Приносите еще».

— Пока, детишки! — не смешно попрощался я.

— Давай! Иди! — не ценя моего юмора, проводили меня маленькие Александр и Елизавета.

3

Макарыч встречал меня на перроне вместе с Антоновной. Шел мокрый снег. Я достал из папки рапорт, который мгновенно намок, будто от слез. «... несовершеннолетних лиц установить не представилось возможным», — были последние его строки.

— Как тебя встретили? — спросил Макарыч, вглядываясь в меня глазами Маленького Александра.

— Нормально, — неясно и неохотно ответил я.

По лицу Антоновны бежали струи, которые были быстрее, чем таявший снег.

— Сообщение пришло недавно, — сказал Макарыч. — Лысый мыс целиком рухнул в реку.

— Значит, все, — злорадно, стараясь избежать сожаления в голосе, отозвался я.

— Иди домой, отдыхай, Дмитрий! — нелогично улыбнулся Макарыч.

— А материал заканчивать? — спросил я.

— Другой кто-нибудь закончит.

— Александр Макарьевич! — сорвался я. — Зачем вообще мне было ездить? Без меня же можно было обойтись! И рапорт этот я здесь бы, не выезжая, написал.

— Они хотели тебя увидеть.

— Меня? Они?

— Тебя.

Я думал целую минуту, чтобы задать правильный и последний вопрос:

— Когда они успели?..

— В первый же год...

...Я брел домой, и снег бил мне тяжелой лапой по мокрому лицу и лопухим ушам.

ноябрь 2009 года — 25 апреля 2010 года

Надежда Костина

КОГДА МОЛЧАТЬ — СЕБЯ СОВСЕМ НЕ УВАЖАТЬ

(ответ на статью Е. Морозова «Во имя истины», опубликованную в 6-м выпуске журнала)

Проблема поэзии, качество поэзии — возможно, уже в этих словах заложена реакция редакции на статью Е. Морозова «Во имя истины». Сложно себе представить какую-либо дискуссию об этом, так как с самых первых строк проблема ставится формально, без цели. Нет и не может быть проблем у поэзии, и с качеством тоже все в порядке. Вопрос к конкретным людям, в данном случае поэтам и поэтессам. Почему спустя много лет, даже десятилетий, возник вопрос о недостатках в творчестве тех, кого уже нет, и естественным образом они уже никогда не смогут рассказать почему, для чего, что хотелось вынести на свет благодаря своим строкам.

Я не могу причислить себя ни к ученым-филологам, ни к элитарным ценителям изысканных строк. Есть привычка не пропускать мимо новое, необычное. Таковым стал журнал «Писатель. XXI век». Среди огромного количества современных изданий, зачастую переписывающих и повторяющих друг друга, «Писатель. XXI век» дает возможность не только пролистать, а вернуться вновь к материалам журнала, открывая для себя новое среди обыденного. Несколько раз перечитывала статью Е. Морозова «Во имя истины» и решила не проходить мимо, оставить свое мнение в рамках дискуссионного журнала.

Е. Морозов пишет, что он «без особенного желания взялся за эту работу». Тогда логичный вопрос: а зачем взялся?

Признание — это то, без чего плачут дети, а взрослые умирают. Желание быть на виду, неважно каким образом, быть в окружении тех, у кого стих — не элитарное искусство, а естественный способ общения с собой, с окружающими. Лично я так увидела для себя эту работу. Даже дилетанту понятно, что есть области, которые являются сугубо личными, и любое вторжение будет встречено в штыки. Никто не хочет, чтобы кто-то «своими грязными руками лапал его хрустальную мечту».

Автор статьи, видимо, причисляя себя к профи в поэзии, взял на себя еще и дополнительную нагрузку по обучению молодых, начинающих поэтов. И выбрал для этого крайне странную методику «передельвание авторских работ без согласия авторов». Непонятно почему в редакции пошли на откровенное нарушение авторских прав? Очень жаль, что упомянутые Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Гумилев, Бродский не могли воспрепятствовать публикации этой статьи из-за отрицательного мнения о ней.

Морозов насильно вторгся в чувства поэтов и перекроил время, жизнь и истории людей, предложив нам свое

видение, причем часто упрощенное, словно читатели примитивные существа, не способные понять авторскую суть. Выданные из контекста строки сглажены под нежелание критика заглянуть за слова, ударения, падежи, склонения, ямбы, хорей. Главное, чтобы было гладенько.

Обратимся к предложенным Е. Морозовым изменениям.

У Б. Пастернака:

В года мытарств,
во времена немислимого быта...

Морозов усматривает ошибку в падежном окончании в слове «в года» и предлагает замену «во дни». Таким образом якобы не нарушается ритм, а как быть с рифмой «дни — времена», у Пастернака «года — времена»? Но даже не это является главным. Что для человека день или даже дни? Ничтожно мало, порой незаметно. И что же читатель должен почувствовать, от чего побегут мурашки по коже, застынет в жилах в кровь. Что какие-то дни пришлось помяться, помыкаться. Этим нас не проймешь. Именно года, только этот временной отрезок отражает тяжесть и муку пережитого. Далее по тексту Пастернака.

И вот теперь ее отъезд
Насильственный, быть может!

В слове «насильственный» автор усмотрел «чужеродность» и поспешил приклеить «любимой женщине» свои ярлыки паникерши, преступницы. Грубо влезая в отношения людей, Морозов разворачивает эту историю на 180 градусов. И уже в его варианте получается, что герою Пастернака незачем терзаться о причинах бегства любимой. Он «белый и пушистый», а она «преступно в панике сбегает». Нам в таком варианте остается только пожать плечами: а чего ей, собственно, не хватало?

Далее досталось Мандельштаму, так как Е. Морозову не поддалось сло-

восочетание «кривая вода».

Естественно, человеку непосвященному это выражение непонятно, так как нет возможности близко общаться с Мандельштамом и спросить его об этом. А вот те, кому обращено это послание, даже и не задумывались над этой смысловой нагрузкой, им это знакомо и близко.

А вот анализ Морозовым творчества И. Бродского — это вообще отдельная тема, посвященная действительно неискаемой человеческой ограниченности и глупости. Со слов Е. Морозова, Иосиф Бродский в строках

Птиц не видеть, но они слышны.
Снайпер, томясь от духовной жажды,
То ли приказ, то ль письмо жены,
Сидя на ветке, читает дважды. —

описал то, о чем «не имеет ни малейшего представления». Неизвестно с чего Морозов решил, что снайпер занялся чтением прямо на задании, т. е. находясь в засаде. Пройдемся по строкам Бродского и восстановим картину давно минувших дней. Работа снайпера индивидуальна. Иногда они неделями ждут приказа, чтобы выйти на исходную. Цель снайпера — страх и ликвидация особо важных персон. Вот и маялся наш снайпер в ожидании, сидя на ветке. А для этого ему вовсе не надо лезть на само дерево, оно на землю свалено при неизвестных нам обстоятельствах. Ну и последнее, что хотелось бы заметить Е. Морозову. Выбор снайпером позиции на дереве — это киношный вариант. Снайперу важно не только поразить цель, но и самому не стать мишенью. А вот на дереве это сделать сложно: тяжело ждать неподвижно, сложно быстро сняться с позиции и уйти незамеченным. Поэтому господину Морозову не лишним в его творчестве будет руководство пословицы «Семь раз отмерь, один — отрежь».

Да, согласна, строки И. Бродского подчас тяжеловесны, требуют сосре-

доточенности. Но скажите, господин Морозов, что может быть непонятного в строках:

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
 Был купцом он — деловит, но не заметен.
 Умер быстро: лихорадка. По торговым
 Он делам сюда приплыл, а не за этим.

Ваш вопрос «Чем именно “этим” купец вовсе даже не интересовался?» наводит на мысль, что вам все равно, о чем говорить и что спрашивать. Если человек умер, а ехал торговать, понятно, что смертью он как-то не собирался интересоваться. Однако смерть заинтересовалась им.

Какое счастье, что нетронутыми остались строки Цветаевой. Да это и понятно. Частоты душ не совпадают. Чтобы что-то переделать у Цветаевой, надо, так же как и она, захлебнуться эмоциями, завывать от отчаяния, а потом застонать от блаженства так, чтобы никто не понял. «Проанализированные» здесь поэты были детьми своего времени, волей-неволей их мятежные души были вынуждены считаться с окружающей действительностью. Они это чувствовали остро, с надрывом, отсюда, по мнению Морозова, и «недостатки». А мнение, как мы прочитали в предыдущей статье (спасибо огромному автору), — это лишь видимость знаний о ком-либо, о чем-либо. Вот эту видимость нам и продемонстрировал Е. Морозов в своей статье «Во имя истины».

После прочтения первой, так сказать «аналитической», части статьи осталась тошнотворность на душе от некомпетентности автора. Но еще большее раздражение испытываешь от второй части работы, которую Морозов назвал заключительной. Такое впечатление, что после мастер-класса по переделыванию Е. Морозов устал и поэтому, не желая утруждаться, перекачал для нас материалы рефератов «Основополагающие принципы построения стихотворных форм» из гло-

бальной сети Интернета. Сосредоточиться на таком «размазанном» по сути, формальном изложении материала просто невозможно. Видимо, понимая это, Морозов предлагает нам для более осознанного усвоения темы избытые аналогии с хлебом. Странно видеть, как из постоянно непонимающего читателя автор перевоплощается в ученого-филолога и сугубо научными категориями рассуждает о единстве мысленного содержания, средств и форм его выражения.

И возвращаясь к так называемому «центральному вопросу статьи» «имеют ли место разного рода недостатки в стихах известных поэтов», хотелось бы услышать от Е. Морозова: а с какой целью вы спрашивали, если ответ очевиден? Зачем вы потратили время читателей, если в каждой строке виден непрофессионализм и желание причислить себя к «поэтам»? Не лучше ли было это время провести за анализом собственных работ?

Посмотрим первую из опубликованных работ «Люблю я желтые тюльпаны...» Мгновенно рисуется образ певицы Наташи Королевой, и тело само собою раскачивается в ритме «желтые тюльпаны, вестники разлуки...» Это не всплывало в ваших ассоциациях или вы поп-музыкой не увлекаетесь? Здесь же перечитываем 5-е четверостишие:

Сияло солнце, пели птицы,
 Гудели пчелы на ветвях,
 Сновали юркие синицы,
 Стрижи носились в облаках.

Скажите, пожалуйста, вы когда-либо встречали вместе синиц и стрижей? В природе это невозможно. Уже ученики начальных классов ответят, что с наступлением тепла синицы мигрируют с глаз долой, а вот стрижи по берегам рек режут воздух на виду изумленных зрителей. И в облаках стрижам делать нечего, мошара для пропитания клубится внизу. А в природе

никто и ничего без цели делать не будет в отличие от человека. Посему надо более тщательно относиться к материалам своих стихов и писать о том, о чем имеешь представление.

Абрис изящен, листья ломки,
Растенья сочно зелены.

Пастернаку было поставлено на вид за неверно употребленное «в года мытарств...», а как же тогда появился мягкий знак в слове «растения»? В современном языке мы так не пишем,

это факт. Но тогда нарушается рифма. Следовательно, исходя из претензий автора, необходимо найти что-либо «сущностно идентичное».

Перечитайте у Е. Морозова «Эти сизые зимние сумерки...» Каждая строка пропитана есенинскими рифмами, ритмами. А это уже не просто ошибки, это плагиат. «Тиснул» чужие образы и спокойно рассуждает о неточностях, стилистических ошибках в строках Гумилева, Пастернака. Вот уж истинно: «Лучшая защита — это нападение».

Р. S. Уважаемая редакция, а было бы полезно завести рубрику, обучающую основам стихосложения. Рассказать, что такое ямб, хорей. Разъяснить, что такое в поэзии мужское и женское окончание. Это было бы практично, и в рамках дискуссионного журнала начинающие поэты могли бы, используя обучающие материалы, выставлять на суд свои произведения. А возможно, и не только начинающие...

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ КАК РЕЛИГИОЗНЫЙ ФЕНОМЕН

(редакционный комментарий)

Что послужило идейным основанием для свержения советской власти? Конечно же, феномен политических репрессий в этом вопросе занимает решающее место. Почему? Да потому, что даже экономические трудности без них никак не смогли бы стронуть с места ранее установившийся порядок вещей. Вот почему и поныне вокруг этой темы никак не утихают страсти. Иначе говоря, до тех пор пока мы не поймем, что же это было на самом деле, мы будем возвращаться и возвращаться к этой теме. То есть всевозможные крики о многомиллионных невинных жертвах режима все время будут наткаться на подозрение, что, как минимум, подобные тирады имеют явно преувеличенный (нечестный) характер и преследуют цель сокрытия подлинного содержания тех мрачных событий. И в самом деле: неужели в те дни творилось нечто совсем нелогичное? Ведь разумное начало или начало, детерминированное некими причинами (мотивами), никогда и нигде не покидало какое-либо общество как нечто целое. Но тогда и политические репрессии никак не могли быть подобным исключением, а значит, они непременно имели в себе самих какое-то сложное до сих пор так и нераспознанное основание (причину).

Каждому внимательному и опытно-му лицу ведом тот факт, что жизнь людей заметно разнится. Чем же? А тем,

что одни непрерывно и много страдают буквально даже как бы по мелочам, а другие умудряются творить жуткие дела практически как бы без каких-либо заметных последствий для себя. Другими словами, одни выглядят любимчиками судьбы, а другие — ее пасынками. Так вот, в годы известных политических репрессий, видимо, и проявилась выпукло эта странная закономерность жизни. То есть многие оказались репрессированными как бы ни за что. Но вот ведь какое дело: репрессии имели очевидно мировоззренческий характер. Иначе говоря, многих судили не за конкретный преступный поступок, судили тогда лишь за идейную готовность к нему. В результате одни попадали под арест за официально осуждаемое дело, другие только за подозрение на мировоззренческую готовность к нему. То есть в те дни странным или весьма противоречивым образом вычищалась totalmente публика, уже готовая объективно выступить или поддержать уже выступивших против советской власти лиц. Часто на нее показывали интуитивно, полагая ее вину уже полностью доказанной. С процедурной точки зрения это было очень плохо. А с сущностной? Сегодня мы все отчетливо наблюдаем явных врагов народа как во власти, так и рядом с нею, которые по аморальному закону, установленному ими же, являются полностью непод-

судными. И что, мы должны приветствовать такой порядок вещей? Вот и выходит, что вовсе не нам следует судить те сложные события, когда честности и ответственности было не в пример нашему времени много больше. Поэтому-то политические репрессии имели явно не мирской, а, если хотите, религиозный (но не церковный) характер, в котором, как известно, наказания без вины не бывает. Религиозное начало содержит в себе смысл связанности, которая уму человеческому часто малодоступна. И еще. Тогда непримиримо столкнулись два взгляда на жизнь человека. Один был общественным, выражавшим идею чувства долга каждого гражданина, другой основывался на соображении, что частный интерес не может быть принесен в жертву каким-либо общественным интересам, как интересам вторичным или несущественным. Впрочем, и здесь была известная путаница, вызванная

невероятной способностью либерально настроенных лиц маскироваться или выдавать себя за ярых общественников, на самом деле всегда стремящихся любой ценой с помощью карьерных успехов на общественной (государственной) ниве ухватить лично себе «птицу частного преуспевания». Поэтому-то из сегодняшнего дня порой плохо видится и угадывается действительная мотивация тех страшных событий, что и приводит многих из нас к вполне *слабоумным* выводам об их подлинном содержании и значении. Последнее обстоятельство, к сожалению, как раз и может в грядущем вызвать к жизни вновь нечто подобное, так как неспособный к объективным выводам о причинах минувших бед никак не гарантирован от их повторения в будущем. Впрочем, прочитаем опубликованную ниже статью Вадима Петрова, полагая сие занятие и любопытным, и крайне полезным.

Вадим Петров

«А Я СКАЖУ, ЧТО ВАС РАССТРЕЛЯЛ...»

Взгляд на репрессии 1930-х годов из XXI века

Вдумчивые аналитики, даже в сфере Большой Науки, отметили одну важную тенденцию последних десятилетий. Раньше Наука искала Истину, сегодня она обслуживает Информационные потребности общества [1].

Репрессии 1930-х годов... Для подавляющего большинства населения современной России эти слова столь же понятны и находятся на том же уровне, что и «опричнина Ивана Грозного», «Северная война», «нашествие Наполеона», «Брусиловский прорыв» и тому подобные. Но есть и одно существенное отличие. Термин «сталинские репрессии» используется современными «демократами» в качестве, пожалуй, ярчайшего примера людоедской политики государственного деятеля XX века. Вряд ли хоть один из наших современников, кроме, разумеется, узких специалистов, может сказать что-то о таких деятелях, как Пол Пот или император Бокассы. А вот слова «массовые репрессии» используются в качестве волшебной палочки для целей дискредитации любых достижений СССР периода 1930-х — начала 1940-х годов. Вполне естественно, что волшебные слова «массовые репрессии» служат одновременно и часто, прежде всего, для дискредитации лично И. В. Сталина. Здесь будет уместным вспомнить одно выражение, которое, правда, относится к глобальнейшим событиям мировой политики

середины — конца 1940-х годов: «Нельзя оперировать итогами мировой войны в понятиях современной политической тусовки» [2]. Несколько перефразируя это выражение И. Шумейко, можно сказать следующее: «Нельзя оперировать причинами и итогами репрессий 1930-х годов применительно к понятиям современной политической тусовки». В настоящее время представления большинства наших сограждан о сущности репрессий 1930-х годов ограничиваются набором нескольких клишированных фраз из лексикона Хрущева и поздней «перестройки». Но эти крикливые клише ровным счетом ничего не проясняют. Создается впечатление, что репрессии для многих людей уже давно превратились из объекта рационального анализа в объект веры.

Поэтому ряд авторов пытаются понять сущность сталинских репрессий. Так, А. М. Буровский ставит обоснованный вопрос о понятии репрессий в СССР. «Зададимся более осмысленным вопросом: что же именно считать репрессиями? Погибшие в ходе тайной войны красных с белыми и зелеными на территории других стран — будем

считать жертвами репрессий? Убитых в Париже Кутепова и Петлюру, похищенного и повешенного Миллера? Басмачи, убиваемые из пулеметов в 1932-м и 1934 году — они кто? Жертвы репрессий или убитые во время войны?

В самом СССР считать ли репрессированным мальчишку, получившего 5 лет за изготовление самодельного ножа или 10 лет за кражу булки из магазина? Границы очень уж неопределенные.

Так вот и спорят ученые, кого же считать репрессированным. Осужденные по ст. 58 УК РСФСР 1926 года (“контрреволюционные преступления”) в любой системе подсчетов составляют только часть репрессированных. Но даже если учитывать только их, “герои 37-го” мгновенно тонут в море собратьев по несчастью» [3]. Далее этот же автор касается вопроса о количестве репрессированных. Он указывает, что наблюдаются серьезные разночтения по их численности. «К сожалению, оценка общего числа жертв может вестись только примерно. В отличие от официальной статистики НКВД по осужденным по 58-й статье надежные данные о численности остальных категорий отсутствуют, и исследователями приводят различные оценки.

К еще большему сожалению, оценки числа потерь прямо зависят от политической принадлежности авторов. Враги сталинщины называют цифры 30–40 миллионов репрессированных и уничтоженных. Апологеты Сталина вообще не замечают никого, кроме жертв судебных процессов. <...>

В общем, справедливы и цифры “всего” 3–5 миллионов, и “целых” 30–50 миллионов. Зависит от того, как считать, и какие репрессии считать “оправданными”, а какие “неоправданными”» [4].

Попытаемся и мы разобраться в сущности репрессий 1930-х годов. Как видим, употребляются термины «оправданные» и «неоправданные» репрес-

сии. Задолго до выхода в свет цитированной книги применительно к репрессиям употреблялись и другие терминологические изыски. Начало их запуска в обращение можно отнести к февралю 1956 года, а точнее, к знаменитому докладу Хрущева на XX съезде КПСС. Причем в зависимости от сиюминутных политических обстоятельств в устах Никиты Сергеевича сталинские репрессии, кроме «неоправданных», становились то «незаконными», то «необоснованными», то «массовыми», а то еще и многими другими. С ловкостью базарного наперсточника «дорогой Никита Сергеевич» употреблял все эти слова, а плебс, не имея особой возможности вдаваться в терминологические различия между ними, начал воспринимать «репрессии» как некое чудовищное и никакими рациональными доводами не мотивированное явление. Венцом политического шарлатанства стала запущенная Хрущевым байка о том, что причинами репрессий были исключительно «капризность» и «маниакальная подозрительность» И. В. Сталина. Благодаря такому нехитрому приему, рассчитанному, правда, на очевидных глупцов, Хрущев быстро стал выглядеть титаном государственной мысли на фоне какого-то там Сталина, принимавшего важнейшие политические решения, в том числе и относительно репрессий, исключительно по принципу «утром с той или не с той ноги встал».

Эта линия объяснения причин репрессий находит своих преданных почитателей и в наши дни. Если задать вопрос некоторым нашим политикам о репрессиях 1930-х годов, то мотивация И. В. Сталина, с их точки зрения, представляется достаточно простой и логичной. Представим себе нашего некоего политика. Вечером, после трудов праведных, он, придя в соответствующее расположение духа, требует у своего секретаря: «Хочу девочек, да чтобы посвежее!» Ну а отсюда уже совсем недалеко и до понимания мо-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

тивации товарища Сталина. Утром, встав не с той ноги, он требует у Политбюро: «Хочу репрессий, да чтобы помассовее!» И единственное отличие между ними в том, что один желает утром, а другой вечером, что, как вы понимаете, совершенно несущественная деталь. И основания репрессий выводятся исключительно из дурных свойств характера Сталина, а не из политической заданности на тот момент времени с так или иначе, но сложившимися обстоятельствами. А все мотивации репрессий легко и просто для понимания малообразованного человека начинают проистекать исключительно из дурных свойств характера Сталина и не более того.

Существуют взгляд, что репрессии 1930-х годов были необходимы, чтобы избавиться от представителей «пятой колонны». Данный термин, собственно говоря, и появился в конце 1936 — начале 1937 года и первоначально обозначал тайных пособников генерала Франко в Мадриде. Если сосредоточиться на том, что основной мотивацией репрессий была необходимость освободиться от представителей «пятой колонны» на всех уровнях административного аппарата, то можно с большой долей уверенности предположить, что мы пойдем в неправильном направлении. Нужно искать какую-то иную мотивацию. Возможно, что и в дополнение к уже приведенной. Но следует помнить, что мотивация избавления от «пятой колонны», очевидно, могла иметь место, но не являлась основной.

Особым образом в вопросе репрессий 1930-х годов ряд авторов выделяют репрессии в отношении военнослужащих. Излюбленным «пунктиком» многих современных исследователей стало следующее положение. Дескать, тяжелые поражения РККА в 1941 году вызваны исключительно репрессиями 1937—1938 годов. Якобы этими репрессиями были «выкошены» лучшие командные кадры, а «обезглавленная»

армия не смогла сопротивляться немецкому нашествию. Но с данных позиций никто почему-то не пытается объяснять крайне неудачные действия РККА в боях на озере Хасан (1938). Потому очевидно, что неудачи в этих боях уж очень явно связаны не с репрессиями, а с давним, еще с 1920-х годов, банальным разгильдяйством на всех уровнях ОКДВА (Особой Краснознаменной Дальневосточной армии), начиная с ее командующего Блюхера и далее сверху вниз без остановок. Такими авторами тщательно умалчивается, как же с указанных позиций объяснить удачные действия Красной армии против японских войск на реке Халхин-Гол в 1939 году. С этих же позиций мало кто пытается объяснить первоначальные неудачи и последующие успехи РККА в «зимней войне» 1939—1940 годов. Очевидно, что с моральной точки зрения в наши дни гораздо труднее объяснить многие военные провалы прошлого не «терро-ром проклятого Сталина в отношении лучших представителей армии», а неумением, ленью, нежеланием учиться воинскому делу «настоящим образом», гораздо большей склонностью к употреблению водки, нежели к несению службы и так далее со стороны многих и многих командиров РККА того времени. Кроме того, с этой позиции совершенно не объяснить поражения всех армий в 1939—1941 годах при столкновении их с гитлеровской военной машиной. Ведь ни в одной из европейских стран, воевавших с Гитлером, никаких репрессий и в помине не было. И если поражения армий, например, Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, можно объяснить их явной численной несоразмерностью вермахту, то армии Франции, Великобритании, Польши были вполне соразмерны. А Чехословакия со своей мощной армией, в начале 1938 года почти не уступающей вермахту по численности и боевой подготовке, попросту сдалась без всякого сопротивления в два этапа, в октябре 1938 и марте 1939 годов.

Основной же причиной поражений РККА в 1941 году, очевидно, являлись другие обстоятельства. Немецкая армия образца 1941 года была на несколько голов выше РККА по стратегической и тактической подготовке. Вермахт в то время был сильнейшей армией континента, наилучшим образом среди всех других армий подготовленной для ведения сухопутной войны общеевропейского масштаба. И поэтому она побеждала РККА хоть с последствиями репрессий 1937–1938 годов, хоть без них. Повторимся, что примерами, подтверждающими данную точку зрения, являются все армии основных стран Европы, разбитые вермахтом в 1939–1941 годах. А ни в одной из них репрессиями и не пахло. Но всем им, как и РККА, были присущи практически одинаковые недочеты военного планирования как на стратегическом, так и на тактическом уровнях. В целом немцы к середине 1930-х годов нашли несколько эффективных стратегических приемов ведения боевых действий, которые они с неизменным успехом применяли с сентября 1939 года и вплоть до конца 1941 года, пока не направились на твердое сопротивление Красной армии, которую уже не смогли победить стратегически. Таким образом, основной причиной поражений являлось то, что немецкая армия в 1941 году была гораздо лучше организована и подготовлена, чем РККА, а отнюдь не репрессии 1937–1938 годов. Последствия репрессий ведь за два года никуда не подевались, а с 1943 года Красная армия в общем, если не брать частные случаи, стала постоянно побеждать немцев.

В 1937–1938 годах было репрессировано большое количество так называемых «старых большевиков», которые являлись синонимом «старых революционеров», то есть людей, боровшихся против самодержавия и Временного правительства. Они сделали своим занятием потрясение основ государственности и свержение правительств. Но они были плохо приспособ-

лены к созидательной деятельности. Вот что о российских революционерах пишет, например, Александр Факеев. «Моменты, на которые я обратил внимание, просматривая краткие биографии революционеров [выделено в книге. — В. П.] <...> Пользуясь поддельными документами, [им] удавалось избежать наказания за прошлые, порой более тяжкие, преступления.

Наказания несоизмеримы с совершенными преступлениями.

Постоянные побеги из тюрем и с этапов, что говорит о слабости охранной системы.

Беспрепятственные побеги за границу, налаженная связь между государственными преступниками различных стран. Зачастую преступники продолжали революционную деятельность за границей или возвращались в Россию для продолжения подрывной деятельности.

Легкость смены партий и принадлежности: сегодня он в Бунде, завтра в РСДРП, к старости и вовсе член ВКП (б), что говорит о чисто внешнем различии существовавших революционных партий. На деле все они вели единую отлаженную работу по развалу государственности.

Налаженная система агитации (подпольные типографии, библиотеки, переправка литературы из-за рубежа, агитация среди самых различных групп трудящихся).

Налаженная система поддержки террора: хранение бомб, патронов, взрывчатых веществ.

Откровенно грабительский и разбойничий характер многих акций: взрыв парохода, ограбление банка, другие ограбления.

Зачастую полуобразованные люди занимались пропагандой и агитацией. Возникает вопрос, на какие низменные инстинкты толпы должны были давить эти «агитаторы», не имевшие приличного образования, чтобы их слушала толпа? У меня есть только один вариант: грабеж (грабь награб-

ленное) и присвоение себе нагребленного, прикрываясь лозунгами о всеобщем счастье от владения тем, что было в руках других людей» [5].

Все указанные таланты профессиональных революционеров будет гораздо правильнее обозначить современным термином «преступные навыки». Причем такие навыки должны были в реалиях политической, особенно внешнеполитической, обстановки 1930-х годов представлять собой значительную потенциальную угрозу для стабильности государства и общества. Возможно, что многие из них в тех или иных формах высказывали вслух недовольство сталинской политикой. А отсюда стали представлять угрозу для государства в целом.

Основной разоблачитель репрессий Н. С. Хрущев в 1950-е годы, как и в начале 1960-х годов, разумеется, не вспоминал о том, что он основательно и, что самое главное, «с огоньком», приложил руку к этим самым репрессиям. Так, западный автор биографии Хрущева Уильям Таубман, которого мы не имеем оснований заподозрить в сочувствии в сталинизму, писал о нем: «Итак, Хрущев верой и правдой служил делу террора...» [6]. А вот предлагаются вниманию уважаемых читателей другие цитаты из той же самой книги Таубмана. «Когда Молотова впоследствии спросили, подписывал ли Хрущев расстрельные списки, он ответил: “Безусловно, конечно. Иначе бы он не выдвинулся. Было такое время... Разумному-то человеку ясно”» [7]. «Хрущев председательствовал на “чистках”, которые с его появлением на Украине только усилились. В 1938 году было арестовано 106 тысяч 119 человек, с 1938-го по 1940-й — в общей сложности 165 тысяч 565. Если верить Молотову (свидетелю едва ли объективному, но прекрасно информированному), Хрущев, “будучи членом [украинской] тройки, 54 тысячи человек приговорил”. Хрущев неоднократно произносил кроважанные речи, и

нам известен по крайней мере один случай, когда он собственноручно написал на рапорте “Арестовать”, предпринимая судьбу одного из высших комсомольских лидеров Украины» [8]. Можно привести еще один красноречивый пример, что Никита Сергеевич по части репрессий был не просто исполнителем, а исполнителем весьма и весьма ретивым, старательным. «22 сентября 1939-го в деревне неподалеку от Львова Хрущев, потрясая кулаками, бранил генералов НКВД за поведение их подчиненных. С одной стороны, они ничего не делают: “Какая это работа — ни одного расстрелянного!” С другой — пытаются командовать партийцами: “Знаем мы, как ваши работники стараются подмять партийное руководство под себя!” Докладывая об этом Берии в Москву, глава украинского НКВД Иван Серов добавлял, что Хрущев — “человек высокомерный, не прочь разыграть демократа, ему страшно нравится, когда окружающие льстят ему...” Но интереснее всего вопиющая противоречивость желаний Хрущева: он требует одновременно, чтобы энкавэдэшники больше расстреливали и давали ему больше свободы действий» [9]. Здесь писатель У. Таубман не прав. Никакого противоречия в поведении Хрущева мы не усматриваем. А видно как раз, что он просто хотел, чтобы «энкавэдэшники» больше расстреливали, но только под его руководством, а не по своему разумению. Владимир Наумов, один из весьма осведомленных людей, в свое время занимавший ответственные посты в советском государстве и бывший работник ЦК КПСС, а затем исполнительный секретарь комиссии по расследованию репрессий в СССР, широко знакомый с материалами государственных архивов, сообщал, что на ордерах на арест видных московских функционеров, как правило, стояла подпись Н. С. Хрущева [10]. Вот данные, приведенные другим автором, А. Мартиросяном, касающиеся прямой причастности Хрущева к репрес-

сиям в отношении политического деятеля из числа руководства СССР. «Хрущев на XX съезде сделал вид, что он не имеет никакого отношения к репрессированию Постышева. Однако документы свидетельствуют об обратном. Он был одним из тех, кто наиболее яростно выступал против Постышева на упомянутом январском пленуме, внося свой вклад в последовавшее репрессирование П. П. Постышева. К слову сказать, именно Хрущев и занял место Постышева в списке кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП (б)» [11].

Необходимо все же помнить, что в СССР рассматриваемого нами периода существовала, как и в любой другой стране, преступность. Важно понимать, какого масштаба и структуры была преступность в СССР. «При здравом размышлении мало кто сомневается, что в СССР сталинского периода существовала преступность. <...> К сожалению, в публикациях последних лет все чаще “забывают” значение термина “репрессия”, то есть преследование (за что-либо, например “уголовные репрессии”). Бывшее ранее в ходу понятие “политические репрессии Сталина” заменяют на просто “репрессии”, что сильно сбивает с толку и мешает адекватной оценке явления. Термин “репрессии” можно толковать по-разному, — говорит в этой связи В. Земсков... — Я ограничиваюсь “политическими репрессиями”, то есть теми гражданами, которым была инкриминирована статья 58 УК (контрреволюционная деятельность и другие тяжкие преступления против государства)» [12]. Далее этот автор продолжает развивать вопрос, а как же воспринимаются репрессии с позиции обыденного сознания. Он пишет, что о содержании статьи, преступлениях, включенных в перечень контрреволюционных, о значении самого термина «контрреволюционный» бесполезно спрашивать основную массу населения. Пласт мифов, укоренившихся здесь, чрезвычайно обширен и

простирается от выхваченного из старых фильмов революционного матроса с наганом и неизменным «Контра!» на устах до «сажали за анекдоты». При этом элементарное незнание фактического материала вовсе не мешает строить суждения об этой сложной проблеме [13].

Остановимся на утверждениях некоторых авторов о том, что репрессии в 1937–1938 годах по своим масштабам вышли из-под контроля партийных органов. С большой долей уверенности мы можем утверждать, что сведения о выходе репрессий из-под контроля партии являются мифом. Ведь в состав каждой «тройки» обязательно входил высокопоставленный представитель местного партийного аппарата. «Ближайшие соратники Сталина были лично ответственны за чистки в партийных организациях: Л. М. Каганович действовал в Донбассе, А. А. Жданов — в Ленинграде, Башкирии и Татарстане, А. А. Андреев — в Средней Азии, А. И. Микоян — в Закавказье, Н. С. Хрущев — на Украине» [14]. Судя по тексту этой цитаты, указанные видные партийные деятели, входящие в первый эшелон власти, выступали на тех или иных крупных территориях СССР именно как партийные комиссары центральной партийной власти по вопросам репрессий. Это, очевидно, решающий довод в пользу того, что «размах» репрессий никогда не выходил из-под контроля партийных органов, а, наоборот, достаточно жестко ими контролировался.

Можно предполагать, что жертвами 1937–1938 годов были оплачены достижения страны в виде ускоренной модернизации на современном для 1930-х годов мировом уровне. Можно вспомнить знаменитое сталинское: «Если мы не пробежим за 10 лет свое отставание на 100 лет, то нас сомнут». Получилось так, как получилось. Если, для примера, дать современную оценку попыткам модернизации, то получается следующий результат. События 1991 года и распад СССР можно рас-

смаковать, в частности, как оценку «неудовлетворительно» на экзамене по вызовам той современности. Но так ли уж сильно мы «модернизировались» с 1991 года к лету 2010 года без явных репрессий? По части изощренности преступного элемента, пожалуй, да. А по остальным показателям? И как влияют на состояние коррупции в стране постоянные призывы к борьбе с ней? И как влияют постоянные «уговоры» вести себя законопослушно? Здесь уместно сослаться на общеизвестные данные о пораженности коррупцией ряда структур нашей страны. Конкретизировать данные о коррупции в интересующей его области сможет каждый желающий.

Можно сказать и так. Понимание масштабов сталинских репрессий невозможно без сравнений. К этому вынуждает сама структура мифа, представляющая события в СССР 1930–1950-х годов в виде уникального зла, не имеющего аналогов в развитых странах. А отсюда вопрос об уникальности явления становится, таким образом, одним из важнейших. При этом нужно понимать, что научная ценность таких сравнений стремится к нулю, область их применения — чистая идеология. Для получения результата, претендующего на научность, имеет смысл сравнивать сопоставимые сущности. В случае с репрессиями 30–50-х годов таким объектом исследования мог бы стать лишь «другой СССР», прошедший тот же путь, но иными методами, без малейших репрессий [15].

Во все времена народ, очевидно, поддерживал репрессии, направленные против лиц, которые оторвались от народа. А сам «отрыв» мог происходить по разнообразным направлениям (религиозный, имущественный, мировоззренческий, этический и другие виды «отрывов»). Репрессии могли идти по только одной из линий «отрыва». А могли быть репрессии сразу по двум или более линиям «отрывов». Но, в любом случае, очевидно, линии «отрывов» должны были быть просто

объясняемыми и легко понимаемыми народом. Поэтому-то так трудно было одному из участников известного совещания по «культуре» при Хрущеве объяснить колхозникам в далеком сибирском районе, кто такие «оторвавшиеся от народа абстракционисты», по какой именно линии они «оторвались» от народа и в чем этот «отрыв» заключается. Возможно также, что репрессии рассматривались руководством как меры укрепления государства. «Полезность» или «вредность» репрессий 1930-х годов их сторонники и соответственно противники рассматривают не с научных, а с чисто эмоциональных позиций, в категориях не государственного интереса, а сугубо моральных оценок. Причем с позиций морали настоящего времени, а не 1930-х годов.

Как небольшой отвлеченный экскурс, но, как представляется, тесно связанный с рассматриваемой темой, можно привести следующую историю. «Однажды император Николай II дал прочитать великому князю Николаю Николаевичу-младшему письмо, направленное на высочайшее имя одним адмиралом. Письмо содержало совершенно идиотские оправдания цусимского разгрома русского флота. А сей адмирал и был весьма причастен к разгрому. Когда великий князь прочитал письмо, император спросил его: “После такого письма ты бы хотел быть русским царем?” Тот ответил: “Нет, после такого письма я не хотел бы быть русским царем. Но мне бы очень хотелось стать палачом при русском царе”». Обычно подобные тенденции в моменты опасности для государства повсеместно возникают не только в «верхах», но и в «низах». Но если эти тенденции будут реализованы «снизу», то всегда есть опасность их перерастания в полномасштабную гражданскую войну. Поэтому-то многие политики отчетливо понимают, что для государства гораздо лучше реализовать их «сверху» и контролируемо, чем «снизу» и безбрежно.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов нам было сказано: «Любой ценой обогащайтесь!» Причем «любой ценой» было поставлено на первое место. К каким результатам это привело наше общество — известно всем и каждому. Вот пример отношения ряда людей к окружающему. По радиостанции «Эхо Москвы в Санкт-Петербурге» идет передача о трагедии в Перми. Там сгорел ночной клуб «Хромая лошадь». На 10 декабря 2009 года насчитывалось уже 136 жертв и около 100 человек находилось в больницах. Одна из участниц радиопередачи рассказала достаточно типичный случай: «В подземном паркинге, прямо у таблицы, предупреждающей о пожароопасности объекта и запрещении курения, стоит мужик и курит. Я сделала ему замечание. Мужик спрятал сигарету в кулак и сказал: “А я немножко. Только чуть-чуть. Потихоньку, пока никто не видит”». Сие укладывается в известную поговорку: «После меня хоть трава не расти». По нашему мнению, это великолепнейшая иллюстрация того обстоятельства, почему очень многое у нас идет через одно место. И почему с подобными явлениями боролись такими методами. Можно вспомнить одно выражение о реформах Петра I: «Он боролся с дикостью дикими средствами». И одно из обоснований репрессий — попытка хоть как-то ввести «в разумление» подобного рода субъектов.

По поводу замечания некоторых авторов относительно того, что репрессии на местах имели «ужасный характер». Возьмем примеры из современности. Министр внутренних дел РФ дает указания по линии ГАИ. Они явно направлены на благо автомобилистов и пешеходов. Во что эти указания зачастую превращаются в руках рядовых инспекторов ДПС при практическом их воплощении в жизнь, думается, никому не нужно особо разъяснять. Поэтому можно, перескочив сразу через семьдесят с лишним лет, обратиться к современности. «Сейчас у нас якобы демократия. Но в “ментовках” лупят

задержанных так, что и недели-то не проходит без сообщений о том, что позорящие честь офицеров милиции отдельные твари в серомышиной форме кого-то не забили бы насмерть» [16]. Так почему репрессиями 1930-х годов мы пугаем друг друга в наши дни?

Многие политические аналитики пытаются ратовать одновременно и за элементы наследия Сталина (атомная бомба, ракеты, индустриальная мощь или ее остатки), и за элементы наследия Хрущева (антисталинизм, «демократия» в ее специфически хрущевском понимании). Но перед глазами необходимо все время держать пример попыток Горбачева быть одновременно и Лютером, и Папой Римским. А в особенности помнить, чем закончилась и к чему привела в будущем его политическая эквилибристика.

Вот, на наш взгляд, хорошая иллюстрация к пониманию репрессий их современниками. 12 августа 2010 года радиостанция «Эхо Москвы» сообщила, что по обвинению в коррупции отстранен от должности высокопоставленный чиновник Администрации Президента РФ и в отношении него возбуждено уголовное дело. Можно задать вопрос любому встречному: «Как вы предполагаете, этот чиновник был обвинен в вымогательстве взятки — “отката” необоснованно или обоснованно?» Думается, что в глазах рядовых граждан, хорошо знающих окружающую их повседневную жизнь страны, данный вопрос будет иметь сугубо риторический характер. Мы видим много примеров, когда вышестоящее начальство уговаривает нижестоящих начальников не воровать или, если без этого уж совсем никак нельзя, то, по крайней мере, не заворовываться. Нижестоящие начальники с покорностью благодатно кивают головами и продолжают. И продолжают... И продолжают... Таких нижестоящих выкидывают с должностей только тогда, когда их финансовые и прочие шалости приобретают характер безобразности громад-

ной. Точно так же в 1930-х годах современники знали, что представляет собой начальство различных уровней и нисколько не удивлялись, что многих из них расстреливают. Точно таким же манером сейчас никого не удивляет, если начальника сажают за коррупцию.

Итак, подведем некоторые итоги по затронутому настоящей статьей вопросу хотя бы в первом приближении. «Массовые репрессии». Если этот термин в имеющихся источниках вообще правильно, то есть корректно, употребляется, ведь тогда должны быть и немассовые репрессии. Но где и когда они были, нельзя ли привести пример немассовых репрессий? Но это вопрос все же непринципиальный. Так вот, касаясь массовых репрессий. Не были ли они своеобразным компенсационным механизмом в отношении неэффективной или же малоэффективной на определенном этапе судебной системы? Насколько мы осведомлены, такой вопрос в доступной для изучения литературе никакими авторами не ставился. Возьмем аналог, который, может показаться многим людям в чем-то и слишком смелым. В 1990-е годы люди стали обращаться за судом к «браткам» ввиду недоверия к судебным институтам. «Судам» «братков» не очень доверяли, во многих случаях они были несправедливыми, часто жестокими, но люди шли к ним, так как они были быстрыми. А судебным органам не доверяли, также считая их несправедливыми. Но они были медленными. При укреплении государства к «браткам» для их «судов» стали обращаться гораздо реже. Но в случае, если наше предположение окажется истинным, есть и существенное отличие. Инициатива обращений к «судам» «братков» исходила от граждан, то есть «снизу». А инициатива репрессий путем рассмотрения дел на «тройках» исходила «сверху». Можно предположить, что в 1930-е годы, как и в 1990-е, причиной было недовольство слишком медленным темпом прохождения дел в судах

общей юрисдикции. И еще несколько замечаний. Первое. История репрессий в СССР в большой мере сфальсифицирована. Второе. Нет единообразного понимания периода репрессий в СССР. Некоторые этим периодом считают время с 1918 по 1991 год. Другие относят к ним 1930–1953 годы. Иные же — только 1937 и 1938 годы. Третье замечание. Относительно общеполитической обстановки в Европе. Германия вооружалась, то есть с ее стороны опасность для СССР постоянно и стремительно увеличивалась. А со стороны Англии опасность для СССР отнюдь не уменьшалась. Четвертое. Репрессии, очевидно, повлекли и еще одно последствие, которое не очень заметили авторы, пишущие на эту тему. Репрессии, очевидно, позволили резко сузить социальную базу потенциально возможной масштабной гражданской войны. Здесь возникает закономерный вопрос. Что лучше? Провести «репрессии сверху», предотвратив межклановые разборки и выкорчевав несколько десятков тысяч человек, или получить «репрессии снизу» в виде так обожаемой Лениным гражданской войны на истощение народа? И в ходе «репрессий снизу» получить уже миллионы и десятки миллионов жертв. В результате как репрессий, так и прочих действий периода 1937–1938 годов СССР завершил движение к созданию практически монолитного общества. И что важно, такое движение было завершено за очень короткий промежуток времени. А с точки зрения внешней политики европейские события, вектор которых был явно направлен в сторону Большой Войны, развивались также очень быстро. Предоставим возможность высказаться компетентному автору: «...в репрессиях Сталина видны вовсе не симптомы шизофрении и не его садизм, развившийся у него в детстве. В репрессиях эпохи Сталина четко видна логика. Страшная, жестокая, но логика. Логика построения “реального социализма”. ...Резим Сталина ужасен? Несомненно.

Но в политике очень часто приходится выбирать не между хорошим и лучшим, а между плохим и еще худшим. Альтернативы Сталину еще более кошмарны» [17].

По современному же прочтению репрессии, если бы их развернуть в наши дни, с большой долей вероятности выглядели бы следующим образом. На заседание «тройки» вводят виновного. Председатель «тройки» го-

ворит ему: «Давайте, раз уж вы попались, быстренько распилим все ваши активы пополам. 50% достанутся мне, а 50% вам. А я скажу, что вас расстрелял. И все останемся довольными этим результатом борьбы с преступностью». Оставляем нашим читателям самим попытаться решить, что такое репрессии и чем они были для государства и общества, если их брать в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумейко И. Вторая мировая. Перегрузка. М.: Вече, 2007. С. 261.
2. Там же. С. 316.
3. Буровский А. М. 1937. Контрреволюция Сталина. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 246.
4. Там же. С. 253–254.
5. Демоническое. История уголовно-политического террора в биографиях / Под ред. О. Гусева, Р. Перины, А. Факеева. СПб.: ЛИО Редактор, 2003. С. 28.
6. Таубман У. Хрущев. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 139.
7. Там же. С. 123.
8. Там же. С. 135.
9. Там же. С. 157.
10. См.: Там же. С. 717.
11. Мартиросян А. Вдохновитель репрессий или талантливый организатор? 1917–1941 гг. М.: Вече, 2010. С. 127–128.
12. Лысков Д. Ю. 1937. Главный миф XX века. М.: Эксмо; Яуза, 2010. С. 14–15.
13. См.: Там же. С. 17.
14. Ванюков Д. А., Суслов И. В. Годы репрессий. М.: ООО ТД «Издательство “Мир книги”», 2007. С. 114–115.
15. См.: Лысков Д. Ю. Указ. соч. С. 28.
16. Мартиросян А. Указ. соч. С. 268.
17. Буровский А. М. Указ. соч. С. 277–280.

Е. С. Роговер

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Памяти большого Поэта

Ушел из жизни художник слова, значение которого в нашей жизни столь огромно, что мы еще не можем осознать масштаб сделанного им в культуре и размер случившейся утраты.

Вознесенский в нашу поэзию не пришел, а ворвался, сразу набрав высокую скорость, стремительность полета и значительную высоту. Недаром он одновременно (1960) выпустил два превосходных сборника — «Мозаика» и «Парабола», сразу получивших широкую известность и запечатлевших многие особенности его дарования.

К тому времени его поэтический талант высоко оценил Борис Пастернак, а сам он уже окончил Московский архитектурный институт, выбрав, однако, трудную дорогу поэта. Но примечательно, что первую книгу он посвятил древнерусским зодчим, строителям храма, причем необычного и крамольного. С тех пор архитектурные мотивы будут часто звучать в его стихах. И тогда, когда он будет упоминать Корбюзье, и тогда, когда речь будет идти о Загорской лавре, о горном монастыре, муромском срубе, «двух соборах», панораме Новосибирска, лунной Нерли, вечере на стройке, храме Григория Неокесарийского, новом Арбате, пожаре в Архитектурном институте. Одно из стихотворений поэта так и называется «Архитектурное». Нередки в стихах Вознесенского архитектурные детали. Так, в стихотворении «Елка» упоминаются «кариатиды», в поэме «Бой!» — «стропила». Но гораз-

до важнее присущее Вознесенскому архитектурное видение окружающего. Семь глав книги «Мастера» он ассоциирует с семью главами храма, а позже семь разделов сборника «Витражных дел мастеров» названы «сколами». Нередко возникает ощущение, что поэт «строит» свои стихотворения из различных материалов, которые при всем своем различии вступают в прочную, цементированную связь.

Вознесенскому всегда было свойственно не только архитектурное, но и живописное видение мира. Его эпитеты тяготеют к яркости, цветности, изобразительности. Недаром в стихотворении «Открытие ГЭС» он провозгласил: «Мы — противники тусклого». В Сибири, в этом «блещущем крае», он видит, как «широченные русла» «быстриною блестят», замечает «белозубые улыбки». А в Загорске любит девчонками, что «падки на синие глаза», тем более что у парней здесь «нестерпимо синий, нестеровский взор». Примечательно, что героями Вознесенского становятся художники всех времен: «огненно-рыжий» Гоген; божественный Ренуар, которому, однако, слабовато до «сибирских «ню»»; Рубенс с его «цветастой грубостью»; пламенный Гойя, запечатлевающий в гравюре тело «повешенной бабы». У поэта стонет меланжевый Микельанджело, а из Врубеля шьют дырявые джинсы. Он посвящает Р. Гуттузо одно из своих стихотворений, а в облике этого художника усматривает

схожесть с сивиллами. Встречу с Шагалом он запечатлел в адресованных ему стихах. Во флорентийских мадоннах он усматривает «рублевский изгиб», а Модильяни называет «лебединым». В последние годы Вознесенский был увлечен «видеомами», в которых новаторски совмещал стихи и рисунки, шрифтовые построения с фотографиями. Визуальная поэзия, по мысли автора, должна была соединить зрительное восприятие с духовным. Изобразительный ряд его стихов ощущается и в тематике, и в языке, и в оформлении его книг.

Однако для Вознесенского в гораздо большей степени характерно мышление, отражающее научно-технический прогресс, его динамику, стремительность. Ему свойственны яркая метафоричность, неординарная ассоциативность, энергия ритмов, неожиданность рифм, напор, размах, обилие гипербола. Достаточно припомнить его призыв: «Эх, присядку, / Чтоб пятки — в небеса!» или его образ: «Земля мотається в авоське меридианов и широт», или его определение улыбки — «в миллиард киловатт». Поэт напоминает, что живет в век кибернетики и атома, научных исканий и технических достижений. Белых рыбин бока он предпочитает сравнивать с турбинами. К числу самых «вознесенских» его стихов относится «Параболическая баллада», где о судьбе говорится, что она «как ракета, летит по параболе. / По-разному круто и редко — по радуге». Темп творчества самого поэта походил на этот взлет ракеты-судьбы. Ведь и самое звучание его фамилии предполагало быстрое его «вознесение». Подтверждая эту семантику, он выпускает один за другим свои сборники: «Треугольная груша» (1962), «Антимиры» (1964), «Ахиллесово сердце» (1966).

В шестидесятые годы Вознесенский становится одним из лидеров молодой поэзии, авторы которой предпочитают выступать на эстраде, читать громко, сопровождая слово сильным жестом, пользуясь лозунгом, призывом, метким афоризмом, которые мощно зву-

чали с трибун, сцен, со стадионов. Рядом были единомышленники: Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский. Эти выступления призваны были раскрепощать людей, освобождать их от страхов и догм, сохранявшихся от прежней эпохи, вселять дух свободы и непокорности. Это не было диссидентством, это был отклик на веление времени, на атмосферу оттепели.

В когорте шестидесятников у Вознесенского был свой голос и свое творческое лицо. Он обращался преимущественно к интеллектуалам, славил творцов, поэтизировал настоящее, занимался о форме стихов, использовал мозаичность как прием, совмещающий явления несовместимые. Поэтому рядом с самоваром у него оказывается ТУ-104, а с научными терминами соседствовали просторечия, жаргонизмы и молодежный сленг («он дал кругля», «точит лясы», «шарага», «на мотоцикле шпарить», «облупленные морды», «как сто чертей»). Вознесенский обожает в эту пору парадокс, гротеск, максималистское утверждение, нарочитую грубость, проведение сквозного мотива, любит оксюморон, в котором сходятся слова со взаимоисключающим смыслом.

В семидесятые годы темпы творчества Вознесенского возрастают. Выходят сборники «Тень звука» (1970), «Взгляд» (1972), «Выпусти птицу!» (1974), «Дубовый лист виолончельный» (1975), «Витражных дел мастер» (1976), «Соблазн» (1979). В этот период углубляются нравственные и эстетические искания поэта. Хотя мастер принципиально не входил в какие-либо творческие школы, сохраняя свою самобытность, он, по существу, продолжал футуристическую линию русской поэзии. Он во многом тяготеет к поэтической практике Маяковского, его метафоричность родственна образности Пастернака, интерес к словотворчеству у него идет от В. Хлебникова. От футуризма у Вознесенского заметный урбанизм (например, в стихотворении «Ночной аэропорт в Нью-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Йорке»), установка на ораторские интонации, культ прогресса, полемичность («Ода сплетникам») и некоторая склонность к эпатажу, неприятие «пережитков прошлого», любовь к гиперболе, намерение «делать» стихи и рассматривать их как «вещь», возрастающий рационализм (причудливо соединенный с яркой эмоциональностью), лозунговость («Долой Рафаэля!»). От кубофутуризма — идея и обобщение, и упрощение формы (треугольная груша, дубовый лист виолончельный).

Постоянно апеллируя к настоящему и современности, Вознесенский, однако, не отвергает культуру предшественников и высоко ставит созданное старыми мастерами.

Баталии, которые возникали вокруг поэта, были не случайны. Вознесенский мужественно выдерживал наскоки, надуманные обвинения в формализме и комформизме. Спокойно поэт принял упрек, брошенный в «Правде», в том, что его «дерзкая образность вытесняет четкость мысли»¹. Труднее было пережить гневный выпад Н. С. Хрущева, который набросился на поэта во время встречи с деятелями культуры в Кремле, хотя популярность Вознесенского после этого наскока возросла и поэт пригласил в свою резиденцию президент США. Значительно сложнее было перенести длительную травлю «дорогих литсобратьев». Вознесенский отразил эти обстоятельства своей и общественной жизни в стихотворениях «Охота на зайца» и «Оленья охота», где звучит среди общего шума знаменательная фраза: «Травля! Травля! Сквозь лай и гам».

Но поэт упорно трудится и создает ряд интересных поэм: «Лонжюмо» (1963), «Лед-69» (1970), «Повесть под парусами» (1971), «Вечное мясо» (1973), «Андрей Палисадов» (1980). Среди них особое место заняла поэма «Оза», раскрывающая новым языком тему любви. Героиня по имени Зоя, превращенная в обстоятельства господства антимиров в Озу, предстает в изображении поэта в ореоле поклонения Прекрас-

ной Даме, напомнив о поэзии Блока. Лирический дар, присущий Вознесенскому, ярко раскрылся и в таких его вещах, как «Противостояние очей», «Осень», «Песня Офелии». Вознесенский поднимает свой голос в защиту женщины и ее достоинства («Бьют женщину», «Монолог Мерлин Монро»).

Высокая гражданственность, присущая Андрею Вознесенскому, темпераментно проявилась в поэме «Ров», отразившей события на Симферопольском шоссе и судебный процесс 1984 года в Москве, когда судили мародеров-извергов, которые по ночам раскапывали захоронения 12 тысяч мирных жителей, главным образом евреев, расстрелянных фашистами, и срывали с зубов золотые коронки. Гневно и страстно писал поэт о чудовищном злодеянии:

Связь распалась времен?

Психиатра — в зал!

Как предотвратить бездуховный процесс,
Что условно я «алчью» назвал!!!

Все чаще о Вознесенском стала высказываться пресса, выражая свое удивление и восхищение перед яркой талантливостью художника слова. Известный поэт, друг Маяковского, Николай Асеев выступил в «Литературной газете» с интересной статьей «Как быть с Вознесенским?», где он писал о «взлете в стратосферу искусства», который осуществил молодой поэт, о его родственности с творчеством Маяковского и о выражении новой эстетики².

О Вознесенском восторженно писали Валентин Катаев и Виктор Шкловский, теоретики поэзии Л. Тимофеев и А. Квятковский. Поэт В. Боков говорил в «Юности» о новом «чуде поэзии»³. Е. Евтушенко проникательно выявлял грани дарования Вознесенского: «Он соединил русский перепляс (“Мастера”), синкопы современного джаза (стихи об Америке) и бетховенские раскаты (“Гойя”), трагический захлеб Цветаевой неожиданно перебивается лихой четкой ран-

него Кирсанова. Лирическая, хрупкая тема — гротесковыми, почти зошениковскими пассажами. Эта резкость перебивов пугала любителей плавных, наигранных гамм»⁴.

В этом высказывании соратник Вознесенского не случайно обратил внимание на музыкальное начало поэзии друга. Это начало хорошо ощущается в «Романсе», в своде сонетов, созданных в середине 70-х годов и посвященных Микельанджело, в «Вальсе при свечах», «Песне», «Испанской песне» и во многих других вещах Вознесенского, в сборнике «Тень звука». Примечательно, что когда в 1970 году Вознесенский закончил поэму «Авось», ее положил в основу своей рок-оперы ««Юнона» и «Авось»» композитор А. Л. Рыбников, а М. Захаров поставил ее в Театре Ленкома. Драматизм и зрелищность стихов Вознесенского подтверждается и тем, что на основе его стихов Юрий Любимов поставил в Театре на Таганке спектакль «Антимиры», Р. Гринберг осуществила в Ивановском молодежном театре сценические композиции по сборникам «Парабола» и «Мозаика», Р. Щедрин создал «Поэторию» на стихи А. Вознесенского, а А. Николаев — ораторию «Мастера».

Поэзия Вознесенского завораживает не только своей музыкой, но и афористическим звучанием его стихов. Вспомним:

«Стоять на своем — это смело, / Смелее — идти на своем»;

«Любитель гвоздик и флоксов / В Майданеке сжег полглобуса»;

«Нищий любит сберкнижки коллекционировать»; «Фиалки имеют хобби / Выращивать в людях грусть»; «Над стихами не работают — живут ими»; «Отечественная литература — Отечественная война»; «В меня прицеливаются булыжником, Поэтому я делаю виражи».

Вознесенский объездил весь мир, везде являясь неофициальным «полпредом» России. За свои заслуги перед литературой он удостоен звания лауреата Государственной премии СССР (1978), награжден орденом Трудового Красного Знамени (1983). Он — действительный член Российской академии образования. Вознесенский — почетный академик Американской академии искусств и литературы, Национального института искусств и литературы в Нью-Йорке, Баварской академии изящных искусств, Французской академии им. С. Малларме, Гонкуровской академии, Европейской академии, Академии наук Латвии.

Смерть Андрея Вознесенского, наступившая в июне 2010 года после двух перенесенных инсультов, — невосполнимая потеря для нашей поэзии, для мировой культуры в целом.

Л и т е р а т у р а

1. Правда. 1978. 22 сентября.
2. Асеев Н. Как быть с Вознесенским? // Лит. газета. 1962. № 92. 4 авг.
3. Боков В. Чудо поэзии // Юность. 1975. № 12. С. 77–78.
4. Евтушенко Е. Талант есть чудо неслучайное. М., 1980. С. 226.

Материал опубликован по инициативе Реставратора — Андрея Павлова-Арбенина

Г. Р. Державинъ

Христось¹

«Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2006.
Издание подготовил Дмитрий Савельев.
<http://imwerden.de>

Никтоже приидеть ко Отцу, токмо мною.

Иоан. гл. 14, ст. 6

1

О Сый, котораго перомъ²,
Ни бrenнымъ зрѣніемъ, ни слухомъ³,
Ниже витійства языкомъ
Не можно описать, а духомъ⁴
И вѣрой пламенной молить!
Твоею благодатью плѣнный,
Какъ бы на небо восхищенный⁵,
Тебя дерзаю я гласить⁶. —

2

Тебя; — но кто же сущій Ты,
Что человекомъ чтимъ и Богомъ?
Лице, какъ солнца красоты!⁷
Хитонъ, какъ снѣгъ во блескѣ многомъ!
Изъ ребръ нетлѣнныхъ льется кровь!⁸
Лучи — всю плоть просіявають!
Небесный взоръ, уста дышаютъ
Сладчайшимъ благовѣстьемъ словъ!

3

Кто Ты, — что къ намъ сходилъ съ небесъ
И паки въ нихъ вознесся въ славѣ?⁹ —
Вовѣкъ живой и тамъ и здѣсь

Несмѣтныхъ царствъ своихъ въ державѣ¹⁰,
 Въ округѣ и срединѣ сферъ.
 Хлѣбъ жизни и животъ струй вѣчныхъ¹¹,
 Самъ святъ, безгрѣшенъ; а всѣхъ грѣшныхъ
 Единая къ спасенью дверь!¹²

4

Кто Ты, — кого изъ древнихъ лѣтъ
 Сивиллы, маги и пророки¹³
 Приходъ предвозвѣстили въ свѣтъ;
 Полкъ горнихъ силъ сквозь блескъ далекій¹⁴
 Дивился съ трепетомъ кому,
 Что Бога и Царя небесна,
 Безсмертна суща, безтѣлесна,
 Сходяща видятъ смерти въ тму?

5

Кто Ты, — въ которомъ сквозь эфиръ¹⁵
 Съ горы ниспадшій зрѣлся камень,
 Кѣмъ міра сокрушенъ кумиръ;
 Тотъ лѣпный юноша, что пламень¹⁶
 Внутри печи въ росу претворилъ,
 И прежде, чѣмъ на свѣтъ явился,
 Во тмѣ чудесь предобразился
 И чаяньемъ языкомъ былъ?¹⁷

6

Кто Ты, — котораго звѣзда¹⁸
 Чась возвѣстила въ міръ явленья,
 Казала путь къ кому ведя
 Царямъ, волхвамъ для поклоненья;
 Чей тронъ не въ златѣ средь порфиръ,
 Но въ вертѣ*, въ ясляхъ былъ возвышенъ¹⁹,
 * «Въ вертепѣ». Д.
 Надъ кѣмъ ликъ ангеловъ былъ слышенъ:
 Сошелъ во человѣки миръ!

7

Кто Ты, — вспять Іорданъ бѣжалъ²⁰,
 Кого омыть съ стремленьемъ шумнымъ,
 Въ пустынѣ свѣтъ осіявалъ;
 Гласъ Агнцемъ проповѣдалъ чуднымъ²¹,
 Могущимъ всѣхъ грѣхи подъять.
 Таинственнымъ страша всѣхъ слухомъ,
 Что, не родясь водой и духомъ²²,
 Небесъ не можно достигать.

8

Кто Ты, — что отверзалъ слухъ, взоръ
Глухимъ, слѣпымъ — прикосновеньемъ²³;
Кротилъ свирѣпость бурь и морь²⁴
Единымъ перста мановеньемъ?
И не Тебѣ ль былъ сонмъ духовъ²⁵
Послушнымъ, всякая стихія,
И гласъ не Твой ли изъ земныя
Взывалъ утробы мертвецовъ?²⁶

9

Не Ты ль величественный мужъ
Во славѣ, въ блескѣ несказанномъ²⁷
Между живыхъ и мертвыхъ душъ²⁸
На холмѣ зрѣлся лучезарномъ,
Какъ нѣкій дивный властелинъ
И днешня и грядуща міра?
Надъ коимъ громъ гремѣлъ съ эмпіра:
«Се мой возлюбленнѣйшій Сынъ!»²⁹

10

Какъ! — Неба сынъ Ты? — ужасъ, мракъ
Мои всѣ пробѣгаютъ кости!
Ты Богъ? — но Твой поруганъ зракъ
Отъ человѣческія злости!
Окровавленны красоты!
Съ злодѣями на древѣ крестномъ³⁰
Висишь въ томлени скорбномъ, смертномъ,
Блѣднъ, бездыханенъ, мертвъ! — Кто жъ Ты?

11

Кто Ты? — и какъ изобразить
Твое величье и ничтожность,
Нетлѣнье съ тлѣньемъ согласить,
Слить съ невозможностью возможность?
Ты Богъ, — но Ты страдалъ отъ мукъ!³¹
Ты человѣкъ, — но чуждъ былъ мести!³²
Ты смертенъ, — но истнилъ скиптръ смерти!³³
Ты вѣченъ, — но Твой издше духъ!³⁴

12

О тайнъ глубокихъ океанъ!
Пучина дивъ противоборныхъ!
Зачѣмъ сходилъ Ты съ звѣздныхъ странъ

И жилъ въ селеніяхъ юдольныхъ?
Творецъ Ты, — могъ все съ высоты;
Ты тварь, — почто же трепетала³⁵
Вся твердь, какъ жизнь Твоя увяла?
Открой, открой себя мнѣ Ты!

13

Открой себя, открой, молюсь!
И се — гласъ слышу сердца въ дверяхъ:
«Доколь воплю, доколь толкусь³⁶
Воскреснуть въ хладныхъ маловѣрахъ?
О свѣта сынъ! о рабъ днесъ тмы!
Свлеки съ себя покровъ твой бренной
И мыслью, вѣрой воскрыленной
Мой Промыслъ о себѣ вонми:

14

Премудрость, сила и любовь,
Богъ духъ, въ трехъ свѣтахъ Свѣтъ ввѣкъ живой³⁷,
Единствомъ тройчнымъ до вѣковъ
Въ своемъ совѣтѣ положивый
Свою въ тмѣ славу проявить,
Воззвать изъ безднъ созданье ново
Послалъ едиnorodно Слово³⁸,
И словомъ: — тма — вселенной бысть»³⁹.

15

Изобразилось естество,
Незримое всезримымъ стало
И въ человѣкѣ Божество,
Какъ солнце въ морѣ, возсіяло!
Все покорилося ему⁴⁰,
Что благъ былъ, кротокъ, чистъ, незлобень
И во зеркалѣ какъ подобень
Творцу безсмертну своему⁴¹.

16

Но поелику созданъ онъ⁴²
Съ свободною душой изъ персти;
То обаялъ мечтаній сонъ
Его и ухищренье лести⁴³:
Онъ, въ красоту свою влюбясь,
Возмнилъ быть Богъ — и возгордился,
Отъ Единицы отклонился
И отблескъ въ немъ Ея погасъ.

17

Погась! — палъ въ тму вселенной царь,
Нетлѣнье превратилось въ тлѣнье⁴⁴;
Ему совоздыхая тварь⁴⁵,
Доднесь страстей своихъ въ бореньѣ,
Вѣкъ будетъ въ прѣ — не утолитъ
Доколь гнѣвъ Отчъ сей низкой долей⁴⁶,
Что волей палъ, и той же волей
Себя къ Нему не возвратить,

18

И плоти не отвергнетъ такъ⁴⁷,
Ничто чтобъ духъ не отягчало;
Но палъ какъ въ толь глубокий мракъ,
Что силъ его возстать не стало⁴⁸;
То тутъ Любовь, времянь въ исходъ⁴⁹,
Сошла смирить страстей злыхъ ревы:
Сый возсіялъ отъ чистой Дѣвы,
Какъ солнца лучъ отъ чистыхъ водъ!

19

Имъ пробудилось божество,
Уснувшѣ чувствъ отъ обольщенья,
Духовно свѣта существо,
Какъ искра камня отъ біенья,
Вспрянуло, — и явился Богъ
Въ плоти его страданьемъ Слова:
На свѣтъ Имъ трисвятый зрѣть снова
Адамъ сподобиться возмогъ.

20

Адамъ бы падши не возсталъ,
Когда бъ въ Христѣ не воскресился,
Не воскресясь — не возсіялъ,
Не возсіявъ — не возродился
Въ блаженство первородно вновь.
Се, какъ смиреніемъ, терпѣньемъ,
Страданьемъ, скорбью, умерщвленьемъ
Возводитъ всѣхъ къ себѣ Любовь!

21

Такъ подлинно, безъ плоти духъ
Не могъ въ тлѣнь пасть. Безъ духа жъ силы
И плоть слаба духовъ втечь въ кругъ

Къ землѣ съ прикованными крылы:
То по совѣту трисвяту,
Скудель въ санѣ серафимскѣ возставить,
Безсмертьемъ смертнаго прославить
Предоставлялося Христу.

22

И Имъ со славой, съ торжествомъ
Явилась міру Божья сила:
Какъ западъ, насъ златымъ лучомъ⁵⁰
Святая кровь Его покрыва,
И освѣтила благодать,
Давъ область въ чадъ Его вчиняться⁵¹,
Младенцевъ смысломъ умудряться⁵²
И разумъ вѣрѣ покорять, —

23

Чтобы, надѣясь на Его
Одну мы благость, милосердье,
Могли искать себѣ того
Наслѣдна, прежня озаренья,
Имъ кое только можно зрѣть:
Святымъ внутрь духомъ очищаясь,
Живясь, свѣтлѣясь, возвышаясь,
Любовью къ Божеству горѣть.

24

Се, что есть Сый, что есть Христось,
Что Бого-Человѣкъ, что Слово:
Онъ самый тотъ, который взнесъ
Духовно и тѣлесно въ ново
Тѣмъ бытіе, что, стражда самъ,
Всѣмъ подалъ ясные примѣры⁵³,
Какъ силой доблести и вѣры
Входитъ возможно къ небесамъ!

25

Такъ, Онъ единъ: никто другой
Слѣпца привести не можетъ къ свѣту,
Потерянному чувствъ стезей;
Лишь словомъ устъ Его согрѣту
Внутрь вскрыться могутъ очеса.
Поить струей Онъ вѣчной жизни
И сладость древнія отчизны
На землю сводить, небеса.

26

Онъ — спедша Истина съ небесъ,
Онъ — Добродѣтель воплощенна,
Отерша токи смертныхъ слезъ.
Въ лицѣ подобострастна тѣна
Сходилъ Онъ къ смертну естеству⁵⁴
Отъ узъ грѣховныхъ міръ избавить,
На прежней степени поставить
И уподобить Божеству.

27

Такъ, безъ Него никто къ Отцу⁵⁵
Его приблизиться не можетъ.
Безъ Сына дверь наградъ къ вѣнцу
Таинственную не проторжетъ.
Живетъ въ Отцѣ, Отецъ же — въ Немъ⁵⁶;
Безднѣ, неба и земли посредникъ,
Ходатай, вождь, всѣхъ благъ наслѣдникъ⁵⁷
И подвигоположникъ Онъ.

28

Предвѣчной Правдѣ, трисвятой
Противно бѣ было безконечно,
Чтобъ смертный за проступокъ свой
Предъ Вѣчнымъ не былъ виненъ вѣчно.
Кто жъ Бога удовлетворить?
Лишь Сынъ Его изъ милосердья,
Взявъ на себя всѣхъ преступленья⁵⁸,
Возмогъ міръ миромъ примирить⁵⁹.

29

Се есть Христовыхъ цѣль заслугъ:
Да благость сблизить съ правосудьемъ,
Да воцарить надъ тѣломъ духъ, —
И сихъ великихъ дѣлъ орудьемъ
Онъ пребылъ Самъ, что Самъ страдалъ:
Онъ могъ призвать въ защиту громы;
Но, волею на казнъ ведомый,
Своей Онъ смертью смерть попралъ.

30

И чрезъ примѣръ явилъ сей свой,
Что не мірскія наказанья
На лобномъ насъ мрачатъ хулой⁶⁰,

Равно и не коронъ сіянья
 Богоподобными творять;
 Но правда, вѣра, добродѣтель
 Ввѣкъ провозвѣстникъ и свидѣтель
 И блескъ неложный свѣта чадъ.

31

Се тако Іисусъ всѣхъ спасъ
 И познанъ Человѣко-Богомъ,
 Что такъ ни чей покоить гласъ
 И сладость въ насъ лить въ бѣдствѣ строгомъ
 Не силенъ, какъ Его единъ.
 Бывъ выше всѣхъ, — училъ быть низшимъ⁶¹,
 Любить враговъ, и сердцемъ чистымъ⁶²
 Молилъ за нихъ лишь Божій Сынъ.

32

Онъ Царь, Законодатель тотъ,
 Что устъ своихъ однимъ глаголомъ
 Ко благу общу всѣхъ ведетъ,
 Равняетъ хижину съ престоломъ:
 «Просящему, — речетъ Онъ, — дай⁶³,
 Болящаго призри въ больницѣ,
 Печальнаго утѣшь въ темницѣ,
 Голодна, жадна напитай».

33

Первосвященникъ Онъ, Пророкъ⁶⁴,
 Кой вѣрющимъ въ Него любовью
 Себя далъ вѣры ихъ въ залогъ,
 Запечатлѣвъ завѣтъ свой кровью⁶⁵,
 И такъ его тѣмъ утвердилъ,
 Что Имъ обѣщанный, небесный
 Въ языкахъ огненныхъ чудесный⁶⁶
 Излилъ свой Духъ и научилъ:

34

Былинки злобно не сломить⁶⁷,
 Но быть всѣмъ кроткимъ, всѣмъ радушнымъ,
 Лишь по себѣ другихъ судить⁶⁸,
 И не чрезъ рать себѣ послушнымъ
 Быть міру, но чрезъ рыбъ-ловцовъ⁶⁹
 Простыхъ велѣлъ, — и синагоги,
 Ареопагъ имъ палъ предъ ноги⁷⁰:
 Се силенъ какъ законъ Христовъ!

35

Христось весь благодѣ, весь любовь,
Блескъ свойствамъ даже трисвященнымъ;
Весь кругъ бы безъ Него міровъ⁷¹
Неполнымъ былъ, несовершеннымъ.
Богъ-Умъ могъ все предначертать,
Богъ-Мощь — все создать; любви жъ безъ Бога
Могли ль премудрость, сила строга
Горѣ къ себѣ сердца воззвать?

36

Такъ, Богъ и дивенъ и великъ
Намъ паче воплощеньемъ Сына:
Могъ плоть и духъ создать Онъ вмигъ,
Но связь сихъ крайностей едина
Всѣхъ удивительнѣй чудесь!
Адамъ пусть волею палъ злою;
Но взнесся плотью онъ святою
Въ Христѣ превыше всѣхъ небесъ.

37

Отецъ и Сынъ и Духъ Святой,
Незримый Свѣтъ тріипостасный;
Но въ плоти Сынъ пріявъ черты,
Какъ человѣкъ подобострастный,
Открылъ Себя и научилъ
Чтить Бога истиной и духомъ⁷².
Кумировъ свергъ своимъ Онъ слухомъ,
Какъ силу ада сокрушилъ⁷³.

38

Христось насъ Искупитель всѣхъ⁷⁴
Отъ первороднаго паденья.
Онъ свѣтъ, — тмой необъемлемъ ввѣкъ⁷⁵;
Но тмится внутрь сердецъ невѣръ⁷⁶,
Свѣтятся на лонѣ у Отца⁷⁷.
Христа нашедши, все находимъ⁷⁸,
Эдемъ свой за собою водимъ,
И храмъ Его — святы сердца⁷⁹.

39

О Всесвятой! Превѣчный Сый!
Свѣтъ тихій Божескія славы!
Пролей свои, Христе! красы

На духъ, на сердце и на нравы,
И жить во мнѣ не преставай;
А ежели и уклонюся
Съ очей Твоихъ и затемнюся,
Въ слезахъ моихъ вновь возсіяй!¹⁸⁰

40

Услышь меня, о Богъ любви!
Отецъ щедротъ и милосердья!
Не презрь преклоншейся главы
И сердца грѣшна дерзновенья⁸¹
Мнѣ моего не ставъ въ вину,
Что изъяснить Тебя я тщился, —
У ногъ Твоихъ коль умилился
Ты, зря съ мастикою жену⁸².

¹ Эта духовная ода Державина не имѣетъ ничего общаго ни съ латинскимъ гимномъ Гейнзйуса, въ переводѣ Опица (Dan. Heinsii Lobgesang Jesu Christi), ни съ тѣми многочисленными стихотвореніями на эту же тему, которыя можно найти у подражателей германскаго поэта (см. Гервинуса Geschichte d. deut. Dichtung, т. III, стр. 210 и 234).

Во II-мъ Томѣ нашемъ, въ примѣчаніи къ *Безсмертію души* (стр. 3), мы уже упомянули мимоходомъ, какъ высоко Мицкевичъ ставилъ оду *Христость*, хотя и находилъ начало ея слабымъ. «Le commencement de son ode au Christ est très-faible. Il regarde toujours le Christ comme un souverain: ce?e idée de souveraineté le domine. Il admire surtout l'origine du Christ, sa puissance extérieure, l'éclat de sa gloire. Mais vers la moitié de l'ode le poète est à lui-même, il développe son système, d'ailleurs très-philosophique, il regarde l'homme, d'après quelques-unes des traditions religieuses, comme ayant été créé sans la matière, et comme matérialisé par sa propre faute. Jésus, la lumière divine, arrive pour le relever. Il y a des vers admirables de simplicité et de naïveté; je ne trouve rien de pareil dans les autres ouvrages de Dierzawin {“Начало его оды *Христость* очень слабо. Онъ все смотритъ на Христа какъ на царя; эта идея державной власти у него господствуетъ. Онъ восхищается особенно происхожденіемъ Христа, его внѣшнимъ могуществомъ, блескомъ его славы. Но около середины оды поэтъ становится достоинъ себя, онъ развиваетъ свою систему, весьма философическую, и, основываясь на нѣкоторыхъ религіозныхъ преданіяхъ, признаетъ человѣка созданнымъ безъ матеріи и матеріализованнымъ по собственной своей винѣ. Исусъ, божественный свѣтъ, является къ нему на помощь. Есть стихи изумительные по простотѣ и чистосердечности; ничего подобнаго не нахожу въ другихъ сочиненіяхъ Державина”}

. За этимъ слѣдуютъ строки, уже приведенныя нами въ указанномъ мѣстѣ и содержащія между прочимъ странную догадку Мицкевича, будто поэтъ написалъ оду *Христость* въ первой молодости. Наконецъ Мицкевичъ особенно выставляетъ конецъ 12-й, 13-ю и 15-ю строфы: въ послѣдней онъ находитъ философическую идею.

Ода эта сперва была напечатана отдѣльно въ 1814 году (въ типографіи военнаго министерства), подъ заглавіемъ: *Христость. Свыше Благословенному приношеніе*. Имя автора только въ концѣ. Потомъ 1816 г. въ ч. V, II. Въ 1851 году ода *Христость* была опять издана отдѣльно въ Петербургѣ, Натальею Расторгуевою (въ большую осмужку, 16 страницъ).

Такъ какъ всѣ примѣчанія къ этому стихотворенію ограничиваются ссылками на Св. Писаніе, сдѣланными Державинымъ, то для сбереженія мѣста не выписываемъ подъ текстомъ стиховъ, къ которымъ онѣ относятся.

² Сый, всегда вездѣ пребывающій. Иоанна гл. 1, ст. 18: *Сый въ лонѣ отчи. Д.*

³ Тамъ же : *Бога никтоже видѣ нигдѣже.*

⁴ Къ Коринѳян. первое послан. Павла, гл. 12, ст. 3: *Никто же можетъ рещи Господа Иисуса, точію Духомъ Святѣмъ.*

⁵ Къ Коринѳ. второе послан. гл. 12, ст. 2: *Восхищена бывша до третіяго небесе.*

⁶ Послан. первое Иоан. Богосл. гл. 2, ст. 27: *Помазаніе въ васъ пребываетъ, и оно учитъ вы о всемъ.*

⁷ Матѳ. гл. 17, ст. 2: *Лице его яко солнце.* — Марка гл. 9, ст. 3: *Ризы блестящи яко снѣгъ.*

⁸ Иоан. гл. 20, ст. 27: *Принеси руку и вложи въ ребра моя.*

⁹ Иоан. гл. 3, ст. 13: *Никтоже взыде на небо, токмо сшедшій съ небесе.*

¹⁰ Иоан. гл. 14, ст. 2: *Въ дому Отца моего обители многи суть.*

¹¹ Иоан. гл. 6, ст. 51: *Азъ есмь хлѣбъ животный.* — Тамъ же гл. 7, ст. 37: *Аще кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ, и пьетъ.*

¹² Иоан. гл. 10, ст. 9: *Азъ есмь дверь, мною аще кто внидетъ, спасется.*

¹³ Царица Никавля и она же Сивилла Савская, увидя въ Іерусалимѣ у Соломона не гнѣющее древо, на коемъ около тысячи лѣтъ послѣ распятъ Христосъ, въ изступленіи возгласила: *Се древо, на немъ же Богъ облеченный плотію умретъ въ воскресеніе.* — Также Эрифрейская, Куманская и прочія Сивиллы и Трисмегистъ въ Египтѣ предвѣщали о Христѣ. См. Лактанція въ 4 кн. — Магъ Сирійскій Валаамъ, 4 книги Числъ Моисея гл. 24, ст. 17, сказалъ: *возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ человекъ отъ Израиля.* — Пророкъ Аввак. гл. 3, ст. 1: *Господи, услышахъ слухъ твой и убояхся, и проч.* О царицѣ Савской см. книгу 3-ю Царствъ, гл. 10. Ср. ниже, подъ 1815 г., Полдень.

¹⁴ Іова гл. 38, ст. 7: *Возгласиша мя гласомъ велимъ вси Ангели мои.*

¹⁵ Даніиль гл. 2, ст. 34: *Отторжесе камень отъ горы безъ рукъ, и удари тѣло въ нозѣ желѣзны и скудельны, и истины ихъ до конца.*

¹⁶ Дан. гл. 3, ст. 92: *И зракъ четвертый подобенъ Сыну Божію.*

¹⁷ Псал. 117, ст. 25 и 26: *О Господи! поспѣши же.* — *Благословенъ грядый во имя Господне.* — И прочіе пророки предвѣщали о Мессіи или Помазанникѣ Божіемъ Христѣ.

¹⁸ Матѳ. гл. 2, ст. 2: *Видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ и приидохомъ поклонитися ему.*

¹⁹ Луки гл. 2, ст. 7: *И положи его въ яслѣхъ.*

²⁰ Псаломъ 113, ст. 5: *И тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять.*

²¹ Иоан. гл. 1, ст. 29: *Се агнецъ Божій, взямаый грѣхи міра.*

²² Иоан. гл. 3, ст. 5: *Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе.*

²³ Иоан. гл. 9, ст. 6: *Помаза очи брѣніемъ слѣпому.* — И Луки гл. 7, ст. 22: *Слѣпіи прозираютъ, хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, глухіи слышатъ, мертвіи возстаютъ, нищии благовѣстуютъ.* О сихъ чудесахъ Иисуса доносилъ и Понтійскій Пилатъ императору Тиверію.

²⁴ Матѳ. гл. 8, ст. 26: *Тогда возставъ запрети вѣтромъ и морю, и бысть тишина велия.*

²⁵ Матѳ. гл. 8, ст. 32: *И рече (бѣсамъ): идите.*

²⁶ Иоан. гл. 11, ст. 43: *И воззва: Лазаре, гряди вонъ.*

²⁷ Матѳ. гл. 17, ст. 1 и 2: *И возведе ихъ на гору высоку едины и преобразися предъ ними.*

²⁸ Тамъ же ст. 3: *Се явится имъ Моисей и Ілія (изъ коихъ второй по преданію святѣя Церкви живъ и доннынѣ).*

²⁹ Тамъ же ст. 5: *Гласъ изъ облака глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленный.*

³⁰ Исаія гл. 53, ст. 12: *И со беззаконными вмѣнися. — Матѹ. гл. 27, ст. 38: Тогда распяша съ нимъ два разбойника: единаго одесную, и единаго ошуюю.*

³¹ Матѹ. гл. 27, ст. 30: *Пріяша трость, и бѣяху по главѣ его.*

³² Луки гл. 23, ст. 34: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ.*

³³ Ко Евреемъ послан. гл. 2, ст. 14: *Да смертію упразднитъ имущаго державу смерти.*

³⁴ Луки гл. 23, ст. 46: *И сія рекъ издше.*

³⁵ Матѹ. гл. 27, ст. 51 и 52: *И земля потрясеса, и каменіе распадеса. — По описаніямъ путешественниковъ и нынѣ видима разсѣлина въ каменной горѣ Голгоѹ.*

³⁶ Апокалипс. гл. 3, ст. 20: *Се стою при дверехъ и толку.*

³⁷ Иоан. гл. 4, ст. 24: *Духъ есть Богъ. — И его же первое послан. гл. 1, ст. 5: Богъ свѣтъ есть.*

³⁸ Иоан. гл. 1, ст. 14: *И Слово плоть бысть.*

³⁹ Бытія кн. 1, гл. 1, ст. 3: *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ.*

⁴⁰ Ко Евр. гл. 2, ст. 8: *Вся покорилъ еси подъ нозъ его.*

⁴¹ Бытія гл. 1, ст. 26: *И рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію.*

⁴² Бытія гл. 2, ст. 7: *И созда Богъ человѣка, персть возьмъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни.*

⁴³ Тамъ же гл. 3, ст. 5: *И рече змій: и будете яко Бози.*

⁴⁴ Тамъ же ст. 20: *Яко земля еси, и въ землю отгидеши.*

⁴⁵ Къ Римлян. гл. 8, ст. 22: *Вѣмы бо, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ.*

⁴⁶ Къ Колоссаемъ гл. 1, ст. 20: *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ.*

⁴⁷ Посланіе второе къ Коринѹ. гл. 5, ст. 4: *Воздыхаемъ, да пожертво будетъ мертвенное животомъ. — И къ Колос. гл. 3, ст. 5: Умертвите уды ваша яже на земли.*

⁴⁸ Посланіе второе къ Коринѹ. гл. 12, ст. 9: *Сила бо моя въ немощи совершается.*

⁴⁹ Къ Галат. гл. 4, ст. 4: *Егда же прииде кончина лѣта, посла Богъ Сына своего едиnorodнаго.*

⁵⁰ Вечерняя пѣснь св. Софронія, Патріарха іерусалимскаго: *Пришедше на западъ солнца, видѣвши свѣтъ вечерній.*

⁵¹ Иоан. гл. 1, ст. 12: *Даде имъ область чадомъ Божиимъ быти.*

⁵² Матѹ. гл. 11, ст. 25: *Яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ.*

⁵³ Ко Евреемъ гл. 12, ст. 2: *Взирающе на начальника вѣры, и совершителя Иисуса.*

⁵⁴ Первое посланіе къ Тимоѹ. гл. 3, ст. 16: *Богъ явися во плоти.*

⁵⁵ Иоан. гл. 14, ст. 6: *Никтоже приидетъ ко Отцу, токмо мною.*

⁵⁶ Тамъ же ст. 10: *Яко азъ во Отцѣ, и Отецъ во мнѣ.*

⁵⁷ Ко Евр. гл. 8, ст. 6: *И лучшаго завѣта есть ходатай.*

⁵⁸ Исаія гл. 53, ст. 11: *И грѣхи ихъ той понесетъ.*

⁵⁹ Къ Колоссаемъ гл. 1, ст. 20: *И тѣмъ примирити всяческая къ себѣ.*

⁶⁰ Къ Галат. гл. 6, ст. 7: *Богъ поругаемъ не бываетъ.*

⁶¹ Матѹ. гл. 11, ст. 29: *Научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ.*

⁶² Матѹ. гл. 5, ст. 44: *Любите враги ваша.*

⁶³ Матѹ. гл. 25, ст. 35 и 36: *Взалкаха бо, и дасте ми ясти и проч.*

⁶⁴ Ко Евр. гл. 5, ст. 10: *Нареченъ отъ Бога Первосвященникъ, по чину Мелхиседекову.*

⁶⁵ Ко Евр. гл. 7, ст. 27: *Единою (жертвою) себе принесъ.*

⁶⁶ Дѣян. Апост. гл. 2, ст. 3: *И явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни.*

⁶⁷ Исаія гл. 42, ст. 3: *Трости сокрушены не сотретъ.*

⁶⁸ Къ Римлян. гл. 2, ст. 1: *Имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши.*

⁶⁹ Матѹ. гл. 4, ст. 19: *Гряди по мнѣ, и сотворю вы ловца человѣкомъ.*

⁷⁰ Дѣян. Апост. гл. 17, ст. 22: *Ставъ же Павелъ посредь Ареопага. — Тамъ же гл. 18, ст. 4: Стязашеся же на сонмищахъ (или въ синагогахъ).*

⁷¹ Иоан. гл. 1, ст. 3: *Вся тѣмъ быша: и безъ него ничтоже бысть, еже бысть. — Къ Ефес. гл. 4, ст. 10: Сшедый и возшедый превыше вѣсѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая. — Къ Колос. гл. 1, ст. 18: Яко да будетъ во вѣсѣхъ той первенствующая.*

⁷² Иоан. гл. 4, ст. 23 и 24: *Егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною.*

⁷³ Исаія гл. 11, ст. 4: *И духомъ устенъ убіетъ нечестиваго.*

⁷⁴ Къ Галат. гл. 3, ст. 13: *Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя.*

⁷⁵ Иоан. гл. 1, ст. 5: *Свѣтъ во тмѣ свѣтитъся, и тма его не объятъ.*

⁷⁶ Второе посланіе къ Коринѣ. гл. 4, ст. 3: *Благовѣствованіе наше въ гибнувшихъ есть покровено.*

⁷⁷ Иоан. гл. 1, ст. 18: *Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи.*

⁷⁸ Матѣ. гл. 6, ст. 33: *Ищите прежде Царствія Божія, и правды его, и сія вся приложатся вамъ.*

⁷⁹ Послан. второе къ Коринѣ. гл. 6, ст. 16: *Вы есте церкви Бога жива.*

⁸⁰ Псаломъ 6: *Слезамъ моими постелю мою омочу.*

⁸¹ Послан. 2 Пав. къ Тим. гл. 3, ст. 16: *Всяко писаніе Богодухновенно и полезно есть къ ученію.*

⁸² Матѣ. гл. 26, ст. 7: *Приступи къ нему жена сткляницу мѣра имущи многоцѣннаго.*

Приложеніе

Въ тетрадяхъ Державина ода Христосъ сохранилась въ одномъ только чистомъ спискѣ, совершенно согласномъ съ напечатаннымъ въ его сочиненіяхъ текстомъ; но изъ другихъ бумагъ поэта видно, что предъ изданіемъ ея, въ 1814 году, была представлена въ цензуру иная редакція, мѣстами отличавшаяся отъ позднѣйшей. Державинъ долженъ былъ по нѣскольку разъ измѣнять многія строфы. Наконецъ «избранные имъ самимъ разсмотрители» были удовлетворены послѣдними его исправленіями, и рукопись была возвращена ему съ одобреніемъ цензурнаго комитета. Просвѣщеннымъ посредникомъ между нимъ и духовною цензурою былъ знаменитѣйшій архипастырь нашего времени, нынѣ высокопреосвященный Филаретъ московскій, бывшій въ ту пору ректоромъ с-петербургской Духовной академіи. О томъ свидѣлствуютъ два письма его къ Державину (отъ 10 и 28 марта 1814 г.). Въ переданныхъ намъ рукописяхъ нашли мы черновой листъ, содержащій послѣднія объясненія Державина на нѣкоторыя изъ цензорскихъ замѣчаній, которыя тутъ же имъ выписаны. Помѣщаемъ здѣсь эти объясненія поэта вмѣстѣ съ предшествовавшими имъ замѣчаніями цензора.

«Замѣчаніе на строфы 16 и 36, будто причиною паденія перваго человѣка было то, что онъ созданъ съ плотію.

Объясненіе. Такъ мнѣ точно кажется по самому строгому смыслу Священнаго Писанія: Богъ, взявъ персть, изъ земли создалъ человѣка и потомъ по его преступленію объявилъ ему свой приговоръ: земля еси и въ землю пойдеши; слѣдовательно, сотворя его съ одной стороны изъ персти, сотворилъ чрезъ то не токмо съ возможностью пасть, но и осудилъ его за преслушаніе необходимо умереть или идти въ землю по той причинѣ, что онъ взять былъ отъ земли. Съ другой же стороны, поелику Богъ вдунулъ въ лице его дыханіе жизни съ свободою волею, то далъ ему чрезъ то купно и возможность не пасть, или быть безсмертнымъ. Поелику жъ онъ, преступивъ заповѣдь, и духомъ палъ и тѣломъ умеръ; то и совершился надъ нимъ смертный приговоръ. А какъ нельзя предполагать, чтобъ Всевѣдущій не предвидѣлъ искони сихъ бѣдственныхъ случаевъ, то для того и предопредѣлилъ Онъ чрезъ Сына своего избавить его отъ оныхъ. Когда же было то не такъ, то не для чего было Христу воплощаться и страдать, подавая собою образъ къ возрожденію. Мнѣ могутъ сказать, что Ангелы без-

плотны были, но пали. Пусть такъ. Но такое ли ихъ было паденіе, какъ человѣка, и предположено ли было ихъ искупленіе какъ его, и могутъ ли они возвратиться въ прежній свѣтъ свой, какъ онъ? — Это неисповѣдимая тайна, а потому и говорить о ней не должно; здѣсь же мы токмо видимъ и чувствуемъ всякій разъ по себѣ, что причина соблазна и паденія духа нашего — наши чувства; то для чего и не предполагать, что плоть была причиною паденія и первосозданнаго человѣка, а особливо когда говоритъ то стихотворецъ, который объясняется болѣе чувственно, а не духовно, какъ богословъ? Наконецъ припомню и слова самого Спасителя: духъ бодръ, а плоть немощна {Ев. отъ Матѳея, гл. 26, ст. 41.}; слѣдовательно она причиною паденія.

Замѣчаніе на строфу 20, будто паденіе перваго человѣка было неизбѣжимо и необходимо для блаженства.

Объясненіе. По свободной волѣ человѣка было оно избѣжимо, слѣдовательно и обходимо; но когда оное случилось, то само по себѣ разумѣется, что для возвращенія прежняго блаженства нужно было возрожденіе чрезъ Иисуса Христа, который не явился бы міру для искупленія человѣка, когда бы онъ не палъ.

Замѣчаніе на строфу 37: что Отецъ и Сынъ и Духъ Святой взяли въ образъ Христа видимыя подобострастныя черты, нельзя того допустить, ибо воплотился токмо Сынъ Божій, а не вообще Святая Троица.

Хотя Святая Троица исповѣдывается православіемъ никогда и нигдѣ не раздѣлимою, то и можно бы основаться на семъ догматѣ моимъ мнѣніемъ; но какъ Христосъ Спаситель молилъ Отца, чтобъ мимо шла чаша Его и жаловался на крестъ, что вскую Его Отецъ оставилъ, то я охотно повинуюсь сему замѣчанію и исправляю мою погрѣшность такимъ образомъ:

Отецъ есть, Сынъ и Духъ Святой,
Незримый свѣтъ тріипостасный;
Но Сынъ, пріавъ въ плоти черты
Какъ человѣкъ подобострастный,
Открылъ въ себѣ и научилъ и проч.

Удовлетворительны ли будутъ сіи объясненія? Но какъ бы то ни было, оконча ихъ, за нужное нахожу сказать, что піитъ не есть догматикъ: онъ говоритъ иногда загадочно, подразумѣваемо, кратко, а иногда съ нѣкоторою свободою или вольностію. Сіе ему тѣмъ паче кажется извинительно, что самое богословіе подвержено разнымъ противорѣчіямъ. — Доказательство сему — что находится въ библіотекѣ многихъ вѣковъ нѣсколько тысячъ богословскихъ и философскихъ споровъ, еще по сіе время нерѣшенныхъ и никогда рѣшиться не могущихъ, потому что судебъ и тайнъ Божіихъ никто изъ смертныхъ изъяснить не можетъ. Въ семъ случаѣ полезнѣе бы было всего плѣнять только разумъ слѣпою вѣрой и ни богословамъ, ни философамъ ничего не проповѣдывать и не писать относительно существа Божія и Его Промысла; — но какъ писали, пишутъ и писать будутъ, и непротивно сіе Священному Писанію, которое говоритъ: Все бо вы сынове свѣта есте, и — всякое писаніе богодухновенно есть ко ученію {Ап. Павла посл. 1 къ Сол., гл. 5, ст. 5, и посл. 2 къ Тимоѳ., гл. 3, ст. 16. Д.}; то думаю, что и сіе сочиненіе не произведетъ раздора въ православіи нашемъ, тѣмъ паче ежели при сумнительныхъ мѣстахъ удостоится оно краткихъ примѣчаній святѣйшихъ отцовъ, какъ что по-богословски понимать должно».

ОНИ СТИХАМИ НЕ ГРЕШИЛИ, ИМЕЯ СТРОГО ЧЕСТЬ СВОЮ...

(редакционное размышление)

Выше перед нами представлен выдающийся пример действительно высокой поэзии во всех смыслах примененного выражения. И в самом деле, теперь нам предложены не только выдающиеся стихи, но и не менее яркие и глубокие размышления о них. Читая поэму «Христос» и небольшой рассказ о взаимодействии поэта с цензурой, невольно ловишь самого себя на той простой мысли, что как много мы все потеряли в деле понимания слова и умения обращения с ним. Как так вышло и почему? Вот о чем хочется поговорить по прочтении этих чудесных строк. И в самом деле, что же со всеми нами происходит, что мы вдруг впали в какое-то дикое состояние? Ответ, скорее всего, кроется в понятиях «честь» и «достоинство».

Начиная с 1991 года Россия стала страной, демонстративно попирающей означенные смыслы. То есть одни наши сограждане стали отчаянно (масштабно) воровать, придумывая по ходу незамысловатые законодательные для себя прикрытия (включая Конституцию РФ 1993 года), другие, недолго думая и, видимо, еще полагая, что их час поживы впереди, стали поддерживать первых в этом их жутком стремлении. В результате мы все буквально соскочили с рельс какого-либо приличия, мгновенно забыв о том, что есть хорошо, а что есть плохо, научившись быстренько называть белое черным и наоборот. При этом мы все согласились зачем-то считать еще вчерашних проходимцев и спекулянтов цивилизованными бизнесменами. Поступив таким незатейливым образом, мы все незаметно для самих себя стали уже на рельсы языковых подмен и явного языкового упрощения. И в самом деле, аморальное в целом наше перерождение никак не могло не сказаться и на нашем же языке. Он стал более груб, вульгарен, примитивен. Из него выпали очень многие смысловые оттенки, а также тонкие понятия из сферы возвышенных чувств и переживаний. На круг мы все мгновенно обеднели, потеряв многие и многие языковые краски. Утрата этих важных красок восприятия и переживания смысловой глубины и смыслового объема привели к тому, что и сама наша жизнь стала более рутинной и пошлой. Именно поэтому ныне так велик процент суицидальных происшествий. И в самом деле: а к чему цепляться за это скучное бытие, в котором нет и уже никогда не будет ничего значительного или не будет объединяющего людей высокого стремления, ведь все и навсегда перешло в плоскость фактически животного потребления, в котором нет ни конца ни края?

Вот какие мысли и сегодня рождает великие стихи, все еще поддерживающие нашу надежду, что далеко не все потеряно, что еще можно и нужно вести борьбу за подлинные человеческие ценности, корневую основу которых и составляет в данном случае неизвращенный русский язык. Пожелаем же самим себе непременно твердости и настойчивости на попрание удержания Отечества нашего от окончательного впадения в языковой разврат и в языковое разложение, полагая этим и свою честь, и свое достоинство.

Е. Г. Кузнецов

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН!..

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАЛИНЕ

(философско-историческое эссе)

Предисловие

Прошло празднование 65-летия Победы СССР над гитлеровским фашизмом. И нам важно оставить в памяти то, что весь апрель 2010 г. российские СМИ истерически обсуждали тему: можно ли портретом руководителя Советского Союза в этой войне, полководца, генералиссимуса Сталина в ряду портретов других маршалов Великой Отечественной украсить улицы Москвы.

Накатившая волна почти официального антиисторизма тем более печальна, что прошло всего два с небольшим года после общенациональной акции «Твое имя Россия», где Сталин занял почетное 3-е место после Александра Невского и Петра Столыпина.

Значит, все эти журналисты, которые ярились на предложение патриотов о портрете Сталина на празднике Победы, сознательно игнорируют мнение народа о его собственной истории, следовательно, они откровенно враждебны по отношению к обществу.

Основой такой позиции штатных пропагандистов либерализма являются идеологические клише по вопросу сталинизма, вброшенные в информационное пространство страны за последние 25 лет. Они считают, что историю можно субъективно переписать. Они уверены, что возможно наложить

табу на имя главы правительства страны-победителя.

Истоки таких взглядов сродни взглядам толпы советских маргиналов в годы перестройки, когда они всерьез «рассуждали» в конце 80-х: «Проиграли бы Гитлеру, то пили сейчас баварское пиво с сосисками».

Вопрос о роли Сталина в Победе чрезвычайно серьезен, но его не следует обсуждать в рамках клишированных оценок, которые старательно повторяют пресса и ТВ. Дело в том, что все «ток-шоу» на ТВ истина истории не интересует, даже если они посвящены вопросам истории. В рамках управляемых «дебатов» на ТВ выявляются только разные точки зрения по спорным вопросам, то есть осуществляется лишь контроль за эффективностью промывания мозгов граждан России со стороны «победившей» идеологии либерализма.

Свежий пример: «Российская газета» от 3 августа 2010 (№ 170), статья обозревателя Юрия Богомолова «Адвокат истории или Зла», в которой автор высказывается об этих «ток-шоу». Его возмущает взгляд С. Кургиняна, высказанный последним в рамках программы «Суд времени» по теме коллективизации: Кургинян «искусно защитил абсолютное Зло — коллективизацию 30-х годов» (С. 11).

Метод либерала в отношении истории **антиисторичен** — он свои мораль-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ные оценки отдельных фактов противопоставляет объективности исторического процесса народной жизни. Либерал никогда не анализирует действительный процесс, он только фиксирует разные мнения об отдельных фактах с позиций современности.

Богомоллов искренне считает, что моральное отрицание (=неприятие) «ужасов» истории и есть правильная позиция гражданина. Он не понимает, что, проявляя «заботу» о жертвах истории, он уничтожает историю, предлагает народу отречься от исторической памяти, тем самым забыть и жертвы, в том числе о которых он якобы морально печется.

Чрезвычайно показателен вывод **Ю. Богомоллова:**

«Самое поразительное — интерактивное голосование: 71–29% в пользу адвоката Зла. Вот что мы сегодня не можем взять в голову до конца. Тогда вместе с раскулачиванием шло и расчеловечивание на несколько поколений вперед» (С. 11).

Расшифруем, что на самом деле сказал нам Богомоллов.

Вывод о «расчеловечивании на несколько поколений вперед» означает признание Богомоллова в том, что он живет среди нелюдей, среди «расчеловеченных», среди животных (которых 71%).

Это взгляд с другого берега, он пришлый среди нас и нашей истории. Если он наш, то каким образом он остался «вочеловеченным» среди «расчеловеченных»? Тем более в условиях «советского тоталитаризма»?

Попробуйте заставить Богомоллова, исходя из его собственной посылки о расчеловеченности русского народа в результате коллективизации, объяснить, как этот деморализованный народ сумел победить действительно абсолютное Зло — гитлеровский фашизм?

Спросите у него, этого либерала, признает ли он Благом нашу Победу? Признает ли он массовый героизм народа на фронте и в тылу? Или он думает, что «расчеловеченное» общество

способно на подвиг и невероятно длительное моральное усилие в борьбе со Злом?

Это именно Богомоллов отказывает нашему народу в том, что люди страны Советов искренне шли на «священную войну» с «фашистской силой темною». Или Богомоллов думает, что именно 20–30% населения страны смогли выиграть Великую Отечественную войну?

Повторю свой тезис: клишированные оценки ничего не добавляют. Меня интересует исторический процесс жизнедеятельности моего народа в его объективности — эпоха Сталина, ее предпосылки, основания и причины.

В своих размышлениях о Сталине я исхожу из нескольких посылок.

И. В. Сталин был не только выдающимся государственным деятелем, но и самостоятельным мыслителем. Признавая марксизм прежде всего как экономическую доктрину, он не был идейным рабом его классиков, не делал ставку на мировую революцию, считал необходимым строить социализм в отдельно взятой стране.

Можно сказать, что **Сталин был системщиком**. Он был концептуально самостоятельным. Именно это качество сделало его генеральным секретарем ВКП (б) (с подачи Ленина), когда этот пост еще не был главным в стране. По национальному вопросу он написал статью еще до революции. В 1924 году он выпустил свою работу «Уроки ленинизма», чем, кстати, и победил в итоге своих противников во внутренней политике.

Он разбирался в психологии общественной, коллективной, индивидуальной, умело выстраивал кадровую политику партии, делая ставку на практиков.

В условиях внешних и внутренних угроз государству он исповедовал авторитарный стиль правления и, скорее всего, видел в этом свою историческую миссию. В отличие от троцкистов он хотел сохранить страну, а не пустить ее в распыл ради мировой революции. Это именно троцкисты исповедовали

принцип экспорта революции в другие страны.

Он искренне считал, что партия должна служить народу, и лишь опосредованно — человечеству. Сталин не наворовал никаких капиталов, он был честен в этом вопросе. Он уклонялся от роскоши. Можно сказать, что он был аскетом (в отличие от последующих правителей СССР).

Сталин хорошо знал мировую историю, включая ее идеологические аспекты. Он знал, какая эгоистическая конкуренция царит в мире между государствами и народами. По партийной традиции он называл эту конкуренцию «политикой империализма». Он отдавал себе отчет в том, что Россия проиграла в этой конкуренции, отброшена далеко назад во многих отношениях (именно отсюда традиция партийных съездов вести отчет внутренней статистики от 1913 года). Например, к 1922 году российская промышленность была развалена, не было гвоздей, подков. Ее уровень — максимум 30% от 1913 года.

Сталин был реалистом. Он исходил из национальных интересов своего государства. Он любил свою страну, гордился, заботился о ней, то есть был патриотом.

Он знал, что после Первой мировой войны большая часть мира всецело подчинена капиталистическим державам, а поэтому исторической России в форме СССР никто не поможет.

Я думаю, что для **него социализм был**, прежде всего, **шансом для России** как государства **сохранить свое национальное бытие** (что является естественной целью высшего руководителя государства). И уж потом восстановить историческую справедливость в отношениях между народами на путях строительства социализма во всем мире, но с опорой на собственное государство.

Поэтому Сталин был категорически против любой реставрации буржуазных отношений в экономике, на чем настаивали многие из большевистской элиты во время дискуссии о методах

движения к социализму. Расстановка идейных сил в руководстве партии перед конференцией в конце 1926 года была 30–70% (Троцкий — Сталин). На XV партконференции ВКПб все предложения Троцкого, Каменева, Зиновьева и других начинать развитие экономики с легкой промышленности («естественный путь развития капиталистической экономики». — Е. К.) были отвергнуты делегатами. Конференция поддержала тезисы Сталина.

Но о чем забывают сообщать современные историки? Парадокс в том, что целых полгода троцкисты вели атаку на позицию Сталина во всех газетах, выступили массово на конференции. Конференция, однако, *почти единогласно* проголосовала за сталинскую резолюцию.

Именно это событие и есть поворот к сталинской эпохе.

Его противники сами подписали себе приговор. Поясню: когда противники Сталина осознали, что проиграли, они тоже проголосовали «за», смикрировали под «массу». (Об этом событии есть кинематографический образ в кинокартине «Есенин» с С. Безруковым в главной роли. За кулисами конференции противники Сталина в панике — они засветились.)

Был ли Сталин жестоким? Он дитя своей эпохи, с особым менталитетом. Не думаю, что менталитет Ленина, Троцкого, Свердлова, Дзержинского и прочих (включая расстрелянного Тухачевского) отличался от сталинского. Все они, профессиональные революционеры, были фанатиками построения социализма.

Но одни, как Троцкий, считали, что это возможно только в рамках мировой революции. Для них Россия была только ресурсом для мировой революции.

Сталин же придерживался другой точки зрения: произойдет ли мировая революция — неизвестно, а вот в России социализм строить нужно. Именно в этом стремлении народ в итоге поддержал Сталина, признав в нем

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

своего национального вождя уже с середины 30-х годов.

Разве Свердлов и Ленин не отдавали приказ об уничтожении казаков? Ведь это был по существу геноцид казаков. Разве Тухачевский не производил расстрел заложников (мирных жителей) во время антоновского восстания на Тамбовщине, разве не собирался применять там химическое оружие? Разве Бела Кун и Вера Землячка в Крыму лично не занимались расстрелами сдавшихся по призыву советской власти белогвардейских, но русских офицеров?

Советская власть с самого начала проявляла достаточно коварства и хитрости, чтобы подавлять своих врагов, истинных и вымышленных. Оправдание было очень простым: *революционная целесообразность*. Кстати, это не Сталин в 1918 году ретиво внедрял в стране «метод революционной целесообразности», а Троцкий и его сторонники. Впоследствии об этом перестали упоминать, сваливая все на ВЧК во главе с Ф. Дзержинским. *Жестокость была поветрием времени, а не лично сталинской чертой.*

Еще один важный момент. *Чтобы страна выжила, она должна была заново пройти индустриализацию.* Исторические обстоятельства не давали других шансов.

При Сталине сложилась *мобилизационная экономика*, которую лукаво называют «командно-административной», иногда «плановой» (это отдельная тема). Но к 40-му году Советский Союз вновь вошел в число мировых лидеров по уровню экономического развития, то есть вновь стал геополитическим конкурентом США и Британской империи. Именно этот факт стал явной причиной попустительства западных стран процессу развязывания войны Гитлером. Потому-то Черчилль в послевоенные годы дал емкую характеристику Сталину: «принял Россию с сохой, сдал с атомным оружием» (вольный пересказ автора).

Общей канвой антисталинской истории является то, что Сталин распро-

странил репрессии на верхушку партии. Как выразилась в свое время московская благоверная Матронушка, «побеждал зло злом». Матрона искренне считала, что еще настанет время, когда все признают, что Сталин служил России, ее народу во имя мира.

Среди идеологов капиталистического либерализма в СССР в годы перестройки и России 90-х годов много детей и внуков партийно-государственной номенклатуры, пострадавшей в 30–40 годы. *Их можно понять в их чувствах.*

Но это не дает им права называть Сталина преступником. В ином случае преступниками должны быть названы все революционеры вообще, но особенно — первой половины XX века.

Предмет исследования

Роль Сталина в Великой Отечественной войне — тема чрезвычайно емкая. Но самым запутанным, неясным является *вопрос о поведении* Сталина накануне начала войны.

Единственной характеристикой его поведения выступает *противоречие*.

С одной стороны, ВКП (б) и лично Сталин твердо придерживались общей оценки ситуации в мире (неизбежность войны, агрессивность германского фашизма, отсутствие системы коллективной безопасности в Европе и мире).

С другой стороны, Сталин в 1941 году намертво придерживался буквы Пакта о ненападении, подписанного СССР и Германией в 1939 году, несмотря на то что потоком шла информация о готовящемся нападении Германии на нашу страну.

Теперь общеизвестно, что Сталин прекрасно знал все донесения разведчиков и дипломатов. Знал стратегические оценки главных военспецов. Знал мнения членов Политбюро ВКП (б).

Именно этот факт вызывает наибольшее недоумение и раздражение у многих исследователей. Высказались по этому вопросу все: и выдающиеся

полководцы Великой Отечественной войны, и зарубежные политики, и все последующие писатели.

Одни очень сдержанно оценивают эту ситуацию, подразумевая, **что все не просто**, есть какая-то объективность, известная только Сталину. Наиболее точную оценку «Пакту о ненападении» высказал впоследствии У. Черчилль: «...Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи... **их политика была** также в тот момент **в высочайшей степени реалистичной**».

Уж Черчилль точно знал, о чем говорит, так как всегда был антикоммунистом, да к тому же вынужден был как премьер-министр корректировать вопросы предшествующей международной политики Великобритании в отношении СССР и Германии.

Другие примиряются с тем, что это **просто ошибка вождя в оценке готовности Гитлера к войне**. Они не делают акцент на моменте начала войны. Вероломное нападение — и весь сказ. В итоге-то мы выиграли войну.

Третьи предпочитают искать **ответ в тайнах индивидуальной психологии Сталина** (никому не доверял, сатрап, интриган, трус и т. д.).

Приведу точку зрения известного либерала А. Н. Яковлева. Высказываясь о Пакте с Германией, он, лично ненавидевший Сталина, не мог не обмозговать его грязью и в этом вопросе, найдя уловку в факте заключения СССР 28 сентября 1939 года Договора о дружбе и границах с Германией: «...На мой взгляд, это качественно различные договоры (договоры от 23 августа и 28 сентября)... **Первый в основном соответствовал тогдашней международной практике, второй — фактически ставил под сомнение статус СССР как нейтрала и толкал нашу страну на беспринципное сотрудничество с нацистской Германией**».

А. Н. Яковлев врет, утверждая, что СССР заявлял свой международный

статус «как нейтрала». Страна Советов была классовым государством, а не Швейцарией. Яковлеву не хватило смелости заявить, что он не приемлет сам факт договора с Германией. Но такова манера либералов, ибо они давно ведут политику двойных стандартов в сфере идеологии.

Именно благодаря таким, как А. Н. Яковлев, по разным книжкам гуляет мнение, что «...в Кремле не теряли надежды договориться с Гитлером и присоединиться к оси “Берлин — Рим — Токио”». Начавшаяся в июне 1941 года война разом опрокинула опрометчивую внешнеполитическую стратегию Сталина и Молотова и потребовала чрезвычайных усилий для создания антифашистской коалиции». Эту мысль внушают школьникам в «пособии»: «Вся история в одном томе. Школьникам и абитуриентам. М.: Родин и компания; Аст, 1998».

Такое рассуждение — идеологическая диверсия. Нет ни одного факта, что СССР «не терял надежды присоединиться...». Известно другое: СССР осудил антикоминтерновский пакт, который вначале подписали государства оси. Но почти нигде не говорится о том, что к этому пакту впоследствии присоединились Испания, Финляндия и др.

Ясно, что ответ на **вопрос о поведении Сталина накануне войны** не может быть простым. Поражает другое. Вопрос о «тайне» — о неких исторических объективных обстоятельствах, которые учитывал Сталин как высший руководитель страны Советов, — **не ставился в более широком хронологическом диапазоне, его всегда рассматривают линейно**, в потоке текущих событий накануне войны. Чтобы найти ответ надо отступить назад, к эпохе Первой мировой войны.

Пояснение: я не буду скрупулезно разбирать всю последовательность событий во внешней политике послевоенного мира. Главным ее содержанием было исполнение условий Версальско-Вашингтонской системы коллективной безопасности.

Моя задача — подвести итог тому, для кого и в каком виде эта безопасность осуществлялась.

Содержание

Само возникновение Советской России непосредственно сопряжено с периодом окончания мировой войны. Потому главной проблемой для СССР в международной политике была безопасность нового государства.

Каковы же были международные условия безопасности?

Первая мировая война завершилась 11 ноября 1918 года полной капитуляцией Германии.

В результате этой войны с геополитической карты мира исчезли 4 империи: Россия, Австро-Венгрия, Германия, Османская империя (Турция). В Европе образовалось много новых независимых государств.

Победителями в войне себя провозгласили Великобритания, Италия, США, Франция, Япония. Именно эти страны являются творцами мировой системы коллективной безопасности по итогам войны. Она вошла в историю под названием Версальско-Вашингтонской системы.

Прежде чем ее охарактеризовать, рассмотрим социально-экономические последствия, с которыми закончили войну победители и побежденные.

Победители

Полным победителем выступили США: на их территории войны не было, наименьшие потери войск из числа победителей, экономически стали первой державой мира, нажившись на этой войне.

Экономика *Великобритании* была истощена, но сохранила целостность. На территории Англии война тоже не велась, хотя потери большие, чем у США.

Франция. Она понесла наибольшие потери из числа победителей, так как эпицентр военных действий на Западном фронте был на ее территории.

Большие разрушения в экономике, большие людские потери.

Япония. На ее территории война не велась. Экономика разрушена не была. Людские потери незначительные.

Италия. Это самая отсталая в социально-экономическом отношении из стран-победителей. Потери людские незначительные, а вот в социально-экономическом плане — серьезные. Италия сильно зависела от состояния экономики Европы в целом. В стране был глубочайший кризис. Не случайно фашизм впервые победил именно в Италии. Муссолини стал диктатором, потому что страна не получила никаких преференций от статуса победителя. Народ жаждал реальных перемен.

Проигравшие

Германия понесла наибольшие потери людские, экономические, политические. По потерям ее можно сравнивать только с потерями России. С Германией (в виде Веймарской республики) по версальскому договору победители, можно сказать, «сняли кожу».

1. Политически — она признана виновницей в развязывании войны.

2. Территориально — Франция вернула себе Эльзас и Лотарингию.

3. Территориально — над германскими колониями был установлен протекторат победителей в виде так называемых «мандатов на правление».

4. Все тяжелые вооружения Германии (пушки, корабли, самолеты) были изъяты победителями.

5. Военные заводы были демонтированы и вывезены в качестве репараций.

6. Армия Германии первоначально была установлена в 200 тысяч войск, вооруженных стрелковым оружием.

7. Вдоль Рейна была установлена 50-километровая демилитаризованная зона.

8. По требованию Франции Германия была обязана выплатить контрибуцию в размере 125 миллиардов золотых марок.

Итог этих действий известен: полный развал экономики, бешеная ин-

фляция, политическая и социальная нестабильность (читайте Ремарка). Спустя 10 лет Гитлер отправится в поход за властью. И возьмет ее, установит нацистскую диктатуру. Начнет создавать Третий рейх.

Россия, участница Антанты, вынесла основные тяготы войны с Германией на Восточном фронте (до 1917 года на него приходилось 80% военных действий, на Западный фронт — 20%). Революция 1917 года и последовавший вслед за победой большевиков сепаратный мир с Германией (Брестский мир 3 марта 1918 года) вывели Россию из числа победителей. «Мировое сообщество» победителей сделало ее изгоем международных отношений. А с помощью интервенции во все концы России Запад попытался установить контроль над ней во время Гражданской войны.

К слову сказать, этим Брестским миром Россия, по существу, добила свою промышленность. Дело в том, по договору большевиков с Германией последняя получила протекторат над Украиной, частью Белоруссии и Прибалтикой. То есть протекторат над угольной и значительной частью металлургической промышленности России. Немцы, пользуясь революционной смутой, интенсивно вывозили с Украины уголь, металл, продовольствие, чем крепко поддерживали свою экономику (хотя их это не спасло). А российская экономика стала испытывать дефицит на уголь и металл. Развал государства всегда бьет по экономике и обществу.

Австро-Венгрия распалась, как ее и не было, на множество самостоятельных государств. Их экономики были в плачевном состоянии, хотя и не в столь ужасном, как экономики России и Германии.

Феодальная *Османская империя* распалась окончательно, основная ее часть стала республикой. Но ее роль в мировых делах была незаметна.

Подведем *итоги войны. Все основные политико-экономические конкуренты*

США и Великобритании были выведены из строя, вынуждены заниматься зализыванием ран, и прежде всего — Россия и Германия. По темпам экономического роста эти страны были самыми прогрессирующими перед войной. Темпы роста их экономик, как минимум, вдвое опережали темпы роста экономик США и Великобритании.

Кстати, перед Второй мировой войной ситуация практически повторилась — экономики СССР и Германии были на подъеме. Поэтому-то можно говорить, что *главным объективным фактом мировой истории в XX веке является то, что Россия и Германия, главные конкуренты Британской империи и США, дважды дрались насмерть в первой половине XX века.*

Но если итогами Первой мировой войны англо-саксонский мир был в целом удовлетворен, то последствиями Второй мировой — нет: СССР воспрял и вновь оказался его конкурентом.

Вернемся к Версальско-Вашингтонской системе коллективной безопасности.

По замыслу ее творцов *основными элементами системы до л ж н ы были стать:*

1) «команда» победителей — субъекты поддержания установленного после войны миропорядка, главным из них были США, чья экономика стала равносильной экономике остального мира;

2) укрощение агрессора в лице Германии;

3) Лига наций, как демократический орган сотрудничества государств в международных делах, должна была получить приоритет;

4) распределение ролей победителей по контролю над мировым океаном (по предложению США и Британской империи в Вашингтоне в 1921 году). По существу, США и Великобритания своими флотами установили полный контроль над Мировым океаном. Тем самым они создали главное условие безопасности для своих государств, отделенных от остальных морскими просторами.

Почему я использовал выражение «должны были стать»? Потому что *система начала разваливаться вскоре после того, как была сформулирована*. Этому способствовали несколько причин.

Первая — явное силовое неравенство между государствами-победителями, соответственно разные предпочтения. По умолчанию, подразумевалось право победителей на ведение локальных войн, то есть применения силы для достижения своих целей. Центр управления нервами мировой политики разместился в Лондоне и Вашингтоне. Остальные были их «клиентами», за исключением Японии и СССР. Это объективность.

Вторая — после завершения войны в США произошла смена высшей власти. Президент Вильсон, идеолог системы коллективной безопасности мира, ушел на пенсию. После этого *Соединенные Штаты отказались участвовать в Лиге наций*. Они просто увидели, что для них реально никаких угроз не существует. США дали понять всему миру, что их устраивает мировое лидерство и они не нуждаются в «демократических советниках» от других стран.

Если главная в мире по политико-экономическому статусу страна демонстрирует презрение к «мировому сообществу», то остальные могут действовать только на свой страх и риск. По существу, США неявно дали «добро» на продолжение войн, только локальных.

Более того, *когда мир вскоре вновь оказался перед угрозой*, но уже *глобальной войны* (Гитлер откровенно делился нацистскими планами на будущее), *Конгресс США принимает закон о нейтралитете в 1935 году* (1936, 1937, 1939 годы — другие редакции закона). Главная по статусу страна дала понять всем остальным, что ей безразличны судьбы мира. Штаты дали отмашку — делайте, что хотите (в Европе в первую очередь), нам все равно.

Думаю, *лучше всего это решение США понял Гитлер*. Именно с 1936 года он приступил к политике расширения рейха.

Третья — явный антикоммунизм победителей. Из главных стран последними признают дипломатически СССР именно США — в 1933 году. *Это год победы Гитлера на выборах в Германии*. Прямо скажем, США в отношении СССР действовали своевременно: агрессор против СССР сформировался, явный антикоммунизм (как общую функцию стран Запада) можно «поручить» Гитлеру, согласно его доктрине «Майн кампф», поэтому пора выстраивать систему воздействия на СССР, хотя бы номинально.

Таковы были общие условия «коллективной» безопасности мира.

Это были условия безопасности для США.

Частично была безопасность и для Великобритании — она имела очень значительный флот, в том числе военно-морской. У Германии же флота, достаточного для войны, не было. К тому же Англия была верным союзником Штатов.

Частичную безопасность имела также Япония, которая владела основательным флотом, но, главное, она не вмешивалась в дела Европы, то есть в прямую епархию США.

Франция не могла жить спокойно, как только Гитлер пришел к власти. Непосредственное соседство несло ей прямую угрозу. Но у французов не было самостоятельности в международных делах, они ориентировались на Англию. Рассчитывали, что ей помогут.

В этой пресловутой Версальско-Вашингтонской системе коллективной безопасности был для СССР (для Сталина!) еще один пункт — политический.

Победители Первой мировой войны называли политического виновника войны — Германию. А потому к ней не было никакого снисхождения. Это не было судом, это был политический вердикт победителей.

Если Александр I, основатель традиции коллективной безопасности в

Европе, считал Наполеона (революционного генерала) виновником общеевропейской войны в 1812–1814 гг. (хотя Франция как страна не была наказана), то победители Первой мировой наказали Германию как страну. Этого хотела прежде всего Франция в лице ее президента Пуанкаре. Но и остальные не очень противились.

Имел ли СССР какие-то гарантии безопасности в таких условиях? Думаю, гарантий не было. Это и записано во всех документах ВКП (б) как правящей силы Советского Союза в ту эпоху.

Но в этих условиях безопасности для победителей произошел сбой из-за того, что их решения превратили недавних непримиримых противников (Россию и Германию) в мировых изгоев. Советская Россия и Германия в 1922 году в Рапполо (пригород Генуи) заключили договор о сотрудничестве.

Это было вызовом победителям.

Но стране Советов важен был факт прорыва своей международной изоляции в Европе. В дальнейшем внутренняя жизнь Франции и Англии привела эти страны к возобновлению сотрудничества с СССР (Россией).

СССР вплоть до 1934 года не принимали в Лигу наций. Главное здесь не в самом факте явной недоброжелательности, а в характеристике субъекта — *мир в лице победителей явно не жаловал СССР.*

Как бы там ни было, нас воспринимали как прямую угрозу всему Западу. Мог ли Сталин хоть на минуту забыть стратегическую позицию стран Запада в отношении России (СССР)? Эпизодические победы на выборах социалистов в странах Европы ясно показывали, что они не признак «мировой революции». Более того, их правление ничего принципиального в отношениях с СССР не меняло. Менялся номинал — они признавали Союз в качестве субъекта международных отношений. За это им спасибо.

Когда в 30-х годах XX века в Европе «запахло жареным», усилия Советского Союза создать совместно со стра-

нами Запада более-менее реальную систему коллективной безопасности завершились ничем.

Последовал гитлеровский аншлюс Австрии, Мюнхенский сговор 1938 года между Великобританией, Францией и Германией по вопросу присоединения Судет к Германии и последовавшая за этим оккупация Чехословакии.

Почти весь 1939 год Франция и Великобритания только делали вид, что хотят договориться с СССР. Эти страны четко вели политику двойных стандартов. Терпение Сталина лопнуло, и был заключен Пакт о ненападении между Союзом и Германией.

Не буду разбирать выгоды СССР для своей безопасности от этого Пакта. Они более-менее известны большинству. Но один момент повторить стоит. СССР по этому Пакту вернулся в итоге к границе с Западом «по линии Керзона», то есть к границам Российской империи.

Какова цена этого соглашения для СССР? Очень большая. Он был не только политическим, но и коммерческим договором. Чтобы выиграть время для полноценной подготовки к неизбежной войне, СССР платил Гитлеру углем, металлами, пшеницей и прочим вплоть до 22 июня 1941 года.

Когда прибалты говорят, что СССР оккупировал их страны, то пусть они предъявляют счет к США и Великобритании, которые отказались предоставить миру реальные условия безопасности. Россия — страна-освободитель, а не поработитель.

СССР действовал по ситуации.

Здесь нужно говорить о другом — нашу страну откровенно использовали.

Страны Запада дипломатически искусно загоняли СССР в угол — в положение невозможности использовать созданное за три пятилетки национальное богатство для блага советского общества. Новое богатство — это как дом, его надо обжить. Запад со своим антикоммунизмом откровенно боялся того момента, когда созидательные успехи СССР станут очевидными для мира. *Вот тогда у них дей-*

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК*ствительно могли начаться
неконтролируемые революции.*

В более общем виде для Британии и США не нужны были мощные и политически самостоятельные континентальные державы в Европе.

Для сохранения своего реального господства в мире им нужно было вновь разрушить потенциалы конкурентов. Самым эффективным средством отбросить назад конкурентов — прекратить у них процесс накопления богатства. Методы для этого разные есть, но лучше всего — это война, то есть реальное разрушение. Пусть повоюют друг с другом.

Для чего это нужно было «ангლოსаксам»? Чтобы диктовать условия, когда начнется война. Это их коммерческий проект. Война должна была превзойти Первую мировую по ужасным последствиям прежде всего из-за нового технического уровня вооружений, так что пусть конкуренты уничтожают свой потенциал, а они потом снова подведут итоги войны к своему вящему удовольствию.

Был риск в их расчетах? Конечно, очень большой. Более того, я уверен, что *ставка делалась* на то, что СССР будет упорно сопротивляться натиску гитлеровской Германии. Это была ставка *на истощение сил и СССР и Германии, чтобы потом в полном масштабе самим вступить в войну*, когда будет близка развязка.

Оставалось продумать, как вывести СССР из числа победителей, и повторение ситуации после Первой мировой войны будет налицо. Следовательно, условия безопасности для США и Великобритании будут восстановлены.

Как можно было вывести СССР из числа победителей?

Моя гипотеза: 1) обязательно самим принять капитуляцию Гитлера; 2) предъявить СССР обвинение в пособничестве в развязывании войны.

Такие мысли ранее не публиковались. Либералы считают неприличным подозревать «самые демократические страны» в умысле. Но вторая половина XX века и начало второго тыся-

челетия наглядно показывают, что США не церемонятся там, где видят угрозу своим интересам.

Так что свой интерес в мировой политике у «ангლოსаксов» был.

Можно сказать, что *политическое поражение Троцкого в России в 1928 году* (его выслали из страны) *привело в тупик владык мира*. Одно дело, когда Россия — ресурс мировой революции, с этим можно бороться внутри своих стран. Другое дело, когда посредством строительства социализма развивается независимая Россия — суверенный Советский Союз. Это угрожало их владычеству в перспективе.

Может, поэтому в 1928 году у Гитлера появились спонсоры?

Итак, СССР вынужден был отбросить иллюзии международного сотрудничества и действовать исходя из своих национальных интересов. *Надо было связать Гитлера обязательствами, выгодными для него на какой-то период, выиграть время.*

Это и есть очередной поступок Сталина, который ему не могут простить «хозяева мира».

Сталину нужна была внутренняя стабильность страны. Он ясно понимал, куда идет мир. Он всегда подчеркивал в 30-е годы, что война неизбежна. Поэтому он готовился, как умел. Отсюда и «московские процессы», включая расстрел Тухачевского, обвиненного в подготовке военного переворота.

Уверен, что *Сталин очень высоко оценивал военно-оборонный потенциал СССР и не сомневался, что СССР остановит Гитлера.*

Дело было в другом — нужно было продумать, как не попасть после победы в силки империалистов.

И самое главное — обеспечить такой миропорядок после войны, в котором СССР будут гарантированы условия безопасности.

Выводы

Мы подошли к главному пункту — различению двух ролей Сталина в этой войне.

Сталин воевал не только в пространстве, но и во времени.

В пространстве — это текущее управление страной как ее верховного руководителя.

Во времени — это выработка и реализация стратегии будущего, выгодного СССР с точки зрения его безопасности.

Сталин, как подлинный стратег, единолично задумал план, как обеспечить Советскому Союзу устойчивое, суверенное, мирное существование после войны.

Я не буду касаться первой роли Сталина в войне. Во-первых, она исследована достаточно полно. Более того, я признаю, что иногда вмешательство Сталина в планирование фронтовых операций было излишне субъективистским. И это действительно связано с его авторитарным стилем правления. Но не потому, что считал себя самовластным хозяином страны, а потому, что боялся не поспеть с созданием условий осуществления своей стратегии.

Предметом моего исследования является роль Сталина как государственного стратега глобального уровня.

Он ясно понимал, что принципиально одинок в осуществлении этой стратегии.

Сталин знал, что никто, кроме него, не может обеспечить ее реализацию.

Прежде всего, он боялся утечки информации.

Если бы его смогли просчитать, то смогли бы и помешать. «Кротов» в высшем политическом руководстве СССР было достаточно, несмотря на «сталинские чистки».

Теперь пора перейти к главному вопросу статьи: *почему Сталин тянул с отдачей приказа войскам на отражение грядущего нападения Гитлера?*

Думая о ситуации в мире после завершения войны, он делал все, чтобы ни один коварный западный политик не мог предъявить ни одного факта в том, что СССР хоть как-то спровоцировал войну.

Кто будет после войны разбираться с тем, что Красная армия просто от-

ветила на действия фашистских войск? Обвинят в сопричастности в развязывании войны, и точка.

Поэтому целью *вождя* было обеспечение того, что Советский Союз будет безусловным победителем, безупречным во всех отношениях.

Неудивительно, что именно в период «перестройки» на свет выползли Суворовы-Резуны. То, что было невозможно в 1945 году (обвинение СССР в развязывании войны), в 90-е годы попытались сделать всякие там моральные пигмеи по заказу своих хозяев с Запада. ***Это их попытка мести задним числом за то, что их стратегический проект на войну провалился. Это их ничтожество.***

Часть населения нашей страны, к несчастью, попала на удочку лжецов. Ясное дело, в школе-то не учили. Но всплеск интереса был недолгим. Разобрался народ, где ложь, хотя и не до конца. Надеюсь, моя статья восполнит умолчания либералов.

Таким образом, именно ***коварство Запада в его двусмысленном отношении к Гитлеру толкало Сталина на тяжелейший шаг в его жизни:*** весь мир должен был увидеть, что Советский Союз свято соблюдал условия Пакта о ненападении.

Именно *ситуация демонстративной беспечности Красной армии и советского общества в июне 1941 года были абсолютным гарантом того, что никто нам не предъявит обвинения в развязывании войны после ее завершения.*

Надо набраться смелости и прямо назвать такое поведение Сталина: думая о победе, он, как опытный шахматист, разыграл гамбит, то есть пожертвовал малым, чтобы получить стратегическую инициативу.

Он совершил жертвоприношение части своего народа, чтобы выиграть войну на условиях СССР.

Мог ли Сталин хоть кому-то в СССР объяснить неизбежность такого решения? Я думаю, никто бы не понял. Особенно высшие командиры. Они

восприняли бы такое рассуждение как провокацию.

Сталин был единственным руководителем в нашей стране, который сделал правильные выводы из итогов Первой мировой войны.

Он понял, что политическая ответственность за развязывание войны теперь превратилась в дубину империалистов.

Значит, этот пункт должен быть исключен для СССР абсолютно.

Такое решение Сталина объясняет его странное поведение после начала войны, когда он несколько дней не показывался на людях. А потом выступил с обращением к народу, в котором есть слова «дорогие братья и сестры», являющиеся каноническим обращением к пастве в Русской православной церкви.

Такие решения рвут сердце. Уверен, что Сталин в те дни тайно молился, оплакивал тех, кто безвинно погибал. Но что?.. и кому?.. — кроме Господа! — он мог объяснить в то время?! Это личная нравственная ноша вождя. Время тогда наступило подлое, безнравственное, аморальное, алчное. А он думал о благе страны.

Я знаю интуитивно, что Сталин постоянно думал о Вечном, он к нему стремился. Пусть наивно, но образ Мальчиша-Кибальчиша, который не выдал своей тайны мировому буржуину, постоянно приходит мне на ум, когда думаю о ситуации начала Великой Отечественной войны. Так что зря Е. Гайдар осуждал Сталина, тем самым отрекаясь от образов своего деда А. Гайдара, автора «Военной тайны».

Вторым пунктом личной стратегии Сталина на послевоенный период было *выстраивание антигитлеровской коалиции на условиях Советского Союза*. Что здесь было главным? Минимум равноправное партнерство СССР с США и Великобританией.

Достигнуть этого было ох как не просто, если эти страны до войны 20 лет держали сильную дистанцию от СССР в любых вопросах международной политики, соглашаясь лишь на то,

что приносило им экономическую выгоду.

Гитлеровские полчища уже полгода уничтожали нашу страну, а Соединенные Штаты даже не объявляли войну, соблюдая свой нейтралитет. Если бы не японцы, напавшие на Пирл-Харбор, то еще неизвестно, когда бы американцы вступили во Вторую мировую войну.

Так что японцы подыграли стратегии Сталина тем, что соблюдали нейтралитет в отношении СССР и вынудили США вступить в войну.

Многое ли это значило? Да, решение Японии оказало существенное влияние на весь ход войны. Но для сталинской стратегии его роль не столь значительна.

Для Сталина было важно не просто участие Америки в войне против Германии и Японии. Главное, чтобы Америка (вместе с Англией) стала официальным союзником СССР в этой войне.

Это была *очень трудная задача — добиться союзничества США*.

Откровенный антикоммунизм этих стран мешал им признать свое союзничество с Советским Союзом. США в отношении к СССР пошли по легкому для себя пути — помощь по ленд-лизу, то есть привычно зарабатывали деньги на войне.

Конечно, Сталин был благодарен американцам за материальную помощь.

Но его целью было другое: чтобы народы США и Великобритании четко знали, что СССР воюет и за их безопасность.

А что может быть для них прямым доказательством такого союзничества?

Только второй фронт!

Именно победы СССР в 1943 году под Сталинградом и на Курской дуге с последующим прорывом на Днепр позволили Сталину ультимативно потребовать встречи. Это Сталин настоял на Тегеране. А что вообще беспрецедентно, президент США Рузвельт во время встречи лидеров в Тегеране про-

живал в советском посольстве, полагаясь на гарантии безопасности, данные Сталиным.

Добился Верховный Главнокомандующий своей цели? Да, но только номинально — обещания США и Англии открыть второй фронт в июне 1944 года. Были обсуждены также некоторые аспекты послевоенного мироустройства.

Сталин был реалистом! Он знал цену обещаниям, тем более от идеологических противников. Он понимал, что это наша страна своими победами принудила Запад всерьез считаться с Советским Союзом.

Думаю, Сталин вел свою игру. Он увидел, что союзники все еще недооценивают СССР в его способности самостоятельно разгромить Гитлера.

И Сталина это устраивало. Чем дольше господа капиталисты тянут со вторым фронтом, тем легче Красной армии будет выполнить **третий пункт стратегии** вождя.

Советский Союз должен самостоятельно принять капитуляцию фашистской Германии. Без всяких посредников.

Это должна быть наша Победа! Навечно. Навсегда!

Именно это условие было гарантией безопасности для мирного существования СССР после войны.

То, что Сталин в открытую вел игру с союзниками, легко доказуемо двумя фактами.

Первый факт — это обращение Черчилля к СССР в декабре 1944 года с просьбой предпринять наступление на Восточном фронте, так как на Западном фронте Гитлер крепко прижал войска второго фронта наших союзников. Союзникам стало кисло!

Красная армия провела незапланированную заранее войсковую операцию в январе 1945 года, кстати, очень рискуя, оставляя в тылу померанцевскую группировку фашистских войск. При этом операция была столь успешной, что немцы увидели русские танки глубоко в своем тылу, в городке в 60 километрах от Берлина.

Второй факт — Ялтинская конференция вождей анти-гитлеровской коалиции, которая прошла 4–11 февраля 1945 года, то есть сразу после нашей помощи союзникам. Именно на этой конференции Сталин реализовал большую часть своей стратегии: было определено послевоенное мироустройство с учетом почти всех предложений СССР.

То, что Рузвельт и Черчилль приехали в Ялту по предложению Сталина немедленно, показывает, что авторитет СССР и лично Сталина в мировых делах поднялся чрезвычайно высоко. Кончилась эпоха международной изоляции СССР.

Оставался последний, но чрезвычайно важный пункт стратегии Сталина: **единоличное принятие СССР капитуляции гитлеровской Германии**. Для его реализации необходимо было взять Берлин и встретить войска союзников на достаточном удалении от Берлина.

Так и произошла знаменитая встреча на Эльбе войск союзников. В Берлине еще шли кровопролитные бои, а война в целом уже закончилась на условиях СССР.

Все произошло, как задумал Сталин.

И этим оправданы все решения Верховного Главнокомандующего.

В том числе решения периода начала войны.

Поэтому и сочинили песню те, кто хлебнул войны: «А нам нужна одна победа — одна на всех, мы за ценой не постоим!»

Именно за то, что Сталин осуществил свою стратегию Победы, ненависть к нему всех лакеев «мировых господ» брызжет ежедневно с телеэкранов, льется со страниц огромного количества книг, брошюр, статей с одной-единственной целью — заставить людей отвернуться от Сталина, забыть его имя, поверить, что он преступник.

Их ненависть уникальна. Это не просто ненависть к конкретному лицу. Это ненависть к нашей стране, к России.

Но мы есть, и мы празднуем нашу Победу, несмотря на требовательные вопли забыть имя нашего Верховного Главнокомандующего.

Декабрь 2008 года показал, что крепка память нашего народа. Сталин — это третье имя России. Так определило народное голосование. Пусть враги трепещут!

В доказательство моей гипотезы разберем вопрос, почему летом 1945 года прошла еще и Потсдамская конференция, повесткой дня повторявшая Ялтинскую.

Номинальная причина, конечно, в том, что в США сменился президент — в апреле 1945 года умер Рузвельт, его сменил вице-президент Трумэн. Но действительной причиной был простой факт, что победу-то над Гитлером одержала Красная армия. А США, Великобритания и присоединенная к ним (по предложению Сталина) Франция в лице генерала де Голля были только «свадебными генералами» на этой победе (в политическом смысле).

Запад попытался в Потсдаме выкручивать руки СССР, но Сталин не позволил — советская делегация покинула конференцию.

Оставалась война с милитаристской Японией. СССР выполнил полностью свое обещание союзникам — разгромил японскую армию в Китае, на островах Сахалин, Курилы. Притом победы Красной армии были столь успешны и стремительны, что у американцев возникло опасение, как бы русские вновь не присвоили победу.

Наверное, для того чтобы объяснить японскому императору, перед кем нужно капитулировать, американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки.

Бомбардировка императора впечатлила. Капитуляция Японии была подписана на американском авианосце.

Я не оспариваю заслуг простых американских парней, одетых в военную форму своей страны. Но полуторамиллионную Квантунскую армию разгро-

мила Красная армия. Япония, по сути, лишилась сухопутных войск. Не стоит забывать об этом. Политическое влияние СССР ничуть не уменьшилось, несмотря на главенство американцев при капитуляции Японии.

Прошел суд над нацистскими преступниками в Нюрнберге. Возникла ООН. Самая кровопролитная война завершилась.

СССР потерял 28 миллионов своих граждан, больше половины мировых потерь.

Такова цена нашей свободы и 65-летнего мира.

Но Сталин в своей стратегии оказался прав и после войны.

«Англосаксы» все равно начали войну против нас, но уже холодную.

Но уже нельзя отменить того, что наша страна остается постоянным членом Совета Безопасности ООН с правом вето его решений. И у нас есть сторонники. Нас не удалось сбросить с корабля современности.

Эпилог

Учитывая весь комплекс проблем, связанный с эпохой Сталина, я обязан высказаться в целом о своем отношении к Сталину.

Чтобы не было экивоков, скажу — мои деды оба пострадали в ту эпоху, притом оба безвинно.

Дед по матери отсидел 10 лет в норильских лагерях и был на бессрочном поселении в Норильске, когда подошла реабилитация.

Дед по отцу был председателем колхоза в Иркутской области, но в 1933 году был схвачен ЧК по доносу за то, что выделил из колхозных закромов немного зерна вдове погибшего красноармейца.

Его жену, мою бабушку, с шестью детьми выселили из дома. Целую зиму они жили в летней землянке лесорубов. Потом деда отпустили как невиновного, но ничего не вернули.

Дед в колхоз так и не вернулся. В войну работал на железной дороге,

а потом плотничал для колхоза по хозяйственным договорам («шабашил»).

Теперь по сути.

При Сталине русский народ возродился духовно в годы войны и Победы.

За это я ему благодарен.

Но в будущем России такая диктаторская система уже не нужна.

Мы выжили. Поумнели. И мир стал другим. Даже у «англосаксов» теперь много проблем.

Однако личность масштаба Сталина совсем не помешает в руководстве современной России. В России бес-

полезно бороться с вождизмом. Ее условия столь уникальны, что они все равно требуют разумной централизации власти.

Россия — это «Народная монархия», здесь я полностью согласен с Иваном Солоневичем. У нас может быть только демократия (власть народа) с монархическим уклоном. Никто не может игнорировать этот базовый факт.

Так что будем жить, как того и хотел И. В. Сталин, Верховный Главнокомандующий нашей Победы.

*11 августа 2010 г.
Санкт-Петербург*

Владимир Хилько

В ДЕБРЯХ ПОНИМАНИЯ, ИЛИ ЗАБЛУДИВШИСЬ В ТРЕХ СОСНАХ

Часть 2-я

(начало опубликовано в 6-м выпуске журнала)

Случалось ли вам, дорогой читатель, переживать ситуации, сходные с реакцией собаки, когда с ней разговаривают люди — собака смотрит на тебя умными глазами, как будто все понимает, только не говорит?

Примерно то же можно сказать о моих взаимоотношениях с редакцией журнала по поводу темы этой статьи. Наиболее актуальны, конечно же, негативные явления социальной жизни. С одной стороны, просто распирает от отдельных мыслей по фактам действительности. Однако болезни общества, по-моему, зашли так далеко, что их проявлений слишком много — например, в виде коррупции, несоблюдения законов, отсутствия механизмов их исполнения, принципиального неравенства отдельных категорий граждан перед законом, несправедливого расщепления общества вследствие допустимости обогащения одних за счет обкрадывания остальных, при молчаливом их согласии. Поэтому очень трудно связно и логично рассуждать. Не хватает упорядоченности.

Не знаю, как вы, а я постоянно сталкиваюсь с противоположными точками зрения на причины происходящего и с таким же разнообразием предлагаемых действий. Получается жалкое зрелище! Если причина негативного явления известна, то проблемы с этим явлением вроде должны решаться понятными для всех мерами.

Однако меры при одной и той же якобы установленной причине предлагаются разными, часто взаимно исключаящими друг друга. Это, в конце концов, дает повод сомневаться в правильности установления самой причины негативного явления, и циклический процесс типа «новая причина — новые решения» может повторяться сколь угодно долго. Вопрос организаторам «циклического процесса» — так с причиной негативного явления разобрались или нет? По моему, дело здесь в том, что сама причина остается неясной, но люди думают иначе — что в области причины им все ясно. Не поняв на самом деле причину, тем не менее настаивают на решении. Поскольку причины понимаются по-разному, в оценках решений возникает просто путаница. Просто даже до драки. Вы можете возразить — причины, как правило, известны (например, это Горбачев развалил СССР), но вот решения предлагаются точно неправильные (арестовали ГКЧП, который его бы восстановил). Я уверенно отвечаю. Если бы это было так, ошибочные решения легко можно было бы определить, потому что они выявлялись бы среди логичных, непротиворечивых взаимосвязанных фактов (т. е. на «фоне» правильной причины), как «белая ворона» легко выявляется среди остальных черных. Но если решения формируются на основе ложно

определенной причины, они и будут всегда оспариваться, потому что ясности в причинно-следственных связях нет. Простоту принятия правильного решения при правильно установленной причине можно представить так. Вы смотрели телевизор, отвлеклись по домашним делам, в это время любопытный ребенок («А что будет?») выдернул вилку из розетки. Вы после непродолжительного отсутствия возвратились в комнату — телевизор не работает совсем. Свет продолжает гореть — электричество подается. Взглянув на розетку, сразу видите, что он отключен от электросети. Связав факты воедино (недавно телевизор работал, электричество не исчезало, хлопков не было, запаха горелого нет, вся остальная электротехника продолжает нормально работать, ребенок оставался в комнате один, вилка телевизора выдернута из розетки), какой вы делаете вывод о причине неработоспособности телевизора и о том, что нужно сделать для устранения возникшей проблемы? Неужели ваш вывод будет заключаться в том, что у телевизора что-то сгорело внутри и надо открывать заднюю крышку? Надеюсь, я вас если не убедил, то побудил задуматься о том, что, возможно, главная проблема нашей несчастной страны — в неправильной идентификации самих причин наших несчастий. То есть причины не понимаются правильно. Проще говоря, по симптомам болезни ставятся многочисленные неправильные диагнозы. После неправильной диагностики назначаются неправильные лечения, которые, естественно, и не приводят к выздоровлению. Человека держат в сыром темном запертом подвале, ему плохо, ему лечат то почки, то селезенку, то сердце и даже начали сомневаться в его психическом состоянии (жалуется все время), а на самом деле «больному» просто не хватает солнечного света и свежего воздуха! Неправильный диагноз — это как в басне Крылова «Квартет». Как ни садись, музыки не будет, и причина — не в инструментах и нотах, а в отсутст-

вии музыкантов. Однако заметьте, эта причина отсутствия игры самим участникам квартета так и осталась неведома.

Возвращаясь к неправильной идентификации причин бед нашей страны. Что это, природная тупость? Я долго думал над этим. Все сразу и не высказать. В качестве модели происходящего прибегну к технократической. Представьте себе компьютер, загруженный программами. При практической проверке одни из программ работают лучше (быстрее, имеют больше функциональных возможностей и пр.), чем другие. На том же самом компьютере оставьте лучшие программы и получайте удовольствие от работы с ними! Это я к тому, что проблема — в программах, которыми загружены наши головы, а не в якобы нашей тупости и глупости. Если продолжать компьютерную аналогию, приведу пример из собственной практики. Во времена СССР я для расчетов в дипломном проекте имел возможность использовать ЭВМ «Мир» и «Наири». Элементная база у них была практически идентичной. Программное обеспечение — существенно разным. В результате вычисление точки заданной функции ЭВМ «Мир» осуществляла за 45 минут, а «Наири» — всего за 5!

Итак, вопрос: почему одни и те же явления социальной жизни истолковываются по-разному?

Лично я считаю, что именно многообразие проявлений социальной болезни маскирует причины. Поэтому их часто трудно определить. Но именно они нас (меня лично и, надеюсь, других способных думать самостоятельно соотечественников) и интересуют. Сосредоточиться сложно, однако факты вопиют. В общественном понимании причиной авиакатастроф (АН-24 в Сибири) по-прежнему является «плохая видимость». Ведущими телеканала «Культура» становятся лица, которым, по-моему, культуры катастрофически и не хватает. Допускается противопоставление части общества остальному обществу, что вытекает из смысла «рав-

ноправное партнерство» между структурной единицей общества (милицией или уже полицией) и обществом в целом, и это явление воспринимается как некая форма укрепления общественного взаимодействия, что ли. Поэтому сосредоточиться все же придется. Главных вопросов по-прежнему немного: что происходит, кто виноват, что делать?

Тех, кто ожидает ответ, что, как всегда, виновата власть, а замечательный народ тут ни при чем, что и так «все всё знают, все всё понимают», ожидает разочарование. Критики власти и умиления русскими не будет. Более того, думаю, что предлагаемый материал таким людям будет «не по зубам» потому, что гордыня не позволит увидеть и осмыслить конструктивное, которое не совпадет с устоявшейся собственной точкой зрения, являющейся, разумеется, правильной. По причине устоявшейся точки зрения и выводы, скорее всего, будут сделаны неверные. Для таких людей моя рекомендация — попытаться научиться слышать и понимать других, при этом не раздражаясь и не навязывая им свою точку зрения. Слышать — значит «перевести на свой язык» то, что на похожем, но «другом языке» говорит собеседник. При этом перевести так, чтобы ваш собеседник убедился, что вы его поняли. Это можно представить себе на следующем примере. Вы, находясь с собеседником в точке А, договорились о продолжении разговора с ним в точке Б. Вам нужно встретиться в точке Б в условленное время, при этом не важно, каким образом будет осуществляться перемещение. Более того, одинаковыми путями, вместе, «строим» вы с собеседником ходить просто не умеете или не можете. В точно условленное время вы встречаетесь друг с другом в точке Б и взаимно убеждаетесь, что, несмотря на различия в путях и графиках движения (вы, например, успели даже отклониться от первоначального маршрута и посетить еще точку С), точно исполнили задуманное.

Далее я приведу простой пример подобной учебы из собственной практики. Он не совсем типичен для писательской и поэтической среды, потому что связывает субъективное восприятие с объективными условиями.

Я попытаюсь поделиться рассуждениями о причине, порождающей негативные социальные явления как во власти, так и среди остального народа.

В отношении последнего беру на себя смелость утверждать, что в большинстве он состоит из людей убежденных. Однако при попытке выяснить основания (критерии, аргументы, фактический материал) убежденности дело скорее дойдет до выражения отрицательных эмоций, обид и драки, чем до истины. Те, кто встречался с подобными людьми и интересуется причинами, их порождающими, откуда они берутся и почему их большинство (пока), надеюсь, прочтут статью до конца. Впрочем, никому, в том числе и тем, кто никогда ранее не задумывался над подобными вопросами, не возбраняется сделать то же.

Не подумайте, что я собираюсь критиковать все то, что мне не нравится и восхвалять «то, чего у нас нет». Я считаю, что как человек имею право высказать собственную точку зрения. Она может быть не совсем точной и к тому же неполной. Но моя точка зрения будет открыта для всех, потому что я попытаюсь обосновать ее аргументами, которые каждый может попытаться оспорить. Я соглашусь только с аргументированными ответными точками зрения. Эмоциональные оценки типа «это мне не нравится» не принимаются. Эмоциональный подход к решению проблемы понимания давно и хорошо показан в известном фильме «Броненосец «Потёмкин»». Помните, когда у старухи пропал кошелек и ей «показалось», что его мог украсть один из матросов, тогда этого матроса отправили в мешке за борт? Потом, когда старуха нашла у себя кошелек, на основе уже использованного эмоционального подхода к решению пробле-

мы был успешно применен логический выход — ее также отправили за борт. Заметьте — применение логического метода на основе «кривого» эмоционального только усилило отрицательный результат и довело общий счет до 2:0 в пользу глупости. Это к вопросу правильного первого звена в последующей цепочке причинно-следственных связей. Вы, наверное, уже догадались, что я предлагаю больше смотреться в зеркало. Задача проста — пристальным рассматриванием наконец-то разглядеть бревно в собственном глазу, которое ранее все время ускользало из-за непреодолимого желания смотреть на сторону...

Замечали ли вы, что животные наделены поразительной способностью адаптации к изменяющейся среде обитания? Мало того, что воробьи гнездятся в корпусах не горящих дворовых уличных фонарей, но собаки... Эти умнейшие животные теперь переходят улицы, забитые бешено носящимся автотранспортом, по пешеходным переходам, на зеленый свет, вместе с людьми.

Если собаки способны связывать явления окружающей среды (нужно перейти улицу — иди вместе с потоком переходящих ее людей), почему бы и мне не воспользоваться этим простым методом? Попробую связать явления в цепочку и определить, что от чего зависит.

Так опять возвращаюсь к проблеме понимания. Или (что более выражено в социальной сфере) проблеме непонимания людьми друг друга не только в масштабах разных стран, но и в одной, собственной стране, при наличии одного языка, на котором, казалось бы, так легко можно объясниться!

Помнится, в XX веке в нашей стране строили коммунизм. Когда идеологи приблизились к обещанному 1980 году, вместо коммунизма было продекларировано построение «развитого социализма». В чем было особенное развитие — узнать на практике не удалось, так как именно с 1980-х годов

началась эпоха тотального дефицита сначала промышленных товаров, а потом и продовольствия.

Потом отбросили родившуюся в умах «теоретиков», но объявленную как реальность «новую историческую общность — советский народ». Опять поделившись на нации, попробовали строить «самостоятельные» государства, объявленные «демократическими». Потом слову «демократия» присвоили клеймо ругательного, пожалуй, еще больше заклеили либерализм. Все более привлекательным стал патриотизм. Несмотря на это, одновременно в обществе почему-то исчезло желание платить достойные деньги за работу своим соотечественникам, зато укрепилась практика платить существенно меньше гастарбайтерам. А еще укрепилась практика уходить любыми способами от уплаты предусмотренных нормами законодательства налогов и любыми способами увеличивать доходы, поскольку нормы законодательства в этой области, в сущности, проверять оказалось ой как трудно, да и почти никому.. Налицо «раздвоение сознания», противоречие между декларируемым и строящимся. Так мы, толком не разобравшись ни с советским народом, ни с коммунизмом, ни с демократией, и с другими явлениями не разберемся, как не разобрались до сих пор с «царизмом», «самодержавием», «народностью» — спокойно, без неаргументированной восторженности, равно как и хуления или «клеяния».

Что происходит? Почему мы сбросили царизм, а королевские семьи до сих пор пользуются уважением в других странах, ликвидировали социализм, а Китай использует его для гигантского экономического скачка. И чего же мы добились? Похоже, добились мы примитивизма. Он успешно построен и крепко укоренился в большинстве голов наших соотечественников (если строго — не только наших, но это тема отдельного, не менее сложного разговора). Внешне

примитивизм проявляется разнообразно. В рассматриваемых примерах — в виде «недоделанных» на практике царизма-капитализма, социализма, почти коммунизма, развитого социализма, опять капитализма-демократизма-патриотизма, в том числе с присутствием явной ностальгии «по былому», но только после того, как оно успешно было почти до основания разрушено. В быту, например, — неудержимым желанием иметь на практике блага, производимые западной цивилизацией, одновременно хуля ее, как только можно. Хотим, пользуемся, при возможности выбираем «сделано у них», а не по их же технологиям у нас, и ругаем, ох как же это они во всем виноваты... Так при самом беглом анализе в качестве общей характерной черты примитивизма можно указать на осознаваемое или неосознаваемое лукавство, или полуправду. Часть явления или проблемы провозглашается определяющей. При этом критерии при проверке практикой результаты оказываются неясными или даже просто ложными, остальное, выпавшее из поля зрения, небрежно отбрасывается, на этой основе выстраивается система, критика допускается лишь в мелочах. Например, конкретный «стрелочник еще не в полной мере исполняет свои обязанности». Лукавая система в лучшем случае (по глупости) принимается без проверки, на веру, часто с использованием эмоционального подкрепления (чтобы вызвать слезы умиления — «одобряем!»). В худшем — навязывается принудительно. Пиво — только членам профсоюза, руководящие должности — только членам КПСС, возможность поступления в институт — только детям крестьян, вступившим в колхоз. Это раньше. А теперь если нет денег — то вон! Кто больше обокрал других способом, за который не пойман, — тот и считается более успешным. В такой системе нарушены всякие причинно-следственные связи. Декларируется одно, осуществляется нечто совсем другое. Это различие, как пра-

вило, не является очевидным. Требуется усилие по его распознаванию. Нарушение неизбежно вызывает накопление ошибок, которые по причине лукавства же исправляются медленнее, чем накапливаются, и рано или поздно, когда ошибки превысят критический порог, «верхи» не смогут управлять как прежде. Помните, во времена СССР наши «идеологи» уверенно высмеивали западных за то, что они объявляли СССР «колоссом на глиняных ногах»? Может, поменьше гонора да побольше серьезного анализа — правды — и не пришлось бы быть свидетелем распада многонационального СССР ради того, чтобы, в частности, Санкт-Петербург сейчас как никогда был многонациональным — наполнен не только выходцами из бывших республик СССР — таджиками, узбеками, киргизами, но и китайцами, например. Может, довольно ходить по замкнутому кругу, как белка в колесе? Пора от лукавства и декларативности приступить к долговременному созиданию?

Перехожу на уровень основ. Сажусь за школьную парту. Пробую определить зависимые явления и выявить причину.

Когда человек высказывает какое-либо суждение, он опирается на аргументы. Они могут быть следствием собственного опыта, получены в результате обучения, чтения книг, просмотра телепередач, общения с другими людьми, эмоционального сопереживания и пр. Они могут быть осознаваемыми (их человек может объяснить) или неосознаваемыми (максимум объяснения — «я так думаю»). Сразу можно утверждать, что если человек не может указать на аргументы, которыми подтверждает свое суждение, в управленцы он явно не годится. Потому что если не может выстроить систему причинно-следственных связей собственных мыслей, то построить работоспособную систему управления коллективом вряд ли сможет. Могут ли быть аргументы труднообъяснимыми, или интуитивными? Еще как!

Вспомним про таблицу, которая при-
снилась Д. И. Менделееву. Однако как
бы ни были получены аргументы, при
правильной системе они согласуются,
взаимно дополняют, подтверждают
друг друга, во многих случаях могут
быть немедленно проверены на прак-
тике и, что крайне важно, могут успеш-
но пройти проверку критиками и вре-
менем. Этот мир, похоже, так устроен,
что один отдельно взятый человек не
может нести в себе всю истину обо
всем. Он прав в одном и может оши-
биться в другом. Зато другие смогут
поправить, если будут иметь такую
возможность. Таким образом, правиль-
ная система мышления базируется на
объявленных, согласованных, прове-
ряемых аргументах.

Характерной чертой лукавой систе-
мы мышления является подмена по-
нятий. Неразборчивость в понятиях
вообще делает невозможным взаимо-
понимание — люди вкладывают свой
«личный» смысл в то, что должно бы
всеми пониматься однообразно. Из-за
отсутствия однотипных критериев по-
нимания происходит печальное явле-
ние, имеющее глубоко отрицательные
последствия в социальной жизни, а
именно безосновательно оспаривают-
ся достоинства людей, которые спо-
собны подтвердить их. Производится
подгонка под одну, низкого уровня,
мерку. При этом человеку с умением
самостоятельно мыслить, например,
могут приклеиваться ярлыки типа «не-
уживчивый», «с апломбом», «на всё
имеет собственное мнение».

В области управления это размы-
вает обоснованность занятия конкрет-
ными людьми определенных должно-
стей. Вместо сотрудничества, взаим-
ного признания талантов друг друга
возникает соперничество. Те, кто за-
нимает должности, в конечном итоге
основные силы направляют на пре-
сечение попыток инициативы со сто-
роны подчиненных (потенциальных
конкурентов). В области искусства не
признаются мастерство и талант. И не
только в искусстве — везде. В голове,
считающейся умной, родился даже из-

вестный, но не аргументи-
рованный лозунг, подхвачен-
ный другими неумными головами:
«Незаменимых людей нет». Еще как
есть! Попадете в подчинение глупого
или подлого управленца — намучает-
есь сполна, если, конечно, хотя
бы считаете себя честным человеком.
С. П. Королёв умер — и закончилось
наше космическое первенство... Я уже
не говорю о том, что нет и не будет
замены великим писателям, компози-
торам, художникам. Возможно появ-
ление кого-то талантливого, но дру-
гого вида таланта, и уже никогда —
такого же, который был у ушедших.
Может, это явление относится к более
глубокому уровню понимания абсо-
лютной ценности конкретной челове-
ческой жизни?

Небольшое отступление по суще-
ству рассматриваемого вопроса.

Известен факт, когда после гастро-
лей М. Ростроповича по волжским го-
родам появилась критическая статья,
из которой следовало, что большой раз-
ницы между его исполнением и, ка-
жется, игрой старшекурсников кон-
серватории автор статьи не усмотрел.
После этого М. Ростропович заявил,
что если разницы не слышат, то он для
такой публики и играть не будет.

А действительно, есть ли разница,
и так ли уж она важна? Конечно есть,
и она огромна, и очень важна, только
не все хотят или могут ее услышать и
осознать. Это происходит, вероятно,
потому, что не слышащие разницу «не
заточены» на ее восприятие. Они даже
если и хотят, ищут ее не там. Как, на-
пример, безуспешно можно искать по-
терянную вещь в месте, где она точно
не могла быть потеряна, потому что
потерявший ее там не бывал. Если вы
спросите меня, как научиться слышать
разницу между выдающимся и рядо-
вым исполнением, я, пожалуй, отвечу
кратко так: надо искать различия в эмо-
циональном воздействии на вас. Тогда
у вас появится шанс убедиться, что ве-
ликие исполнители все разные, но они
велики тем, что не оставляют вас рав-
нодушными. Они способны вовлечь

вас в сопереживание даже помимо вашей воли. Кроме понятных чувств радости, боли, страданий передать недоступные, неземные эмоции, которые проявляются, например, в виде состояния подъема духа, сосредоточенного восторга. При этом хочу отметить важную особенность. В таком восторге усматривается упорядоченность. Простая, ритмически ясная, или очень сложная. В хаос какофонии тоже можно вовлечь, да так, что милицию придется вызывать, чтобы остановить глумящихся над вами людей. Но упорядоченности в какофонии нет, потому и восторг она не вызывает. В качестве примера уникальной упорядоченности вспомните об ансамбле танца И. Моисеева с характерной для этого коллектива ясностью, согласованностью движений.

Поделюсь ощущениями от одного из отборочных туров на конкурс «Детское Евровидение». Я в это время занимался домашними делами, телевизор был включен, но без звука. Вот мои ощущения. На сцене кривляются дети. Они то изгибаются, то нагибаются, то крутятся, то поднимают руки и ноги, то опускают их, то прыгают и т. д. Все это сопровождается гримасами на лицах. Эти жесты логически и эмоционально слабо связаны друг с другом, и потому их назначение непонятно, если отвлечься от превентивного знания, что это такое. При пристальном наблюдении нетрудно увидеть, что дети пытаются подражать взрослым артистам аналогичного жанра, при этом бессмысленности у детей конечно больше. Взрослые пытаются изобразить движениями какие-то страсти, в основном — «страдания вокруг выеденного яйца», как говорят мои близкие, или просто подкрепить ритм движениями. Если вдуматься, то взрослые артисты в этом случае — «кривой» эталон для подражания. Как не сопоставить рассматриваемые движения людей с движениями животных? У последних — все гораздо логичнее. В движениях кошек и собак — явный смысл. Они или ищут еду, или едят. Или от-

дыхают, или играют друг с другом, или выясняют отношения. Нет противоречия в их жестах и действиях. Понятно, почему они приковывают к себе внимание — они гармоничны. Как сказал один из знаменитых артистов, кошку переиграть нельзя — она естественна, поэтому если во время спектакля на сцене появится кошка, внимание зрителей будет переключено с игры артистов на нее. Возвращаясь к людям, об упомянутом кривлянии детей как подражании взрослым можно сказать, что это как раз и есть пример подмены понятий. Причем пример непростой, с эмоциональной составляющей. Дети пытаются подражать взрослым в том, что детям еще не присуще — у них нет взрослых страстей, взрослого дурновкусия, взрослые эмоции также детям не понятны, и они не могут таким же образом, как взрослые, чувствовать ритм. Получается ложь, или, выражаясь в «танцевальном» ключе — то, что я и назвал кривлянием. Как к этому относятся взрослые? В основном с умилением, они рады за собственных детей, считают, что это допустимый путь развития их талантов или хотя бы путь прославления, и не задумываются о сущности происходящего. Я же полагаю, что такая подмена вновь, на ином уровне, «по-современному» способствует формированию того стиля жизни, который и воспроизводит «на новом уровне» наши беды, от лукавства, или подмены понятий, строго исходящие.

Вернемся к великим музыкантам. Здесь серьезная проблема. Их мало. Живое исполнение такими музыкантами почти недоступно. Остается только звукозапись. Звуковоспроизводящей техники, которая способна донести до слушателя эмоции, которые способны вызвать великие музыканты, на практике мало. Более того, по этому критерию большинство из производимого и продающегося не годится для воспроизведения музыки, которую исполняют великие музыканты, — это техника для непритязательного воспроизведения набора зву-

ков и ритмов (иногда она и с этим не справляется). Ситуация усугубляется все более широким распространением портативной техники усеченных форматов.

Повторяюсь специально — на такой технике почти нет шансов услышать богатство эмоций, рождаемых великими музыкантами. Зато она — еще один отличный пример рассматриваемой нами подмены понятий. Дело в том, что современные портативные MP-3 плееры, согласно рекламе, универсальны — то есть воспроизводят почти все форматы, в том числе не усеченный WAV (технический аналог формата аудиодиска). Казалось бы, слушай WAV — и у тебя значительно больше возможностей услышать тонкие нюансы музыки. Действительно, запись в формате WAV занимает гораздо больше места в памяти плеера, чем в формате MP-3, однако реально все воспроизводится в усеченном виде. То есть по факту исходный сигнал в формате WAV при воспроизведении «обрезается». Прослушав одну и ту же запись в форматах MP-3 и в WAV, слушатель не услышит разницы потому, что ее действительно там нет. И это при том, что входные потоки записан-

ной информации существенно отличаются. Зато рекламой утверждается, что «воспроизводится всё». Разве это не лукавство, или не очевидная полуправда, или не наглая подмена понятий? Зато среди несведущей молодежи упорно поддерживается миф о великой победе технического прогресса, сделавшим «всё одинаковым» при существенно меньших габаритах. Сам по себе этот миф не имел бы такого негативного значения, если бы не то обстоятельство, что техника фактически превращается в инструмент для отбрасывания, как не нужных, способностей человека по эмоциональному различению. Проблема в том, что человек данное явление совсем не осознаёт. Получается, что слушание MP-3 — один из путей к огрублению самого восприятия. Одна из дорог к примитивизму. Наша молодежь ловко направлена на этот путь при попустительстве взрослых, которые при этом и сами не очень-то понимают суть проблемы. Замечу еще раз, что MP-3 — «западное» изобретение, но негативное влияние на способность различения эта техника будет оказывать больше «у нас», чем «у них». Почему? Об этом чуть позже.

(Продолжение следует)

Владимир Василик

СТАРЧЕСТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Что такое старчество? Это особый институт духовного наставничества, органично сложившийся в Православной Церкви с древних времен. Происходит он из монашеской среды. Как говорит один из современных подвижников благочестия старец Лука из афонского монастыря Филофеу, «Тот, кто оставляет мир, чтобы стать монахом, покидает мир не потому, что ненавидит и отвращается его. Он покидает грех и зло мира. И насколько он отдаляется от мира и исцеляется с помощью благодати Божией, тогда, насколько он исцеляется, настолько понимает, как страждет мир. И насколько он облегчается от тяжести грехов, настолько любовь Христова, входящая в него, открывает ему сердце для того, чтобы он принимал грехи других, чтобы он отдавал самого себя». Старец — тот, кто достиг высот евангельского совершенства — молитвы, смирения, веры, любви и, как опытный альпинист, способен вести к этим высотам и других. Вот слова епископа Зарайского Меркурия о схиигумене Илии (духовнике нынешнего Патриарха): «Высота смирения и внутренняя постоянная молитва столь же характерны для него, как умение дышать, слышать и видеть. Даже когда он говорит, то не перестает молиться. Общаясь с ним и рассказывая о своей жизни, поймал себя на мысли о том, что я его ни о чем не спрашиваю...»^{*} Невольно вспоминаются слова Спасителя из Евангелия от Иоанна: «В тот день вы не спросите меня ни о чем» (Ин. 15: 25).

В чем же одно из главных дел монаха? По словам недавно почившего

афонского монаха Иосифа, ученика Иосифа Исихаста, — хранение чистоты ума: «Однако монах как ум должен усовершиться через внутреннее обращение, и приходит соприкосновение человека с Богом, когда происходит просвещение или очищение сердца. Именно это сказал Самарянке Господь наш: “Бог есть дух и ищет поклоняющихся Ему в духе и истине”. И, собственно говоря, монах занимается именно этим. Итак, видите, что именно ум есть способ нашего общения с миром. Следовательно, если мы хотим отринуть безумное (paralogon), закон извращения, и снова соединиться с Богом, то мы это делаем через ум. И закон извращения, безумное, которое действует в чувствах, действует и на ум, и если он не сопротивляется, то пленяет его и приводит к безумию. Однако если ум здоров, то он не позволяет чувствам приближаться и желать безумного. Ум контролирует их, поэтому монах действительно рассматривается как ум, ум, зрящий Бога. И поэтому подлинное делание монаха — держание ума». Возникает вопрос: как этого добиться, если весь строй современной жизни построен по закону извращения, надругательства и над верой в Бога, и над здравым смыслом, и над человеческой природой? Один из ответов — через твердую и определенную жизненную программу, через исполнение молитвенного правила и устава, через постоянную духовную деятельность, через послушание и смирение и отсечение поиска сверхъестественных состояний. Характерны слова игумена Дохиарского монастыря о. Григория (Афон) в ответ на вопрос игумена Валаамского монасты-

^{*} Поле жизни. С. 20.

ря еп. Панкратия: «Как молятся ваши монахи? Занимаются ли они умной молитвой?» Отец Григорий ответил: «Мы не требуем умной молитвы от многих и с трудом даем ее. Я считаю, и даже верую, что умная молитва есть небесное делание, но нужно подходить к ней с большим вниманием и великой осторожностью. Существует просто молитва (euche) и умная молитва (поета proseuche): первую мы должны творить неукоснительно, вторая — не в нашей власти, но во власти Бога. Проблема современного Афонского монашества состоит в том, что многие монахи — молодые, и они приходят из мира, который уже совершенно другой, чем тот, что был до 1960 года. Капитализм, материализм, гедонизм в нашей стране сделал то же, что коммунизм — в вашей, он разрушил духовное наследие нашего народа. Мои родители были неграмотными, но я знал все, что относится к жизни Церкви. Мои детские годы прошли с моей тетусшкой, монахиней, которая совершала 300 поклонов утром, 300 поклонов вечером. Поэтому у меня не было проблем в монастыре: что я делал дома, тем же занимался и в обители. Теперь не то: у современной молодежи почти нет связи с Церковью, она порвана. Когда современные молодые люди приходят в монастырь, они ничего не умеют, их приходится учить всему — стоять в церкви, креститься, сидеть за трапезой (ведь дома они привыкли класть ноги на стол), даже — нормально пользоваться туалетами. Люди приходят в монастырь с чувством дерзости, неуважения к старшим, с совершенным отсутствием смирения, так что часто необходимы определенные кровопускания. Ему еще нет 18 лет, а он уже сотворил все мыслимые и немыслимые грехи. И с такими людьми вы собираетесь говорить об умной молитве, с ними — заниматься ею?! Нет, и еще раз нет! Сейчас многие говорят и пишут об умной молитве, но посвящают буквально 1–2 страницы о том, как ее стяжать, и пишут десятки, сотни — о ее плодах. Это все равно,

что нахваливать апельсины, но забывать о том, как их выращивают. Вот ты трудишься, сажаешь дерево, поливаешь его, удобряешь, а об этом — ни слова. Только о плодах, ведь они — вкусные, все их любят. Мы любим льстить монахам, убаюкивать их словами об умной молитве и прежде всего — о ее плодах. Некоторые игумены и монахи со Святой Горы любят приезжать в Элладу, в Фессалоники и другие города, где рассказывают об умной молитве, и их с восторгом слушают толпы народа, особенно — женщины. Но что они рассказывают? О сердечном жаре, о боли в сердце и т. д., а не о покаянии. Ко всем таким проявлениям следует относиться с большой осторожностью, они могут быть истинными, а могут быть и прелестными, а прелесть — самое худшее, что может быть для человека.

Как же стяжается умная молитва? Через исполнение заповедей, через борьбу со страстями, стяжание добродетелей Христовых. Если же монах — чревоугодник, хулитель, сплетник, пьяница, то о каком умном делании может идти речь? Приведу один пример. Старец Амфилохий, мой наставник, никого никогда не осуждал. Я прожил с ним 15 лет и не слышал от него ни одного слова осуждения. Вот он был подлинным делателем умной молитвы. Расскажу один случай. Однажды летним утром он сидел у себя в келье. Он был болен, и обыкновенно мы каждые полчаса заходили к нему в келью. Он заснул в своем кресле, и мы долго не входили к нему в келью, уважая его покой. Наконец, когда прошло довольно много времени, мы подошли и постучали. Ответа не было. Мы не выдержали и потихоньку вошли в его келью. Он сидел в своем кресле совершенно неподвижно, как неживой, я подошел поближе, чтобы рассмотреть — жив ли он, и увидел, что рука его медленно перебирала четки. Наконец он как бы очнулся, выпрямился в кресле и спросил: «Много ли времени прошло?» — «Немного», — от-

ветил я. Тогда он приложил палец к устам и сказал: “Тс-с, молчи об этом”. И я умолчал об этом до его смерти. Мы — чувственные люди. Мы смотрим, слышим, обоняем. Если ты хочешь заниматься умной молитвой, то должен совлечься всех своих чувств. Можешь? Нет? Тогда нечего и говорить об умной молитве. Она — для усовершенствовавшихся, а не для новоначальных».

О. Панкратий. Но ведь монах должен чувствовать молитву, вникать в нее. Нельзя же совершать ее механически.

О. Григорий. Именно поэтому я ввожу братьев в таинства Церкви и в круг церковных праздников. Я не рассказываю им долгих историй, я не ученый, тем более — не старец-тайноводитель. Просто в церкви мы читаем проповеди великих Отцов Церкви, потом в трапезной я изъясняю их. Например, на Вознесение в церкви мы читали слово Епифания Саламинского и первое слово Иоанна Златоустого. В трапезной мы читали второе слово Иоанна Златоустого, а потом я его толковал. В своем истолковании я стараюсь выделить самое существенное в празднике, в его таинстве, ибо праздник — то своего рода таинство Церкви. Старец Амфилохий говорил: «Самое лучшая молитва — богослужение в течение 24 часов (то есть богослужение суточного круга). Только на нем может вырасти хороший монах, настоящий монах».

О. Панкратий. А что делает монаха настоящим монахом?

О. Григорий. Что? Послушание и полное отсечение своей воли. Монах со своей волей — не монах. Это вообще невозможно. Поэтому, если хочешь стать монахом, то необходимо кровопускание. Если я вижу, что послушник как приходит со своей волей, так и остается с ней, то отправляю его домой. Домой его. Требуется полное послушание игумену. Я требую его не потому, что я святой, но потому что монаху необходимо отсекал свою волю. Это нужно для монаха же.

О. Геронтий. Отец игумен, вы правильно сказали о кровопускании. Но как не переусердствовать?

О. Григорий. Как? Должно быть рассуждение. Вы должны проявлять к послушнику внимание, обладать познанием его душевного склада, его психологии. Не смиряйте его резко, а ограничивайте его так, чтобы он шел в нужном направлении. Нагружайте его не сразу, а постепенно и в зависимости от того, как он стоит. Если он стоит хорошо, нагружайте его как следует, но не сразу. Если он еле стоит, шатается, не нагружайте его совсем.

О. Панкратий. А если брат не слушается, как вы его смиряете?

О. Григорий. Делая то, что должен делать он сам. Например, один брат не выполнил послушания и не попросил прощения. Тогда я сказал ему: «Прости меня, брат». Он устыдился и пошел исполнять послушание...